

ПРОГРАММЫ ПАРТИИ «ЯБЛОКО»

Том 2 • Книга 1

Москва, 2026

ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПАРТИИ «ЯБЛОКО»

Том Второй

Книга 1

СОДЕРЖАНИЕ ТОМОВ И КНИГ:

ТОМ ВТОРОЙ

Книга 1.

1. ЗАЯВЛЕНИЕ О СОЗДАНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «БЛОК: ЯВЛИНСКИЙ – БОЛДЫРЕВ – ЛУКИН».....	5
2. БЛОК: ЯВЛИНСКИЙ - БОЛДЫРЕВ - ЛУКИН: ПРЕДВЫБОРНАЯ ПЛАТФОРМА	7
КУДА ИДЁТ НАША СТРАНА	8
МЫ СЧИТАЕМ, ЧТО У НАШЕЙ СТРАНЫ ЕСТЬ ИНОЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ	8
ВОПРОСЫ СТРАТЕГИИ.....	9
ПОЧЕМУ МЫ БАЛЛОТИРУЕМСЯ В ПАРЛАМЕНТ	12
ЧТО МЫ ПРЕДЛАГАЕМ В ПОЛИТИКЕ	12
ФЕДЕРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.	14
ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ В ЭКОНОМИКЕ	16
1. Инвестиции как условие и цель приватизации.	17
2. Структурная политика.....	18
3. Формирование конкурентной среды и регулирование монополий.....	20
4. Основная задача Финансовой и денежно-кредитной политики	21
5. Аграрная политика.....	23
6. Поддержка экономических реформ в регионах России.....	24
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.....	25
БЕЗОПАСНОСТЬ ГРАЖДАН.....	27
НАУКА И КУЛЬТУРА.....	28
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.....	29
ОТНОШЕНИЯ В РАМКАХ СНГ	30
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА	32
3. УРОКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ.....	35

ВВЕДЕНИЕ	36
ЧАСТЬ I. САМОРАЗВИВАЮЩИЙСЯ ПРОЦЕСС	41
1.1. Проблема «собственник - директор»	41
1.2. Искажение в относительных ценах, технология и структура рынка.....	49
1.3. Макроэкономика и деньги	58
1.4. Издержки открытия экономики.....	69
1.5. Некоторые специфические геополитические факторы.....	73
ЧАСТЬ II. ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ	76
2.1. Провал Рынка или Правительства?	76
2.2. Эффективный собственник.....	83
2.3. Промышленная политика и государственные инвестиции	87
2.4. Банковская система, деньги и сбережения.....	95
2.5. Полуповорот во внешнеэкономической деятельности	99
2.6. Российская Федерация и СНГ	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	108
Необходимость нового теоретического подхода.....	108
Совет советникам	111
ПЕРЕЧЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ	114
4. ЭКОНОМИКА РОССИИ: НАСЛЕДСТВО И	
ВОЗМОЖНОСТИ	117
ВВЕДЕНИЕ	123
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	129
ЭВОЛЮЦИЯ И КРАХ СОВЕТСКОГО ПЛАНОВОГО ХОЗЯЙСТВА.....	129
ПЛАНОВАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ СССР	129
МОДЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ	133
КРАХ СОВЕТСКОЙ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	143
МАТЕМАТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ СОБСТВЕННИК-ДИРЕКТОР	144
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	146
ПОСТПЛАНОВАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ И ЕЕ ОТЛИЧИЕ ОТ РЫНОЧНОЙ	146

ПОСТПЛАНОВОЕ ГОСУДАРСТВО	149
ПОСТПЛАНОВЫЙ РЫНОК	153
ПОСТПЛАНОВАЯ СОБСТВЕННОСТЬ	162
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	172
ПУТЬ К РОССИЙСКОМУ РЫНКУ	172
ФАЛЬШИВЫЕ ДИЛЕМЫ	173
ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ: НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР.....	178
ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА	184
ПРОГРАММА ПРИВАТИЗАЦИЙ.....	198
УРОКИ БОРЬБЫ С ИНФЛЯЦИЕЙ.....	218
В РАСКОЛЕ ДЕМОКРАТОВ ТРАГЕЛИИ НЕТ	231
«ВЕЙМАРСКАЯ» СИТУАЦИЯ	237
НАША АЛЬТЕРНАТИВА	239
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	245

ЗАЯВЛЕНИЕ О СОЗДАНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

«БЛОК: ЯВЛИНСКИЙ – БОЛДЫРЕВ – ЛУКИН»

Москва, 1993 год

ЗАЯВЛЕНИЕ О СОЗДАНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «БЛОК: ЯВЛИНСКИЙ – БОЛДЫРЕВ – ЛУКИН»

Мы группа граждан России вместе с представителями политических и общественных организаций объявляем о создании объединения «Блок: Явлинский – Болдырев – Лукин».

Мы заявляем себя как демократическая оппозиция существующей власти – разделяя цели демократии, свободы и рыночной экономики, решительно отвергаем средства и методы, используемые в последние два года для их достижения. Мы убеждены, что избранный нынешней властью представляет реальную угрозу провозглашенным идеалам.

Сегодня для нас главное – провести в Федеральное Собрание людей, для которых средства важны не менее, чем цели, не запятнавших себя разжиганием вражды и ненависти к кому бы то ни было, профессиональных экономистов, юристов, социологов. Мы должны избежать повторения бесславно сошедших с политической сцены Съезда и Верховного Совета и не допустить появления “карманного” парламента, придатка исполнительной власти.

Сегодня нет другого пути к законности, к реформам, к отвечающим реальному состоянию общества и экономики, к новому типу отношений между властью и народом. Важно открыть двери власти морально чистоплотным людям.

Только сделав это, мы можем провести успешные реформы.

Только при этом условии у граждан России появится возможность улучшить свою жизнь.

Координационный Совет
избирательного объединения

25 октября 1993 года

г. Москва

**БЛОК: ЯВЛИНСКИЙ - БОЛДЫРЕВ - ЛУКИН: ПРЕДВЫБОРНАЯ
ПЛАТФОРМА
(ноябрь 1993 года)**

КУДА ИДЁТ НАША СТРАНА

Россия все больше становится страной, в которой нет политической стабильности, отсутствуют гарантии прав и свобод личности, механизмы взаимодействия власти и народа. Неподчинение законам охватывает все сферы жизни общества. Периодически обостряются отношения с соседними государствами; сохраняется постоянная угроза дезинтеграции страны.

Власть уже отмечена признаками слияния с небольшим числом полутеневых структур. Экономика в нашей стране остается сверхмонополизированной, а отношения собственности крайне неясными и запутанными. Происходит постоянная утечка капитала за границу, непрерывно растут цены. Все это грозит потерей экономической независимости, утратой не только внешних, но и внутренних рынков.

Поляризация доходов достигла весьма опасных пределов, болезненно ощущается раскол общества. Начались гражданские столкновения. Люди чувствуют оторванность от власти. Ее незаинтересованность в их мнении. Появляется ощущение бесперспективности, нарастает беспокойство за судьбу детей и близких.

Мы уже далеко продвинулись по этому пути. Еще через 2-3 года ситуация может стать необратимой. Россия окажется страной несостоявшейся демократии.

МЫ СЧИТАЕМ, ЧТО У НАШЕЙ СТРАНЫ ЕСТЬ ИНОЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ

Россия может и должна стать государством, приспособленным для спокойной и обеспеченной жизни своих граждан; государством, в котором предприимчивые люди будут иметь простор для экономической и творческой инициативы, а большинство трудоспособного населения получит возможность работать, сознавая, что деньги, нажитые честным трудом, являются надежным мерилом благосостояния.

Россия может и должна стать страной, в которой соблюдение законов сверху донизу обеспечит гражданам предсказуемость их повседневной жизни, а это означает, что человеку будет обеспечено право не бояться произвола: преступников - на улицах, чиновников - в частной и общественной сферах, монополистов и рэкетиров - в бизнесе, работодателей - на рабочем месте.

Российское общество способно избежать печальной участи быть разорванным непримиримыми противоречиями между своими частями. Умная социальная и антимонопольная политика предотвратит поляризацию общества на безмерно богатых и удручающе бедных. Обширный средний класс станет основой стабильной политической системы, которая предотвратит накопление ультрарадикалов на полюсах партийного спектра (чреватое гражданской войной) и обеспечит преобладание умеренных и трезвых политиков - в его центре. Взвешенная региональная и национальная политика, проводимая на основе принципа федерализма, будет в силах удерживать страну от распада, упреждая конфликты.

Стабильное общество, защищенное сильным и хорошо отлаженным государством, послужит питательной средой для медленного, но неуклонного экономического роста, идущего не в ущерб, а во благо культуре, образованию и науке.

Мы хотим именно такого развития событий.

ВОПРОСЫ СТРАТЕГИИ

1. Конституция:

Мы считаем, что новая Конституция должна быть принята в результате широкого общественного обсуждения с участием Парламента. Только после того, как будут заслушаны все точки зрения, Конституция может быть вынесена на референдум или принята другим законным путем.

В том случае, если 12 декабря проект Конституции все же будет принят на референдуме, по сути это будет временный конституционный акт и мы будем выступать за внесение в него целого ряда изменений, восстанавливающих демократические принципы, разделение властей и гарантирующих от произвола исполнительной власти.

2. Федеральное собрание:

Мы исходим из того, что новый Парламент - это парламент учредительный. С нашей точки зрения, его важнейшей задачей является введение в действие новой Конституции.

На основе новой Конституции Федеральное собрание должно обеспечить:

- разработку и принятие нового избирательного кодекса;
- назначение и организацию выборов Президента России, местных органов власти, а затем - выборов нового федерального парламента.

Мы считаем, что парламент должен проделать эту работу в течение двух лет.

К 1996 году Россия должна иметь полноценную Конституцию и избранные на ее основе представительные и исполнительные органы власти.

3. Федеративное устройство государства:

Мы видим необходимость постепенно и осторожно отказаться от устаревшего административно-территориального деления страны, введенного в целях командного управления ею.

По нашему мнению единое конституционное государство Российская Федерация в конечном счете обустроится в результате объединения исторически сложившихся крупных российских земель, которые уже сегодня заявляют о себе.

Мы убеждены, что главная задача федеральной власти в период реформирования не в том, чтобы навязывать всем свои представления, а в том, чтобы вовремя замечать и поддерживать все то положительное, что инициируется снизу.

4. Экономика:

Мы не видим пользы в либерализации советской экономики - сверхмонополизированной, имеющей неэффективную структуру и глубоко искаженные внутренние взаимоотношения.

Мы понимаем либерализм не как раскрепощение такой экономики от государственного контроля, а как освобождение общества от этой экономики путем ее сознательной трансформации в новую.

Мы считаем, что для этого необходима целенаправленная программа реформ: жесткое и максимально быстрое разрушение монополий, всемерная защита и поддержка конкуренции, создание условий для осторожной и ненасильственной земельной реформы, упорядочение и прояснение отношений собственности, существенное расширение масштабов частного сектора экономики.

Только на этой основе можно остановить инфляцию и только после этого правительство сможет с пользой для дела существенно ограничить свое вмешательство в экономику.

5. Отношения с ближайшими соседями:

Мы полагаем, что Россия заинтересована в глубокой интеграции с бывшими республиками СССР, прежде всего в создании общего рыночного экономического пространства и оборонного союза.

6. Социальная политика:

Мы знаем, что у государства сегодня действительно нет средств для реализации полноценной социальной политики. Тем не менее, одну государственную программу в этой сфере мы считаем даже сегодня высшим приоритетом. При любых условиях все необходимое, включая полное финансирование, должно быть предоставлено дошкольной медицине и школе. Сэкономить на этом значит навсегда отрезать себе путь в будущее.

7. Народ и власть:

Мы исходим из того, что независимость граждан от власти есть одна из основ гражданского общества. Принципиально важны государственные гарантии поддержки и защиты самых разнообразных форм самостоятельной организации граждан: жилищных товариществ, комитетов дошкольного и школьного воспитания, молодежных организаций, профессиональных сообществ и клубов, групп взаимопомощи, спортивных обществ.

ПОЧЕМУ МЫ БАЛЛОТИРУЕМСЯ В ПАРЛАМЕНТ

У нас есть план действий, как на ближайшее время, так и на перспективу, позволяющий работать над тем, чтобы наша страна постепенно становилась сильным и демократическим государством. Мы видим возможности для процветания многих, а не единиц. Мы хотим, чтобы Россия начала превращаться в современную, промышленно развитую страну, и рассчитываем, что на это потребуется 10-15 лет. Но работу надо начинать немедленно. Ради этого мы сейчас идем в парламент.

ЧТО МЫ ПРЕДЛАГАЕМ В ПОЛИТИКЕ

1. Последовательно отстаивая демократические ценности, мы выступаем за восстановление институтов представительной власти на всех уровнях, за введение функций исполнительной власти в правовые, конституционные рамки, за независимый суд, за реальное разделение властей, заслуживающих доверие граждан.

2. Независимо от исхода референдума по проекту новой Конституции мы считаем необходимым:

- внесение в Конституцию, либо в ее проект ряда существенных изменений, надежно гарантирующих общество от своеволия исполнительной власти, укрепляющих положение парламента в системе разделения властей;
- -принятие конституционных законов, гарантирующих права граждан, устанавливающих принципы федеративного устройства России и подлинное равенство субъектов Федерации, четко фиксирующих права и обязанности высших органов государственной власти, более четко регламентирующих условия введения чрезвычайного положения и другие важнейшие вопросы государственной жизни;
- пересмотр законодательства о Конституционном суде, предусматривающий механизм безусловной реализации его решений.

3. Мы полагаем, что предельно сжатые сроки, отведенные на подготовку и проведение выборов федеральных и ряда местных органов власти, а также референдума по Конституции, постоянная корректировка условий выборов, явные преимущества, предоставленные некоторым избирательным объединениям, затрудняют свободное волеизъявление граждан, в особенности на выборах в Совет Федерации и в местные органы власти.

Поэтому необходимо:

- новому Федеральному Собранию срочно принять избирательный кодекс с учетом изъянов Положений о выборах, выявившихся в ходе избирательной кампании;
- на основе нового избирательного Закона провести выборы всех органов законодательной (представительной) и исполнительной власти в субъектах Федерации и органов местного самоуправления в первой половине 1994г.;

- на основе новой Конституции провести выборы Президента Российской Федерации.

4. Мы считаем, что главные задачи выбираемого парламента - учредительные и потому поддерживаем решения о двухгодичном сроке полномочий будущего Федерального Собрания.

Мы идем в парламент для конструктивной профессиональной работы и будем добиваться там решения четырёх главных задач:

- утверждения федеративного строя, решительного противодействия как централизаторско-унитаристским, так и сепаратистским устремлениям;
- создания баланса властей на федеральном уровне;
- системного пересмотра экономического законодательства;
- квалифицированной разработки и реального контроля над исполнением государственного бюджета, доходов и расходов государства.

ФЕДЕРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.

1. Мы придерживаемся принципа равенства прав гражданина РФ независимо от того, на территории какого из субъектов Федерации он проживает.

2. Мы выступаем за конституционную, а не за договорную федерацию. Единство России - это непреложный принцип, который не может быть подвергнут сомнению не только голосованием в Парламенте, но даже референдумом на отдельных ее территориях. Мы против закрепления в Конституциях РФ и ее территорий права выхода из состава Федерации. Единообразие бюджетных взаимоотношений Москвы и регионов, приоритет федерального законодательства - основополагающие принципы федеративного устройства.

3. Мы выступаем за поощрение процессов межрегиональной интеграции. Объединение субъектов Федерации на основе экономической, социальной,

географической общности соседних административно-территориальных образований. Постепенное формирование более крупных региональных объединений на неэтнической основе.

4. Мы твердо считаем, что применение армии в решении внутриполитических проблем должно быть исключено.

5. Важно разделять вопросы федеративного устройства и национальной политики. Национальная политика должна составлять самостоятельную сферу деятельности государственных органов. Мы предлагаем строить ее на основе института культурной, или экстерриториальной, автономии. Это даст возможность преодолеть территориальную раздробленность народов и неравенство их политических статусов.

Экс - территориальная автономия - долгосрочная цель, движение к которой должно быть постепенным, без насильственной ломки сложившихся территориальных образований.

Мы рассчитываем на тесное сотрудничество с национальными общественно-политическими организациями.

Необходима “адресная” государственная поддержка малочисленных народов, не обладающих собственными возможностями для национального возрождения и развития.

6. Последовательное проведение принципа вертикального разделения властей (федеральная, региональная, местная). При этом власти более низкого уровня должны подчиняться не чиновнику верхнего уровня, а соответствующим нормам федерального законодательства. Решение всех местных вопросов должно находиться в сфере исключительной компетенции субъектов Федерации.

7. “Федеративный” блок статей новой Конституции неизбежно будет носить временный характер до фактического разделения полномочий между федеральными и региональными органами власти.

8. Развитие системы местного самоуправления, отделенного от государства - важнейший элемент становления демократической России. Национальные традиции компактно проживающих народов должны непременно учитываться при организации местного самоуправления.

ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ В ЭКОНОМИКЕ

Стратегическая ошибка первого этапа реформы -попытка одномоментной замены государственного регулирования экономики на монетарные инструменты управления ею, предназначенные для сформировавшихся рыночных систем с конкурентной средой.

В результате мы имеем крайне монополизированный рынок, при утрате управляемости им. Попытки “сбить инфляцию” сегодня означают борьбу со следствиями, а не с причинами, с температурой, а не с болезнью. Вред от такой политики - в росте социальной напряженности, углублении спада производства, разрушении инфраструктуры экономики из-за нехватки инвестиций.

Неэффективное распоряжение собственностью, монополизм и “утяжеленная” структура экономики - вот глубинные причины роста цен и их устранение должно стать приоритетами экономической политики. Борьбу с инфляцией мы считаем долгосрочной задачей и предлагаем трехлетнюю программу ее преодоления.

Базовые функции государства в экономической сфере - разумный сбор налогов, обеспечение безопасности и законодательное регулирование хозяйственной деятельности.

1. Инвестиции как условие и цель приватизации. Контроль государства за теми сферами экономики, которые остаются в его руках. Это позволит Эффективно распоряжаться собственностью.

Добиваться этого мы предлагаем с помощью следующих мер:

- ревизия всего законодательства, включая подзаконные акты, его систематизация. (Цель - приоритет частного права). Разработка и принятие недостающих законов (Гражданский и Торговый кодексы и т.д.). Законодательство должно быть преимущественно прямого действия с четким механизмом реализации и конкретными санкциями;
- завершение обмена приватизационных чеков на акции. Стимулирование продажи контрольных пакетов акций промышленных предприятий крупным институциональным инвесторам (инвестиционные фонды, банки, иностранные инвесторы и др.);
- защита прав держателей небольших пакетов акций. Стимулирование создания предприятий с полной имущественной ответственностью. Заявительный порядок регистрации частных предприятий;
- создание эффективной государственной системы защиты собственности;
- создание законодательной базы для реализации права частной собственности на землю при максимальном учете социокультурных особенностей регионов и экологических ограничений;
- заключение от имени государства контрактов с директорами государственных предприятий и управляющими акционерных обществ, в которых более 50% капитала принадлежит государству;
- проведение банкротств хронически неплатежеспособных предприятий. Создание системы добровольной реорганизации предприятий (“добровольные банкротства”) при поддержке государства: инвестиции, кредиты, управленческие кадры. Индивидуальные

проекты по предприятиям-банкротам: реорганизация производства и управления, поиск инвесторов, санация.

2. Структурная политика должна ориентироваться на расширение внутреннего рынка, увеличение экспорта продукции высоких степеней обработки, поддержку наукоемких отраслей, обеспечивающих “прорывные” технологии, а также отраслей традиционного экспорта.

Поддержка отраслей-локомотивов как основы будущего экономического роста. Определение их перечня -не более 4-5 (Например: авиастроение и космос, нефтедобыча и нефтепереработка, промышленность стройматериалов, жилищное строительство).

Методы поддержки:

- льготные налоги и особый внешнеэкономический режим;
- политическая поддержка на мировых рынках (недопущение дискриминации);
- бюджетные инвестиции: либо (предпочтительнее) ссуды частным инвесторам как доля в общем объеме инвестиций, либо - создание эффективных государственных предприятий с последующей их приватизацией.

Недопущение разрушения производственной инфраструктуры, прежде всего транспорта. Запрет на приватизацию железных дорог, усиление государственного контроля за морским транспортом, обеспечение интересов государства при перевозке внешнеторговых грузов.

Относительное снижение транспортных тарифов за счет уменьшения ставки налога на прибыль, льгот по налогу на землю.

Государственная программа жилищного строительства поможет не только заложить основу решения одной из самых болезненных социальных проблем, но и стимулирует рост всей экономики. Частью этой программы должно

стать строительство жилья для военнослужащих, механизм выделения кредитов на эти цели.

Переход от политики подавления инвестиционной активности к стимулированию инвестиционного спроса. Прямые государственные капиталовложения, как правило, неэффективны, а крупные инвестиции непосильны для частного бизнеса. Необходима комбинация государственных долгосрочных кредитов (с одновременным ужесточением контроля ЦБР за целевым использованием таких кредитов) и частных инвестиций.

Политика в области иностранных инвестиций должна быть подчинена структурной политике. Сегодня максимальную отдачу может дать привлечение инвестиций в экспортоориентированные отрасли, рост доходов в которых позволит реконструировать предприятия смежники.

Стабильное законодательство об иностранных инвестициях, корректируемое в сторону улучшения - это наш принцип. Требуется развитие отраслевого законодательства, и в первую очередь принятие закона о нефти и газе; внесение поправок в закон об иностранных инвестициях в РФ.

Внешекономическую политику целесообразно скоординировать с изменением структуры экономики. Ее принципом на ближайшее будущее должен стать осторожный протекционизм:

- в целях максимизации совокупной валютной выручки и предотвращения демпингового поведения участников внешнеэкономических связей необходимо сохранение института спецэкспортеров сырьевых товаров, его ограничение небольшим числом фирм, осторожное увеличение числа экспортеров;
- дальнейшее снижение тарифов на экспорт машин и оборудования, за исключением экспорта некоторых видов вооружений;

- в области импортных тарифов - освобождение от обложения пошлинами машин и оборудования, не производимых в России; снижение импортных пошлин на промежуточную продукцию.

3. Формирование конкурентной среды и регулирование монополий - необходимое условие успеха в борьбе с инфляцией.

Для регулирования деятельности естественных монополий и поощрения конкуренции в других отраслях экономики мы предлагаем:

- совершенствование антимонопольного законодательства с целью: сегодня - противодействия ценовой дискриминации, установлению барьеров для выхода на рынок новых производителей, извлечению политической ренты; завтра - контроля за горизонтальными и вертикальными слияниями;
- реализация системы антимонопольных мер на локальных (городских) рынках, развитие сети этих рынков;
- проведение антимонопольной политики не только через структуры Антимонопольного комитета РФ, но и с помощью других ведомств (МВЭС, Минфин, Таможенный комитет и др.);
- использование оперативного регулирования импортных тарифов для борьбы с монополиями на внутреннем рынке.

Использование потенциала обществ потребителей для преодоления монополизма. Законодательная и организационная поддержка этих обществ государством.

Для развития малого предпринимательства - фундамента, питательной среды рыночной экономики необходимо:

- выделение специальным фондам поддержки малого бизнеса определенной доли в расходах государственного бюджета;

- использование с этой целью предоставляемых России индустриально развитыми странами кредитов;
- отмена или снижение налога на прибыль мелких частных предприятий.

4. Основная задача Финансовой и денежно-кредитной политики на ближайшие годы создание предсказуемых макроэкономических условий для предприятий и населения.

Предсказуемость экономической ситуации можно обеспечить с помощью стабильности хозяйственного законодательства, системы контроля за основными экономическими индикаторами, действий государственной власти на основе программы экономических реформ.

Ориентиры трехлетней программы борьбы с инфляцией:

Цель: 1997 - 2% в месяц (25-30% в год). 1994 - 15-20%; 1995 - 10-15%; 1996 - 3-8% в месяц.

Резервы сокращения государственных расходов - в снижении величины внебюджетных фондов, аккумуляция большей их части в бюджете. Нужно также использовать немонетарные методы борьбы с инфляцией (договоренности между отраслями, соглашения в рамках трехсторонних переговоров с участием правительства и др.).

Необходимо “мягкая” налоговая реформа с целью снижения общего налогового пресса на предприятия производственной сферы, усиление стимулирующей роли налоговой системы. Освобождение от налогообложения прибыли, используемой для инвестиций в производство.

Трехэтапная программа повышения ставки по кредитам ЦБР - доведение ее уровня до величины:

- темпов изменения обменного курса рубля;
- темпов роста цен (выход на реальную положительную ставку процента);

- процента по депозитам, обеспечивающего высокий уровень сбережений.

На основе повышения процентной ставки постепенно переходить от административных к рыночным методам регулирования количества денег в обращении, отменять лимиты кредитования и т.п.

Для эффективной работы банковской системы нужны следующие шаги:

- реформирование системы межбанковских расчётов: как первый шаг - договора между ЦБР и коммерческими банками, в которых ЦБР берет на себя обязательства по срокам и точности прохождения платежей; на следующем этапе - акционирование системы расчетно-кассовых центров с участием коммерческих банков и с контрольным пакетом у ЦБР (привлечение средств коммерческих банков для реорганизации расчетной системы); содействие созданию альтернативных расчетных и клиринговых систем коммерческих банков;
- переход от регулирования деятельности коммерческих банков инструкциями ЦБР к преимущественно законодательному регулированию;
- независимость Центрального Банка;
- расширение спектра финансовых учреждений. Принятие законодательства о функционировании касс взаимной помощи, взаимных фондов, трастовых компаний и т.д.;
- создание системы, стимулирующей банки к долгосрочному кредитованию и к инвестированию собственных средств (возможно путем снижения ставок обязательного резервирования);
- развитие системы экспортного банковского кредитования;
- создание федеральной службы банковского надзора и системы страхования мелких вкладов населения;

- создание в рамках СНГ системы межгосударственных расчетов и Межгосударственного банка. Достижение договоренностей на первом этапе - о согласовании валютных режимов, о взаимной конвертации валют; на втором - создание системы совместного колебания валют на основе согласования макроэкономической политики.

Переход к режиму “управляемого плавления” курса рубля: принятие государством ответственности за обеспечение предсказуемых изменений курса рубля к СКВ.

5. Аграрная политика, на наш взгляд, должна ориентироваться на последовательное, продуманное реформирование аграрной сферы экономики с опорой на практику при учете региональных особенностей. Политика стимулирования потребительского спроса в сочетании с институциональными реформами сельского хозяйства в краткосрочном аспекте позволят по меньшей мере приостановить снижение объемов сельскохозяйственного производства, а в долгосрочном плане приведут к его росту.

Для решения задач реформы в аграрном секторе экономики мы предлагаем:

- снижение объемов государственных закупок продовольствия по импорту;
- сокращение, а затем и отказ от централизованных закупок зерна;
- поддержку сельхозпроизводителей и развитие отечественной пищевой промышленности через расширение платежеспособного спроса населения. При приватизации перерабатывающих предприятий преимущества должны иметь хозяйства соответствующего района;
- реформу государственного финансирования сельского хозяйства, кредитование аграрного сектора экономики через систему коммерческих банков, поддержку кооперативных форм кредитования сельского хозяйства, ипотеки, потребительского кредита. Создание

сети земельных банков как основного инструмента перераспределения земель.

6. Поддержка экономических реформ в регионах России

Мы исходим из того, что важнейшим принципом реформ в России является движение “снизу вверх” от регионов к центру.

Необходимо, чтобы федеральные власти оказывали помощь усилиям местных властей в проведении экономических реформ законодательную, методическую, финансовую, политическую. Сегодня наиболее актуальны следующие преобразования:

- частичная передача дотаций государства и предприятий на социальную инфраструктуру в доходы населения. Передача ведомственного жилья в собственность граждан (создание на этой основе жилищных кооперативов с выплаченным паем). Новая схема дотаций к ценам на продукты питания, городской транспорт, жилье и т.д.;
- разработка оперативной системы социальных индикаторов с учетом особенностей конкретной территории. Адресная помощь малоимущим на основе этой системы;
- региональные и межрегиональные инвестиционные проекты;
- выпуск целевых местных займов;
- поощрение развития региональных, межрегиональных и международных торговых ассоциаций; разработка совместно с местными органами власти стратегии развития экспортного потенциала регионов; политика осторожного поощрения создания регионами торговых представительств за рубежом.

В то же время федеральные власти должны обеспечить:

- равные экономические права территорий и слом региональных барьеров;

- отказ от превалирования “индивидуального подхода” в экономических отношениях Москвы и регионов;
- выравнивание предоставленных территориям в 1991-93гг. налоговых, внешнеэкономических и иных льгот;
- федералистский принцип построения бюджетной системы - переход от политики “подачек” регионам к четкому разделению функций для минимизации споров федеральных и региональных властей;
- переход к принципу - “один налог в один бюджет” (исключение - один регулирующий налог). Надо перестать делить одни и те же налоги между бюджетами разного уровня, а четко разделить их на федеральные, региональные и местные;
- согласование со всеми субъектами федерации механизма межрегионального перераспределения финансовых ресурсов: равные налоговые нормативы при целевых дотациях отдельным территориям.
- Выделение дотаций только в открытой форме.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

1. Наш подход: государство должно проводить активную политику в социальной сфере.

Ключевыми задачами, которые должны быть поставлены перед правительством, являются: расширение сфер применения труда для трудоспособных и адресная поддержка нетрудоспособных (гарантированное предоставление им минимального перечня основных социальных благ). Выделение небольшого числа приоритетных государственных социальных программ.

2. Долгосрочная задача социальной политики - комплексная реформа доходов. Свободные цены на потребительские товары, платность образования и здравоохранения, уменьшение дотаций на жилье означают не только сокращение государственных расходов на эти цели, но и

принципиально иной подход к формированию доходов населения. Если государство частично снимает с себя социальные функции, оно должно обеспечить населению возможность удовлетворения важнейших потребностей через доходы. Прожиточный минимум нужно исчислять с учетом новых статей расходов населения.

3. Мы считаем, что главной общенациональной социальной программой должна стать программа “Наши дети”, в рамках которой будет развиваться системы медицинского обслуживания детей дошкольного возраста и школьного образования. Понимая важность всех отраслей социальной сферы, их бедственное положение, мы все же полагаем, что полное финансирование этой программы, независимо от инфляции и других причин, мы должны обеспечить. Именно такое решение вопроса мы будем в первую очередь отстаивать в Парламенте. Мы будем отстаивать такую политику в области образования, которая предполагает не отбор детей для школы, а подбор школы для детей, развитие разных систем обучения, расширение сети национальных школ.

4. Основными средствами решения задач социальной политики федеральной власти должны стать:

- достижение соглашения между различными социальными группами о политике доходов на ближайшие 2-3 года: пересмотр налоговых ограничений фонда заработной платы; изменение ставок подоходного налога с целью сбалансировать его стимулирующую и перераспределительную функции; оперативный пересмотр шкалы подоходного налога по мере роста цен; стабильный и четкий порядок отчислений от заработной платы на социальные нужды; частичная индексация социальных выплат и заработной платы в непроизводственных отраслях; увеличение акцизов на предметы роскоши; введение поимущественного налога;

- согласование относительного уровня финансирования отраслей непроизводственной сферы и выделение приоритетных государственных программ в сфере науки, образования, культуры, медицинского обслуживания;
- четкое разделение ответственности за выполнение социальных программ между федеральной и местной властью, законодательное и финансовое оформление достигнутых договоренностей;
- специальная программа переподготовки военнослужащих. Ни один офицер не может быть уволен из армии без переобучения гражданской профессии;
- создание условий для становления негосударственных систем жизнеобеспечения: формирование новых сфер приложения труда, негосударственных пенсионных фондов, систем негосударственного страхования и т.д.;
- обеспечение сбалансированности между поддержкой старых форм удовлетворения социальных потребностей населения и формированием новой системы платных услуг.

5. Мы выступаем за:

- поддержку и защиту интересов общественных объединений, неправительственных благотворительных организаций; принятие пакета законов, обеспечивающих условия для их эффективной работы в социальной сфере;
- принятие Закона о равных правах и равных возможностях граждан России вне зависимости от их пола, национальности, возраста и вероисповедания.

БЕЗОПАСНОСТЬ ГРАЖДАН

Одной из фундаментальных основ гражданского общества мы считаем безопасность. Для ее обеспечения мы предлагаем:

- создание муниципальной милиции, финансируемой за счет местных налогов;
- расширение прав граждан на необходимую оборону;
- техническое перевооружение МВД, освоение методов действий и организации полиции по примеру развитых государств;
- расширение прав судов, упрощение процедур рассмотрения исков граждан по делам, связанным с бытовым насилием; упрощение процедуры предварительного следствия по случаям хулиганских действий;
- внесение в уголовное законодательство ответственности за организованную преступность, усиление ответственности государственных служащих за коррупцию;
- принятие закона “О государственной службе в РФ”;
- законодательное регулирование деятельности частных служб безопасности.

НАУКА И КУЛЬТУРА

Мы рассматриваем интеллектуальный потенциал России как ее национальное достояние.

Сегодня для его сохранения мы предлагаем:

- установить фиксированную долю расходов государственного бюджета как гарантированный минимум финансирования науки и культуры, используя механизм согласования интересов всех бюджетных отраслей;
- применять селективную поддержку научных коллективов при конкурсном отборе проектов и независимой их экспертизе;
- принять специальную программу приватизации государственной собственности в сфере науки;

- ввести льготное налогообложение средств, направляемых в фонды поддержки науки и высшей школы (в т.ч. из-за рубежа);
- государственная поддержка продвижения научных идей и новых технологий (выделение средств на патентование, льготы предприятиям, использующим авторские свидетельства).

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Мы считаем, что долгосрочные экологические интересы относятся к числу общегосударственных приоритетов.

Экологическая экспертиза должна предшествовать внедрению не только технологических, но и экономических, а также некоторых политических проектов и решений законодательной и исполнительной власти.

Особое внимание следует уделить:

- автомобильной промышленности (установить предельно допустимые нормативы загрязнения, стимулировать производство экологичных двигателей мерами бюджетной и внешнеэкономической политики);
- деятельности предприятий-загрязнителей (постепенно вводить новые формы регулирования - продажу предприятиям стандартов загрязнения окружающей среды, стимулирование создания производств, понижающих норму загрязнения).

Внешнеэкономическая политика не должна вести к истреблению природных богатств (лесов, животного мира, недр). Необходим жесткий контроль за экологическими последствиями деятельности иностранных фирм на территории России. Стимулирование притока иностранных инвестиций должно осуществляться не через снижение издержек по причине низких экологических стандартов, а путем налоговых льгот. Экологичная внешнеторговая политика должна предполагать повышение в сырьевом

экспорте доли возобновимых ресурсов и постепенное повышение степени переработки природных ресурсов.

ОТНОШЕНИЯ В РАМКАХ СНГ

1. Отношения с “ближним зарубежьем” - приоритет российской внешней политики.

Мы были противниками взрывного варианта переделки СССР. Были возможности сохранить единое экономическое и военно-стратегическое пространство на территории Союза.

Но сегодня мы имеем дело с другими реалиями и наша цель - всесторонняя (экономическая, культурная, оборонная) интеграция бывших союзных республик, исключительно на добровольной основе.

2. Россия заинтересована в том, чтобы в бывших республиках СССР утвердились дружественные ей демократические режимы, уважающие права человека. Россия будет открыта для связей и контактов со всеми демократическими силами этих государств.

3. Россия имеет жизненно важные интересы в Средней Азии и на Кавказе. Ее “уход” из этих регионов означал бы отсечение русскоязычного населения, многомиллиардные затраты на перенос границы. Утрата российского присутствия и влияния в этих регионах оголит стратегические подступы к сердцу России, создаст стратегический вакуум, который может быть заполнен силами, недружественными по отношению к нашей стране.

России нужен пояс стабильности и безопасности вдоль ее новых рубежей, нужны восстановленные экономические связи. Но не ценой подавления и диктата в отношении соседей. Поэтому наша долгосрочная цель - создание на основе СНГ сообщества государств с четкими взаимными обязательствами в экономике, политике, обороне. Это нужно не только России, но и многим из ее новых соседей.

4. Защита прав русскоязычного населения в новых государствах - важнейшая задача. Необходимо от деклараций перейти к закреплению в межгосударственных договорах и в национальном законодательстве экономических, социальных и политических прав граждан некоренной национальности.

Особые соглашения нужны для регулирования прав беженцев. Необходимо скорейшее завершение работы над законодательством о беженцах в РФ и специальной государственной программой по их расселению и обустройству.

5. В экономических отношениях с государствами СНГ и странами Балтии надо избежать резких шагов. Россия не заинтересована в продолжении политики крупных и по существу безвозмездных дотаций кому бы то ни было. Но дальнейшее разрушение хозяйственных связей, отсутствие реальной политики в рамках подписанного экономического договора завтра обернется остановкой производств и безработицей, а послезавтра - потерей рынков для российских предприятий. Вытеснение российских товаров из Закавказья и Средней Азии уже идет полным ходом.

Мы предлагаем политику постепенного сокращения прямых и косвенных дотаций (безвозмездных кредитов) в торговле со странами СНГ, надлежащего оформления долгов этих государств России, конверсии долговых обязательств в собственность (акции предприятий, долевое участие, недвижимость, права на геологоразведку и др.)

Россия должна выступить инициатором создания платежного союза стран СНГ. Расчеты могли бы вестись в российских рублях, национальные валюты - котироваться по отношению к российской денежной единице.

6. Необходимо ускорить законодательную регламентацию участия России, ее военнослужащих в урегулировании вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР. Статус российских войск за ее рубежами в каждом случае должен быть четко определен.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

1. Внешняя политика России должна служить ее национальным интересам - безопасности страны, защите отечественной промышленности и торговли, поддержанию международной стабильности, развитию добрососедских отношений с сопредельными государствами и равноправного сотрудничества со всеми заинтересованными странами.

Наши принципы во внешних делах: разумный эгоизм, просвещенный патриотизм, опора на собственные силы, стабильность политики и предсказуемость в международных делах.

Наша цель - возрождение авторитета России в международных делах, уважения к ней не за военную силу, как прежде, но в первую очередь за разумное общественное устройство, развитую экономику, науку и культуру.

2. В минувшие годы были допущены просчеты в определении и отстаивании национальных интересов России.

Общая линия российской дипломатии на переориентацию от “холодной войны” к сближению с Западом была правильной. Однако наивное упование на бескорыстие развитых стран и недостаточный учет собственных долгосрочных интересов привели к утрате некоторых важных позиций.

Геополитическое положение России требует равноценного внимания российской внешней политики Европе, США, Центральной и Южной Азии, Дальнему Востоку.

3. Внешняя политика новой России должна быть максимально прагматична. Первоочередного решения требуют международные проблемы, наиболее болезненные для нас:

- политическое урегулирование вооруженных конфликтов вокруг России, недопущение их распространения на российские земли. На российской земле не должна литься кровь. Нельзя допустить, чтобы

российские солдаты гибли в вооруженных конфликтах на территории бывшего СССР, продолжались неконтролируемые поставки российского оружия в эти регионы.

- защита прав и интересов граждан России вне зависимости от места их проживания. Каждый россиянин должен быть уверен, что за ним стоит его страна.

4. Вместе с тем внешняя политика России не может быть замкнута только на решении текущих проблем. Сейчас закладываются те основы, которые будут определять международное положение России в ближайшие десятилетия. Поэтому особые усилия российской дипломатии должны быть направлены на:

- формирование внешнеполитической поддержки для экономических преобразований в стране;
- продвижение российских товаров и услуг на внешних рынках, интеграцию нашей экономики в мировое хозяйство на равноправной, взаимовыгодной основе.

Мы выступаем за отмену дискриминационных мер в экономическом сотрудничестве со всеми государствами; за восстановление торгово-экономических связей со странами Восточной Европы; за полное использование потенциала отношений с Китаем, странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Латинской Америки.

5. Проведение взвешенной и продуманной политики разоружения, не ставящей под угрозу национальные интересы страны, по-прежнему остается одной из важных задач российской внешней политики.

6. В рамках этой общей стратегии мы выступаем за партнерство с Западом, но на основе трезвого баланса интересов и возможностей обеих сторон. Наши интересы во многом совпадают. Существующие расхождения, определяемые спецификой геополитических интересов, национальными и

культурными традициями, естественны и не носят антагонистический характер. Преодолеть их можно и нужно исключительно путем политических консультаций, разъясняя и отстаивая собственную позицию.

УРОКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ
1993 год

Автор выражает свою глубокую признательность профессору Иокогамского университета Сергею Владимировичу Брагинскому за многочасовые дискуссии при подготовке этой работы, а также коллегам по ЭПИцентру за плодотворное обсуждение и ценные рекомендации.

Благодарю также профессора Амстердамского университета Майкла Элмана, профессора Нью-Йоркской Новой Школы Социальных Исследований Лэнса Тэйлора, профессора Гарвардского университета Яноша Корнаи и профессора Исследовательского Центра в Швеции Андерса Ослунда за критические замечания и советы, высказанные по рукописи настоящей работы.

К читателю

Стремительные политические события в нашей стране не позволяют сейчас в достаточной степени углубить целый ряд положений работы. Однако я полагаю, что высказанные в ней идеи могут оказаться полезными уже в ближайшее время. Приношу свои извинения за несовершенство редакции и сложность изложения. Буду благодарен всякому суждению научной критики.

Г.Явлинский

15 ноября 1993 года

ВВЕДЕНИЕ

Общепринятое представление о российской экономике состоит в том, что она была очень серьезно искажена десятилетиями сверхцентрализованного экономического планирования и управления и для того, чтобы это исправить, главным было и остается применение того, что у нас называется «шоковой терапией». ¹ При этом в качестве основной задачи выдвигается немедленное

¹ В действительности никакой «шоковой терапии» правительство не применяло. «Шок» произошел оттого, что к российской действительности была попытка применения широко известной теоретической доктрины Laissez-Faire (франц. = «разрешается делать»). Это -доктрина, требующая минимизировать вмешательство правительства в экономику и бизнес. Адам Смит в своей работе «Богатство народов» (1776 год) описывал

создание такой экономической среды, которая более или менее существует во всех развитых странах, а затем предоставить рыночным силам сработать в этой среде в направлении экономической эффективности и, в конечном счете, социальной справедливости.

Создание подходящей экономической среды в настоящее время больше всего понимается в либералистском духе. Государство должно прекратить управление экономикой в максимально возможной степени, освободить цены, создать стимулы для производителей, устранить избыток спроса, а все остальное предоставить свободной экономической деятельности. Одна только сфера требует активного государственного вмешательства, - это достижение финансовой стабилизации. Иногда также упоминается о роли государства в приватизации и демонополизации. Однако, детально эта сторона дела не программируется, что представляет собой достаточно разительный контраст с макроэкономической частью. Необходимые структурные изменения в экономике, как предполагается, будут также достигнуты с помощью свободной игры сил спроса и предложения, ограниченных только жесткими макроэкономическими бюджетными рамками. Вот так мы можем описать господствующий подход к реформированию экономики, официально принятый в России с января 1992 г. и положительно встреченный многими западными экспертами.

Мы можем проанализировать этот подход в двух смыслах. С идеологической точки зрения все это действительно заслуживает высокой оценки. В конце концов впервые за 70 лет у нас нет госплана, никто не пишет пятилеток и т.п. Степень экономической свободы, данная индивидуумам, является беспрецедентной в советской истории. Свободные индивидуумы сразу же

Laissez-Faire как «невидимую руку», которая принесет всем максимальное благополучие, если предприниматели будут добиваться прибыли так, как им хочется. Считается, что развитие промышленности Англии в начале 19 века и промышленный рост в Америке в конце 19 века произошли в условиях капиталистического Laissez-Faire. Период Laissez-Faire завершился в начале 20 века, когда активная демонополизация и регулирование правительством условий предпринимательства и экономики стали нормой. Применительно к нашей работе мы называем следование этой доктрине чаще всего «саморазвивающимся процессом» либо «вульгарным либерализмом».

стали заполнять вакансии предыдущей экономической системы, на которые раньше вообще никто не обращал внимания: торговля, услуги, общественное питание и т.д. Это создало более энергичную общественную атмосферу. В конце концов, с либералами или без них, достаточно просто оставить людей в покое и дать им возможность самим находить средства к существованию, чтобы получить результаты, о которых нельзя было даже помыслить в тоталитарном государстве. Именно это сравнение с экономическими и политическими ужасами тоталитарного государства заставляет многих людей в России и на Западе высоко оценивать реформы 1992 года. И мы присоединяемся к ним.

Но с профессиональной точки зрения все это должно быть подвергнуто достаточно серьезному критическому анализу. Каковы бы ни были реальные или мнимые достижения, по крайней мере с точки зрения того, что можно и должно быть сделано, общие результаты могут быть оценены как крайне неудовлетворительные.

В последнее время все большему числу профессиональных экономистов становится все более и более ясно, что весь подход к реформам с чисто экономической и профессиональной точки зрения был провалом от начала и до конца.²

Одна из очевидных причин неудачи российского либералистского подхода образца 1992 года на взгляд профессионалов состоит в том, что будучи нереалистичным, он не был претворен в жизнь в мало-мальски полном объеме, постоянно размываясь различными как неизбежными, так и искусственными компромиссами.

Но есть и более глубокие причины неудачи, которые заложены в самом подходе, и именно на это я бы хотел обратить особое внимание.

² Между такими авторитетами как Я.Корнаи, Л.Тейлор, М.Эллман и др. по этому поводу сегодня уже наблюдается практически полное единодушие. Не следует, однако, забывать о том, что и в нашей стране не все были готовы согласиться с такого типа либералистским подходом даже в самом его начале.

Российская экономика не была повреждена или искажена командной централизацией, она была создана ею. В частности, из этого следует, что перед нами супермонопольная система, в которой деньги играли лишь третьестепенную учетную роль, а макроэкономическое регулирование было заменено командами и планами, а также прямым административным контролем. Поэтому задача для реформаторов состоит не в том, чтобы что-то поправить или либерализовать. У нас несопоставимо более сложная задача.

Нам нужно создать совершенно новую экономику и сделать это, сохраняя жизнь и достоинство 150 млн. граждан, которых нельзя отправить в космическое пространство, чтобы они там подождали, пока будет построен их новый дом. Подход по типу «шоковой терапии» ставит своей задачей, чтобы экономические агенты сразу, в один день начали сами строить новую экономику. Это - идеологическая догма, сохраняющая в наших условиях все многочисленные реликты бюрократического регулирования, которые остаются законсервированными в экономической практике именно в силу того, что правительство с самого начала пытается полностью освободить себя от экономического регулирования процесса трансформации. Появляющийся в результате этого вакуум немедленно заполняется чем-то, что зачастую еще хуже, чем прежние органы управления.

Действительно, можно согласиться с тем, что коррупция и взяточничество в органах власти, так же как и незаинтересованность власти в быстром развитии частного сектора, сужают сферу эффективного регулирования. Но тот процесс, который мы в дальнейшем будем называть «саморазвивающимся процессом перехода к рыночной экономике», протекает не только очень медленно и болезненно, но и имеет, как оказалось, такие побочные эффекты, как разрушение законности и порядка, резкое социальное расслоение, основанное не на истинной рыночной ценности индивидуумов, но на том, насколько они имеют доступ к бюрократическим рычагам или специальной информации, как продолжающиеся перекосы в

распределении ресурсов, поскольку нет верных сигналов от конкурентных рынков и пр.

Какая-то разновидность рыночной экономики, безусловно, в конце концов появится на свет даже с помощью такого процесса, но вряд ли эта экономика будет эффективной или социально справедливой. А в некоторых случаях, как показывает опыт ряда постсоциалистических стран, включая некоторые республики бывшего Советского Союза, побочные эффекты могут быть настолько сильны, что задавят позитивные элементы трансформации.

В любом случае, в такой высоко индустриальной, милитаризованной стране как Россия эксперимент в духе вульгарно-либерального шока является крайне опасным и безответственным.

Мы считаем и считали правильным другой подход, при котором рациональное дерегулирование, т.е. уход правительства из сферы управления и контроля в экономике, будет сопровождаться, а в некоторых сферах предваряться и направляться сознательной политикой экономической трансформации, сформированной государством. Условия для этой целенаправленной трансформации резко ухудшились на протяжении последних нескольких лет. Тем не менее, поскольку к счастью Россия еще не погрузилась в пучину гражданского конфликта, эта возможность сохраняется и во второй части этой работы мы попытаемся представить некоторые рекомендации относительно такой сознательной политики трансформации, которая могла бы быть возможной даже в нынешних обстоятельствах.

В первой части работы мы попытаемся объяснить в неортодоксальной манере, что произошло в российской экономике за последние годы, которые характеризовались неадекватным политическим замыслом и в результате протекали, в основном, в качестве саморазвивающегося процесса экономической эволюции.

ЧАСТЬ I. САМОРАЗВИВАЮЩИЙСЯ ПРОЦЕСС

Пока экономисты дискутировали как подойти к реформам и предпринимали разные неудачные попытки, создание нового типа экономики происходило медленно, но неотвратно снизу. Спустя пять-шесть лет после начала этого процесса, пожалуй, стоит остановиться на минуту для того, чтобы попытаться обобщить то, что произошло, и понять, куда же все-таки нас привело экономическое развитие, основанное на этом стихийном неуправляемом переходе к рынку.³

1.1. Проблема «собственник - директор»

Многие серьезные экономисты (например, Л.Тейлор) отмечают проблему противоречия между собственником и директором на государственных и частных предприятиях. Этот вопрос требует очень большого внимания. В частности, у нас есть серьезные сомнения относительно стандартных взглядов на то, как эта проблема решалась в отношении бывших государственных предприятий в экономиках переходного периода. Конечно, нельзя всерьез относиться к взглядам, что при социализме собственником был народ, как утверждала официальная пропаганда. Концепция фирмы, которая управляется самим трудом, т.е. трудовым коллективом, популярная в некоторых научных исследованиях, была тоже крайне далека от реальной действительности, с возможным исключением Югославии.

Но, если мы отбросим эти примитивные взгляды, то проблема сама выступает достаточно ясно. Собственник состоял из высшей партийной и правительственной бюрократии, чьей целью было создание военной сверхдержавы, по крайней мере это было так в России, при том, что жизненный уровень населения должен был поддерживаться на определенном

³ Я не считаю, что обычное разделение истории экономической реформы в России на до и после января 1992 г. имеет такой уж большой смысл. Январь 1992 г., действительно, был определенным рубежом, потому что означал окончательный крах союзного государства и некоторые серьезные шаги в направлении дальнейшего дерегулирования. В своей основе, однако, январь 1992 г. только продолжил те тенденции, которые существовали в экономике уже с 1987 года. В частности, если говорить о реформе ценообразования, то она шла по плану, выработанному еще В.Павловым.

минимальном уровне. Руководящие государственными предприятиями директора должны были выполнять приказания собственника под страхом сурового наказания. Поэтому эффективность, с которой собственник мог заставить директоров выполнять их волю, была в прямо пропорциональной зависимости от полицейского характера социалистического государства. Поскольку у директоров всегда были свои личные интересы и поскольку экономические ресурсы оперативно были в их подчинении, определенный шумовой фон в функционировании этой системы был в ней с самого начала. И по ходу политической эволюции от ужасов Ленина и Сталина к относительно мягкому режиму Хрущева и Брежнева проблема собственник - директор разрешалась социалистической экономикой все менее и менее эффективно (т.е. было все больше и больше случаев провалов контроля, когда директор выходил из-под контроля собственника). Этот выход директора из-под контроля собственника не имеет отношения к слабому или мягкому бюджетному ограничению социалистического предприятия, как считается в литературе, поскольку мягкое бюджетное ограничение было частью сознательной политики самого собственника, как мы покажем в дальнейшем.

Выход директора из-под контроля собственника проявлялся, например, в широко распространенном явлении двойной бухгалтерии на государственных предприятиях, когда часть утаенной продукции направлялась на черный рынок, или же, наоборот, выписывались премии за произведенную продукцию. Эти нелегальные действия, так же как необходимость обеспечивать стабильные поставки в условиях хронических дефицитов, создали разветвленную неформальную корпоративную сеть между самими директорами государственных предприятий, в которых находились нижнее и среднее звенья аппаратчиков. Эта сеть продолжает действовать и сегодня и играет очень большую роль в постсоциалистической экономике. В этом смысле то, что с 1987 года начало рушиться полицейское государство, привело к тому, что экономические агенты, т.е. директора, в

конце концов решились открыто выступить против собственника, уже открыто преследуя свои собственные эгоистические интересы.

Выход из-под контроля превратился в настоящий системный кризис, и в короткой схватке в августе 1991 г. директора вышли окончательными победителями в борьбе против бывшего собственника. Я считаю, что экономическая суть августовской революции в России состояла именно в этом.

Что, однако, еще более интересно и заслуживает еще более серьезного изучения - это то, что произошло потом.

Большинство исследований по-прежнему выделяют только государственные и частные предприятия постсоциалистической экономики. У меня складывается ощущение, что это различие (которое в частности означает, что какой-то новый собственник (держатель акций) получает в свою собственность государственное предприятие, которое приватизируется, и выступает в роли нового собственника по отношению к директору), весь такой подход оставляет в стороне огромную категорию предприятий российской экономики сегодняшнего дня, которая, с моей точки зрения, представляет собой подавляющее их большинство. Появление нового собственника для денационализированных предприятий, безусловно, является необходимым и желательным. Однако, такое заявление представляет собой только нормативное утверждение, т.е. как должно быть, но не позитивное, как есть на самом деле. На самом же деле, пока политики обсуждают пути приватизации, бывшие главные экономические агенты, т.е. директора многих государственных предприятий, ведут себя все больше и больше как квазисобственники, создавая очень специфический тип предприятия, которое не является ни государственным, ни частным. Я бы предложил называть их **постгосударственными** предприятиями. Они сосуществуют сегодня в российской экономике с относительно небольшим числом действительно частных предприятий, в основном в сфере торговли,

услуг и банковской деятельности и с теми, что представляют собой более или менее государственные предприятия, в основном в оборонных отраслях и инфраструктуре.

Я бы хотел остановиться на этом несколько подробнее, поскольку мне кажется, что это различие является очень важным для понимания явления саморазвивающегося перехода к рыночной экономике. Когда рухнул Советский Союз, директора государственных предприятий неожиданно обнаружили для себя, что высшая цель бывшего политического режима вместе с теми, кто ее навязывал, т.е. с высшей партийной и правительственной бюрократией, ушли окончательно, оставив их, т.е. директоров, распоряжаться всей огромной бывшей государственной собственностью. Новое государство, по крайней мере в России, даже не попыталось предпринять реальные энергичные шаги, чтобы вернуть контроль за стратегически важными отраслями промышленности. Это было возможно благодаря тому, что Россия фактически овладела большей частью правительственного аппарата бывшего Советского Союза. Но даже в России этот перелом, который в частности привел и к массовому исходу бывшего чиновничества из правительства, и к замене его на неопытный и плохо обученный персонал, вызвал резкое снижение уровня и качества правительственного контроля. Что же касается других республик, то там эффект от этого внезапного разрушения всей системы бывшего собственника, системы его контроля, был еще более стремительным, как показывают многочисленные примеры.

Если не побояться выразиться несколько парадоксальным образом, то ранняя стадия реформаторского процесса в России, кульминацией которой явились события с августа 1991 г. по раннюю весну 1992 года окончательно реализовали многолетнюю мечту только не пролетариата, а государственных предприятий, т.е. их директоров.

Десятилетиями они были свободны от экономической ответственности за результаты своей управленческой деятельности. Но в то же время у них не было свободы действовать в соответствии со своими частными устремлениями, своей частной мотивацией, поскольку если эти отклонения от того, что им было предписано делать, обнаруживались, наказание было достаточно суровым. Общий упадок дисциплины и государственного контроля в последнее десятилетие социализма уже в значительной мере освободило их, но не полностью. Поэтому коллапс государства и полное дерегулирование после «бархатной революции» дали им впервые настоящую полную свободу. В этом смысле так называемая шоковая терапия, по крайней мере для постгосударственных предприятий, первоначально была просто манной небесной.

Но в конце концов в чем же тут проблема? На первый взгляд изменение происходит в правильном направлении. Неправильная цель предыдущего режима и собственник, который пытался ее навязать свободной воле экономических агентов, исчезли. В конце концов многие страны процветали и процветают с тем или иным вариантом «капитализма директоров - менеджеров». И можно с достаточным основанием утверждать, что проблема, кто владеет предприятиями, в конце концов не так уж и важна. К сожалению, дело обстоит не так просто. Не достаточно лишь превратить государственное предприятие в постгосударственное. Очень важно превратить государственное предприятие в частное правильным образом. Частичное доказательство этого тезиса будет приведено в последующих двух параграфах, где мы будем говорить о структуре рынков и финансовой дисциплине. Здесь же мы продолжаем сосредотачиваться только на аспекте взаимоотношений собственник - директор.

Директор нынешнего постгосударственного предприятия комбинирует в себе роли собственника и управляющего. Но он комбинирует, соединяет в себе эти две роли в очень своеобразной институциональной среде и со слишком

многими «помехами, шумами», даже оставляя в стороне все остальные проблемы, которые мы будем поднимать в дальнейших параграфах. Главнейшей проблемой является то, что бывший собственник - социалистическое государство - умер слишком внезапно и не успел себя заменить хотя бы сколько-нибудь развитой институциональной системой рыночной экономики.

Самый наглядный пример этого - это то, что происходит с преступностью, законностью и правопорядком, когда становится все более и более принятым убирать нежелательного конкурента с помощью просто заказного убийства. Но даже оставляя в стороне такие экстремальные случаи, есть целый ряд очень серьезных проблем, которые требуют институциональных решений, которые вряд ли смогут быть когда-либо в обозримом будущем найдены с помощью саморазвивающегося стихийного процесса трансформации, называемого реформой.

Первая проблема уже была упомянута, когда мы сказали о том, что бывший собственник умер слишком быстро. «Король умер, но его призрак все еще стоит перед глазами Гамлета». Многие директора постгосударственных предприятий так и не могут понять, как им вести себя в этих резко изменившихся экономических условиях, и не могут эффективно функционировать в своих интересах в качестве собственников. Эта своеобразная реверсия старой проблемы «собственник - директор» может быть преодолена только с помощью соответствующей смены кадров, но никакого механизма для того, чтобы менять неэффективных директоров постгосударственных предприятий, не существует, тогда как уже упомянутая корпоративная сеть взаимной поддержки, сформированная вокруг большинства из них, очень эффективно их защищает.

Вторая проблема проистекает из того, что нынешняя ситуация рассматривается как временная. Это приводит к неэффективному управлению даже теми директорами, которые достаточно освоились с

новыми возможностями и правилами игры. Поскольку постоянно идут разговоры о приватизации, о том, что грядет окончательная приватизация и смена собственника, у нынешних директоров нет практически никакого стимула для того, чтобы думать о долгосрочном развитии предприятия. Это выражается в катастрофическом падении инвестиций, которые более чем наполовину сократились за последние два-три года. Обычный, рядовой персонал тоже берет пример с директоров, забирая со своих рабочих мест все, что только может иметь какую-то ценность где-то еще. Большинство дач вокруг больших городов оборудованы всем тем, что вытасчено с действующих заводов, с действующих предприятий. Все, что может быть легко вынесено и продано на рынке, выносится и продается. Несколько может быть утрируя, мы можем сказать, что еще года два разговоров о приватизации без решения проблемы собственности раз и навсегда - и уже нечего будет приватизировать, поскольку все, что будет иметь хоть какую-то ценность, будет уже куда-нибудь вывезено.

Проблема с этим выносом состоит в том, что, во-первых, в то время как часть, по крайней мере, выносимого оборудования произведена с большими и, может быть, воспроизведена, что самое главное, только с еще большими общественными издержками, частные издержки, благодаря тому, что это просто крадется, крайне низкие. И в результате новые хозяева, новые владельцы этого выносимого имущества получают их по цене ниже, чем их общественная стоимость и соответственно используют их иногда менее эффективно, чем бывшие государственные предприятия. Во-вторых, проблема состоит в том, что это такой процесс, который отнимает огромное количество времени и усилий от производственной деятельности, потому что постоянно идет перераспределение пирога, вместо того, чтобы этот пирог увеличивать. В любом случае неэффективность такого процесса перераспределения собственности, «организованного» таким образом, перевешивает все возможные будущие выгоды, если даже мы готовы

согласиться с тем, что когда-нибудь в конечном счете собственность найдет своих истинных хозяев.

Неопределенность с базовой институциональной средой в новой формирующейся экономике действует разрушительным образом еще и в другом смысле. Одна из интерпретаций развитой рыночной экономики состоит в том, что эта экономика рассматривается как математическая игра с бесконечным горизонтом. Отход от установившихся правил в такой игре может быть выгоден для каждого индивидуального игрока в одном раунде этой игры. Но поскольку перед ним бесконечный горизонт, а доход в течение всего движения имеет для него определяющее значение, он понимает, что, сыграв нечестно в одном раунде, он вызовет ответные действия других игроков, что просто выкинет его из всех последующих раундов. Понимая это, он выбирает коллективную стратегию, которая ведет к совместной максимизации общественного благосостояния. В отношении директоров предприятий (*как постгосударственных, так и частных*) в нынешней постсоциалистической экономике, ситуация по-прежнему характеризуется игрой, которая идет только один раз.

Мы здесь можем также вспомнить знаменитый пример из теории игр, когда одноразовый характер игры ведет к тому, что каждый бросается ловить своего собственного зайца, потому что ни государство, ни только формирующиеся рыночные институты не могут организовать экономических агентов, чтобы вместе охотиться на лося.

Но основная проблема вульгарной либерализации в отношении постгосударственных предприятий с точки зрения данного параграфа состоит в том, что по мере того, как проходит время, становится все более и более сложным изменить ситуацию без того, чтобы вызвать серьезные социальные трения. Уже сейчас достаточно интересов завязано на нынешней институциональной неопределенности. Эта ситуация сдерживает экономический рост и мешает развитию конкуренции так же, как и

различных типов рыночной инфраструктуры, именно поэтому она позволяет значительной части новой и старой элиты получать огромные прибыли из ничего.

Старая неформальная корпоративная система директоров государственных предприятий, нижнего и среднего звеньев аппарата действует в полном объеме, по-прежнему решая задачи максимизации полезности собственно управленческого звена, а не задачи развития предприятий и даже не задачи максимизации прибылей. Двойная бухгалтерия в настоящее время связана, в первую очередь, с уходом от уплаты налогов, а кроме того приняла своеобразную «легальную» форму создания «малого предприятия», параллельно действующего постгосударственному, через которое продается значительная часть продукции, при том, что доходы от этих продаж направляются куда угодно (включая зарубежные банки), но только не на нужды основного предприятия.

Участки земли и здания, оборудование и целые заводы сдаются сомнительным посторонним «деловым» людям единоличным решением высшего управленческого звена, которое опять-таки в данном случае думает только о своих личных выгодах от такой сделки. Это представляет собой не что иное, как еще более высокую степень монополизации экономики и ее криминализацию. Если этому процессу не будет поставлен надежный заслон, то он произведет на свет еще одного монстра прежде, чем превратится во что-либо полезное.

1.2 Искажение в относительных ценах, технология и структура рынка.

Проблема директоров и процессы «мафизации» никогда не приняли бы на самом деле таких масштабов (*и они не приняли таких масштабов, скажем в Восточной Европе*), если бы не огромное количество других искажений в российской экономике. В этом параграфе мы хотим остановиться на проблеме неправильных рыночных сигналов, которые продолжают действовать и появляются в условиях вульгарной либерализации.

Либералистская идея освобождения цен очень привлекательна с двумя, однако же, поправками. Во-первых, для того, чтобы эта идея была плодотворной, необходимо, чтобы государство действительно раз и навсегда могло освободить все цены. Во-вторых, ситуация в экономике не должна допускать никаких провалов рынка, т.е. никаких сбоев в функционировании самого рыночного механизма.

Начнем с общетеоретического примера. Иногда приходится слышать такое мнение, что даже частичная либерализация цен лучше, чем тотальный ценовой контроль. То есть даже если государство не может окончательно отказаться от своей роли, так как предлагают Хайек и Фридман, все равно лучше иметь меньше ограничений, чем больше ограничений. Иногда в связи с этим цитируется знаменитый принцип Ле Шателье.⁴

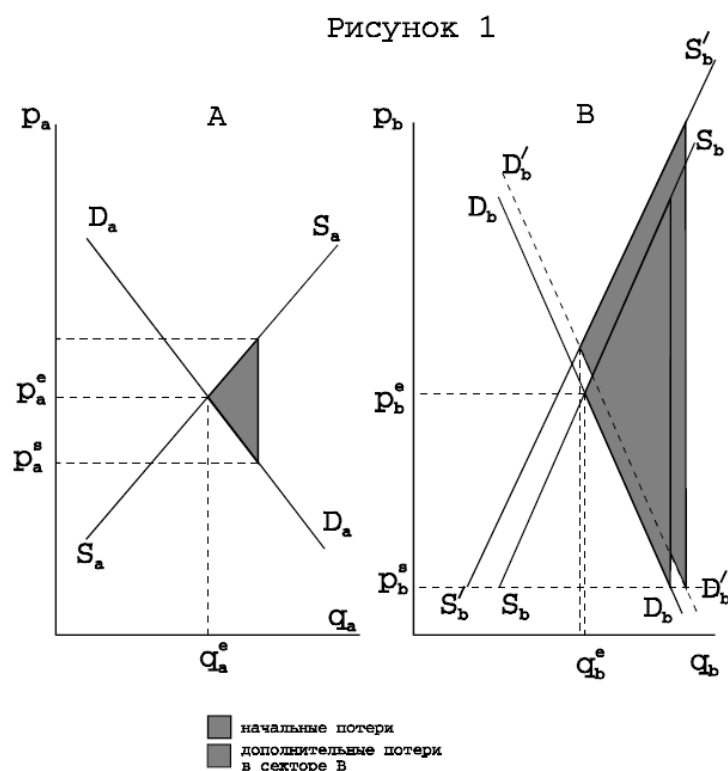
Мы хотим показать, что применительно к рассматриваемому случаю это утверждение неверно.

Давайте представим себе экономику с двумя секторами. Для простоты примера мы предположим, что регулирование осуществляется только ценовое с помощью субсидирования, оплачиваемого налогами, равномерно распределенными по всему населению. Назовем эти сектора А и В. Представим себе, что первоначально цены на продукты этих секторов выраженные в какой-то, неважно в какой, денежной единице, таковы, что цена в секторе А больше, чем цена в секторе В ($P_A > P_B$). Представим себе также, что «правильная» ценовая структура (т.е. относительные цены в условиях общего равновесия при совершенной конкуренции, которые могут, например, наблюдаться на рынках развитых стран) заключается в обратном соотношении. Цена продукта сектора В должна быть выше, чем цена

⁴ Этот принцип впервые в экономическую литературу был введен в качестве элемента экономического анализа в 1947 году. Принцип состоит в том, что, если есть задача на оптимизацию с несколькими ограничениями и задача, когда максимизируется та же функция, но с меньшим количеством ограничений, то максимум при меньшем количестве ограничений не может быть меньше, чем максимум при большем количестве ограничений. Но это понятно в случае математического программирования: снимаете просто ограничение или оно никак не действует на точку максимума или же оно этот максимум увеличивает, снижать оно не может.

продукта сектора А ($P_a < P_b$). И эта ситуация будет действительно достигнута, если цены в обоих секторах будут отпущены одновременно. Мы сразу видим здесь, что в случае частичной либерализации результат получается совершенно различный в зависимости от того, цены в каком секторе отпускаются первыми. Например, если цены отпускаются первыми в секторе А, то размер искажения ценовой структуры, т.е. неправильность относительных цен будет увеличена, требуя еще больших субсидий в секторе В, и снизит общий уровень общественного благосостояния.

Рисунок 1

Этот случай иллюстрирует рисунок 1, где для простоты еще дополнительно предположено, что продукция в секторе А используется как промежуточный продукт для производства конечной продукции в секторе В, т.е. рост цены на продукцию сектора А смещает кривую предложения в секторе В вверх и весь прирост дохода потребителей, который получается благодаря тому, что снижаются налоги в связи с отменой дотаций в секторе А, используется на приобретение конечной продукции сектора В (эти предположения

правомерны, потому что для того, чтобы опровергнуть общие утверждения, достаточно построить один контрпример).

В этой ситуации увеличение искаженного разрыва между ценами в секторах А и В приводит к сокращению общественного благосостояния, измеренного суммой потребительских избытков в обоих секторах.

Еще одна проблема, которая может привести к дальнейшему ухудшению ситуации, заключается в том, что и рынок может быть не совершенен, что он может сосуществовать с государственным регулированием. Так, возвращаясь к этому двухсекторному примеру, представим себе, что производитель в секторе А к тому же представляет собой монополию. Эта ситуация проиллюстрирована на рисунке 2. Снятие ценового регулирования в монопольном секторе А ведет не к установлению цены конкурентного равновесия, но к установлению монопольной цены, и к чистой потере в потребительском избытке в этом секторе. Этот негативный эффект усиливается катастрофической утратой благосостояния в секторе В потому, что в отношении него разражается настоящий шок со стороны поставщика. И в экстремальном случае, как скажем, в случае резкого открытия экономики, о чем речь пойдет в последующих параграфах, сектор В может вообще быть просто изъят полностью.⁵

Рисунок 2

⁵ Та аргументация, которая представлена здесь, может быть подвергнута определенной критике, поскольку использует только анализ частичного равновесия тогда, как некоторые выводы, безусловно, требуют соображений относительно общего равновесия. Маршалловское равновесие - это когда равновесие спроса и предложения рассматриваются на одном рынке и не принимаются во внимание диспропорции, которые получаются на всех остальных рынках. Нам будет удобно ответить на эту критику несколько более детально далее, после того, как мы осветим некоторые другие специфические особенности саморазвивающегося перехода к рыночной экономике (см. параграф об открытии экономики).

Рассматривая реальности саморазвивающегося перехода к рыночной экономике в России, мы не можем не заметить, что эти два провала - провал государства и провал рынка - распространены самым широким образом. На самом деле так распространены, что просто невозможно даже оценить, является ли чистый результат от политики либерализации позитивным с точки зрения экономического благосостояния.

Плановая экономика формировалась как единое предприятие, при том, что фабрики и заводы работали по одному плану, разработанному центральными властями. Задача сокращения расходов с помощью плановой деятельности вместе со специфической марксистской догмой о том, что чем больше предприятие, тем технологически оно эффективнее, привели к тому, что довольно последовательно проводился в жизнь принцип: одна продукция - один завод. В результате степень монополизации на рынках крайне высока в отношении почти всех продуктов.

Случай чистой монополии - это феномен, который хорошо изучен теоретически, но не часто встречается в практике развитых стран. Термин «монополия» часто довольно неаккуратно применялся к финансовым группам, которые контролировали важные сектора экономики с помощью того, что просто держали акции. Японские дзайбацу, распущенные после Второй мировой войны, представляют собой хороший пример.

Когда монополии являются чисто финансовыми, их гораздо легче распустить, чем когда, как во многих постсоциалистических экономиках, они представляют собой монополии технологические. Так, например, 87% продукции, производимой на российских машиностроительных предприятиях, производится только на одном заводе. Ситуация не намного лучше в металлургии, химической и ряде других основных отраслях промышленности.

На рынках практически каждого продукта много потребителей продукции одной единственной фирмы или завода-производителя, которые выступают в качестве монополиста в отношении потребителей своей продукции. Эта повторяющаяся на всех рынках ситуация уже сама по себе достаточна, чтобы все рынки на микроуровне были рынками продавца, независимо от общего макроэкономического состояния спроса и предложения.

Другими словами, ограничения, которые накладываются эффективным спросом, ощущаются только на самых конечных стадиях, даже не производства, а розничной торговли и государственных закупок. Поэтому индикатор состояния макроэкономического баланса между спросом и предложением, который профессор Я.Корнаи предлагает в качестве главного индикатора того, насколько далеко зашел процесс трансформации плановой экономики, не срабатывает при более внимательном рассмотрении российской экономики, поскольку общее состояние макроэкономического избытка предложения над спросом, не меняет соотношение сил на каждом отдельном индивидуальном рынке в производственном секторе.

В начале процесса реформ, в частности, большая часть предприятий розничной торговли даже не была коммерциализирована. Поэтому монопольные производители даже не получали правильных сигналов от розничной торговли. Постепенно процесс коммерциализации и приватизации розничной торговли начался, но даже в июне 1993 года 70,8% их оставались постгосударственными и государственными, но никак не частными (91,7% - в январе). Это означает, что у них не было практически никаких стимулов передавать правильно сигналы со стороны ограничения, возникшего в сфере эффективного спроса, к оптовикам, а от них к производителям по всей технологической цепочке.

Что же касается закупок сельскохозяйственной или оборонной продукции, здесь тоже противоречащие друг другу сигналы, исходящие от различных частей Правительства, так и не смогли поколебать твердой уверенности

большинства производителей в том, что они по-прежнему могут не сомневаться, что в конечном счете, несмотря на всю риторику о сокращении бюджетного дефицита, их выручат с помощью повышения закупочных цен, предоставления субсидий или льготных кредитов.

Безусловно, надо отметить, что определенное обратное воздействие на каждого отдельного производителя со стороны изменившейся макроэкономической ситуации существует, но работает оно очень медленно и болезненно.

Прошло уже два года после начала этого этапа экономической реформы, но не было еще ни одного случая банкротства в российской экономике, а официальная открытая безработица не превышает 1% рабочей силы. Это является самым ярким доказательством того, что саморазвивающийся процесс перехода от рынка продавца к рынку покупателя на микроэкономическом уровне если и действует, то действует так долго, что практически даже не заметен.

Полтора года либерализации (хотя и неполной либерализации, о чем мы еще будем дальше говорить) привели к тому, что структура относительных цен действительно изменилась в сторону более высокой цены на энергоносители и другие первичные ресурсы. Это создало видимость изменения относительной структуры цен в правильном направлении (потому что цены на первичные ресурсы всегда были занижены в плановой экономике). Однако это представляет собой не более, чем внешнюю видимость, поскольку просто-напросто субсидии, которые ранее предоставлялись всем отраслям, теперь закладываются в цену в первичных отраслях, но чем ближе к конечным стадиям производства и потребления, тем больше по-прежнему

субсидии сохраняются, что позволяет держать цены пока еще относительно низкими.⁶

Отсутствие реального улучшения в распределении ресурсов демонстрируется также следующими явлениями. В 1992 - начале 1993 года прибыль в материальном производстве составила более 20% валового внутреннего продукта и почти 30% всего промышленного производства. В банковской сфере норма прибыли в 200% и выше становится «нормальной». В то же время средняя зарплата по-прежнему не превышает 65 долларов в месяц по нынешнему валютному курсу (октябрь 1993 г.). Этот необычайно высокий уровень прибыли, который в основном достигается путем повышения цен в сочетании с крайне низкой зарплатой и сохранением в экономике 15-20% убыточных предприятий, в основном в тех секторах, которые на себе ощущают ограничения со стороны спроса, все это показывает, что самокорректирующийся рыночный механизм, т.е. механизм самокоррекции распределения ресурсов, так и не был создан. Даже эффект от более высоких цен на энергию и топливо в стимулировании энергосбережения также под большим сомнением, поскольку субсидии конечным производителям часто принимают формы специальных льготных тарифов, скажем на электроэнергию в сельском хозяйстве.

Есть еще более существенный провал этой схемы ценовой либерализации. В то время, как цены на переменный поток, т.е. на производимые товары, в значительной степени действительно освобождены с уже упомянутыми оговорками, есть одна сфера экономики, где система фиксированных государственных цен по-прежнему сохраняется. Речь идет о рынке недвижимости, землю и основные фонды. Недавно в газетах промелькнула

⁶ Может быть одним из самых интересных примеров является резкий контраст между реальным прогрессом демилитаризации экономики и статистикой по этому вопросу. Все, кто знает, как идут дела с конверсией, скажут, что реального прогресса достигнуто очень мало. Однако статистика по-прежнему показывает, что доля военной продукции в общей продукции оборонных предприятий упала с 56% в 1988 году до 20% в 1 квартале 1993 г., т.е. по статистике процесс конверсии уже практически завершен. По-видимому, одной из важных причин этого является скрытый характер повышения цен через субсидии и льготное кредитование в отношении оборонной промышленности.

история об отставном полковнике, который купил у своего полка охотничий домик покойного императора Николая II за 25 тыс.рублей. Через несколько месяцев он перепродал этот домик за миллиард рублей не названному покупателю. Не было совершено никакого преступления, поскольку 25 тыс.рублей - это была правильная официальная балансовая (бухгалтерская) цена этого домика.

Это, может быть, экстремальный случай, но очень широкой практикой является разрыв в сотни раз между балансовой ценой каких-то основных фондов, по которой только государство и может их продать, и их реальной рыночной стоимостью.

То же самое касается и арендных платежей.

Те, кто имеют в своем распоряжении какую-то недвижимость, здания, капитал, те, кто может получить их в свое приоритетное распоряжение путем подкупа официальных лиц, могут получить миллионы долларов буквально за одну ночь.

Оставляя даже в стороне вопрос социальной несправедливости и огромного разгула коррупции, который все это вызывает, есть основания опять-таки для беспокойства с точки зрения эффективного распределения ресурсов. Мы уже упоминали в предыдущем параграфе, что слишком низкая цена основных фондов для частных лиц ведет к различного рода неэффективности. Слишком много сейчас основных средств, земельных участков, зданий и т.д., распределяются по ценам, ниже чем рыночным, членам какой-то узкой группы или прямо преступникам.

В режиме вульгарной либерализации слишком много времени уйдет, прежде чем все эти фонды, наконец, найдут своих наиболее эффективных собственников, а в условиях прогрессирующей мафизации это время может вообще никогда не наступить.

1.3. Макроэкономика и деньги

Теперь мы переходим к макроэкономической и денежной части саморазвивающегося процесса трансформации. В отличие от других, уже упомянутых нами аспектов, здесь, по крайней мере, разговоров о финансовой стабилизации и проведении жесткой макроэкономической политики было более чем достаточно.

Сначала посмотрим, что достигнуто. «Антиинфляционная» политика 1992 года привела к повышению месячного уровня инфляции с 6% осенью 1991 г. до 20-30% - в течение большей части 1992 и 1993 годов. Бюджетный же дефицит «стабилизировался» на уровне 20-25% ВВП и остается неизменным в течение последних трех лет. Забавно, что некоторые политики, прямо ответственные за то, что произошло, так же как и их западные советники, по-прежнему пытаются представить себя главными и единственными борцами против инфляции и бюджетного дефицита.

Мы не спорим, что может быть действительно таковы были их намерения. Но, как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад.⁷

Слепое применение монетаристской догмы к реальности, которая не подходит ни под одну известную до сих пор экономическую модель, во-первых, привело к чувству собственного бессилия, в настоящее время очень остро ощущаемого всей «профессиональной» экономической частью российского правительства и экспертами Международного валютного фонда.

Во-вторых, эта политика привела к очень серьезному спаду по типу, описанному профессором Я.Корнаи.

⁷ Здесь об этом говорится не для того, чтобы начать очередную охоту за ведьмами или бесплодную идеологическую баталию. Но правда, как бы неприятна она ни была, необходима. Если мы будем продолжать настаивать, что все идет хорошо, и все идет согласно какому-то плану, как некоторые российские и западные экономисты по-прежнему продолжают делать, то через несколько лет та уродливая конструкция, которая возводится, может похоронить под собой все надежды на реформы вместе с самими реформаторами. Слишком много времени было потрачено впустую и не должно быть дальнейшей оттяжки. Новая политика должна применять экономический анализ к реальностям российской экономики, а не приспосабливаться, как слишком часто бывает с готовыми рецептами из экономической поваренной книги.

Начнем с краткой характеристики основных компонентов макроспроса в российском случае.

Личное потребление резко упало, по крайней мере, если верить статистике. Доля личного потребления в ВВП, уже и так достаточно низкая в начале реформ, была ниже в России, чем в большинстве развитых стран. В 1991 году она составляла всего 44,4% от ВВП. Официальных данных по ВВП по сферам его конечного использования за 1992 год пока еще нет. Но дальнейший спад потребления очевиден из следующих данных. ВВП упал на 19% в реальном исчислении, в то время как розничный товарооборот по России упал на 39%. Реальная средняя зарплата в конце 1 квартала 1993 г. была на уровне 51% от 1У квартала 1991 г. или на уровне 66% от уровня 1990 г.

Кейнсианский тип депрессии, когда падающий личный доход вызывает сокращение производства, а дальнейшее сокращение производства ведет к дальнейшему сокращению дохода, совершенно очевидно просматривается в сегодняшней российской экономике.⁸

Спад в инвестициях был действительно катастрофическим. Общий размер инвестиций в 1992 году упал до 55% от уровня 1991 в реальном исчислении, и спад продолжается в 1993 году. Инфляция часто выдвигается в качестве главной причины спада капиталовложений. Но, по-видимому, это не так, потому что 84% всех инвестиций в 1991 году были государственными инвестициями и поэтому представляли собой политическую переменную. Поэтому главной причиной спада инвестиций является, по всей видимости, политика сокращения бюджетного дефицита, политика, которая, тем не менее, как мы покажем, провалилась.

⁸ Мы еще раз хотим здесь повторить, что основной причиной этого являются институциональные технологические факторы, описанные в предыдущих параграфах. В этом смысле это не «типичный» кейнсианский спад, вызванный, скажем, негибкостью заработной платы. Наоборот, реальная заработная плата достаточно гибко меняется, но это не решает проблему из-за сохраняющейся нерешенной проблемы «собственник - директор» и из-за сохраняющихся рынков продавца по большинству видов продукции. Эти соображения помогают нам также понять, каким образом кейнсианский в своей основе спад производства, вызванный недостаточным конечным спросом, тем не менее сочетается с галопирующей инфляцией.

Ситуация с **государственным потреблением** остается неясной. Расширенный дефицит государственного бюджета в 1992 году, включающий в себя импортные субсидии, не проводимые через бюджет, находился на уровне 22% от ВВП. Если мы примем во внимание спад в личном потреблении и в инвестициях, то в таком случае получается, что общественное (государственное) потребление должно было резко увеличить свою долю в ВВП. Если это так, то можно, как ни парадоксально, сделать вывод, что российская экономика стала еще более «социалистической» или криминальной, чем до начала реформы.

Наконец, **баланс чистого экспорта** был в основном позитивным при том, что экспорт и импорт упали в абсолютном выражении в 1991 и 1992 году. Экспорт упал примерно наполовину (в американских долларах) за эти два года, тогда как импорт упал на 56%. В первой половине 1993 года экспорт был более или менее стабильным, а импорт упал еще на 50%, произведя на свет большое позитивное сальдо во внешней торговле в 10 млрд.долларов. Сомнительно, однако, что эти деньги действительно эффективно используются в российской экономике, о чем пойдет речь в следующем параграфе.

Таким образом, общая макроэкономическая ситуация может быть оценена как крайне отрицательная. Следует отметить, что прогрессирующий глубокий спад производства не привел пока к открытой безработице, которая по-прежнему находится на уровне около 1% от численности всей рабочей силы, но породил галопирующую инфляцию.

Причина такого положения с безработицей заключается в крайне низком уровне заработной платы на государственных и постгосударственных предприятиях. На самом деле скрытая безработица по некоторым предприятиям доходит до 30-50%. Как мы уже упоминали, институциональный хаос создал ситуацию, когда управленческий персонал постгосударственных предприятий практически не заинтересован в

изменении структуры производства и рационализации. Управленческий персонал занимается совсем другими вещами, которые обещают непосредственно гораздо большую отдачу прямо сейчас. В то же время рабочие продолжают ходить на работу по инерции, получают свою нищенскую заработную плату, которая меньше пособия по безработице. Безработица сдерживается также практическим отсутствием рынка труда из-за специфического института прописки. Работник не может получить работы без прописки, но не может получить прописку без работы на этой территории. Часто из-за этого получается порочный круг, который усугубляется отсутствием рынка жилья в городских центрах. Поэтому безработица есть нечто такое, чего следует избегать всеми силами, как индивидуально, так и общественно. Только в самое последнее время появились зачатки рынка жилья в больших городах, но по-прежнему очень узкого и дорогого.

Тем не менее, медленно, но неизбежно саморазвивающийся стихийный процесс перехода к рынку будет производить на свет безработицу, и если политики не подготовятся к этому, через несколько лет Россия может столкнуться с ситуацией, которая вызовет гораздо большую озабоченность, чем даже можно себе представить. Россия абсолютно не готова к явлению массовой безработицы, которая к тому же будет очень неравномерно распределена по регионам.

Наиболее вызывающим по сложности как в интеллектуальном, так и в практическом плане продуктом стихийного процесса перехода к рынку в России является практически неконтролируемая инфляция в сочетании с глубокой депрессией.

Плановая экономика является экономикой без денег. Существовая формально, деньги играют учетную роль, тогда как все распределение ресурсов решается в реальных параметрах планирующими органами. Знаменитое мягкое бюджетное ограничение, т.е. отсутствие бюджетного ограничения,

производителя просто отражает эту ситуацию. Производственные планы должны быть выполнены любой ценой, а «деньги не имеют значения».

В условиях саморазвивающегося переходного трансформационного процесса существует объективная потребность в настоящих деньгах, обслуживающих нужды формирующегося рынка, который, даже будучи очень несовершенным, без настоящих денег функционировать просто не может. Эта роль сейчас все больше и больше переходит от рубля к доллару, т.е. идет процесс долларизации, характерный для многих латино-американских стран.

Но большая часть экономики по-прежнему состоит из государственных и постгосударственных предприятий. И вот здесь-то, с денежной сферой этих предприятий случилось нечто очень интересное.

В течение первых месяцев 1992 года жесткая фискальная, бюджетная и денежная политика приняла гротескную форму: просто из бюджета не выдавали денег никому вообще. Не было бюджета, и руководство Правительства настаивало на том, чтобы просто остановить все платежи. Остановлены были также и кредиты Центрального банка. Возможно вот это и считалось настоящей, истинной шоковой терапией - просто никому не давать денег.

В то же время производство продолжалось. Но столкнувшись с резким ограничением на ликвидные средства, большая часть государственных и постгосударственных предприятий выяснила, что реальная ценность их оборотного капитала резко упала, поскольку цены выросли во много раз, а индексации денег на расчетных счетах не производилось. У них не осталось денег платить зарплату и у них не было практического никакого доступа к банковским кредитам. Вскоре, однако, ситуация поменялась. Денежная масса опять начала увеличиваться, бюджетный дефицит вновь резко вырос. Заявления официальной пропаганды и убеждение большинства западных экономистов в то время было и, я боюсь, сохраняется в значительной мере

даже сейчас, что все это произошло из-за давления консерваторов, которые просто подавили реформаторов в Правительстве, и курс реформ был изменен. Эта точка зрения является не только крайне поверхностной, но и просто удивительно антитеоретической.

Парадигма, которую пытались реализовать реформаторы 1992 года, была монетаристской. Эта доктрина (также как и кейнсианская доктрина, впрочем) исходит из того, что Правительство, Центральный банк могут практически полностью контролировать денежную массу в экономике.

Некоторые теоретические работы пользуются понятием внутренних денег, но большая часть этих исследований отличается от модели с чисто внешними деньгами, т.е. Центрального банка, только различной степенью гибкости той связи, которая допускается между всем объемом денежной массы и контролируемой денежной базой, т.е. деньгами высокой эффективности.

В этих рамках было естественно, что реформаторы пытались вылечить эту болезнь мягкого бюджетного ограничения постгосударственных предприятий с помощью рестриктивных бюджетных и кредитно-денежных мер. Они не пытались контролировать эту болезнь на уровне каждого отдельного производителя, но вместо этого полагались на косвенный механизм, когда общее жесткое бюджетное ограничение на ликвидные средства в экономике в целом будет автоматически переведено в жесткое бюджетное ограничение для каждого производителя.

С монетаристской точки зрения это действительно жесткое бюджетное ограничение для каждого производителя эквивалентно или почти эквивалентно жесткому ликвидному ограничению. Но это не так в других концепциях, в других теоретических построениях.

В XIX веке была популярна теоретическая доктрина, которая противостояла количественной теории денег. Доктрина свободной банковской деятельности или доктрина реальных векселей. Суть этой доктрины сводится к тому, что

реальные векселя, т.е. свидетельства взаимной задолженности производителей учитываются банком без всяких ограничений, т.е. финансовое посредничество осуществляется беспрепятственно.

Интересно, что один из популярных методов современного макроэкономического анализа - модель пересекающихся поколений - доказал, что рекомендация этой концепции реальных векселей приводит к Парето-оптимальному состоянию, тогда как монетаристские рекомендации не приводят.

Это легко понять интуитивно, потому что любое государственное вмешательство в рыночную экономику теоретически приводит к искажению, нарушению оптимальности. Банковские и денежные сектора здесь не являются исключением. Поэтому в силу какой-то иронии российские реформаторы и их советники из МВФ исключили только одну, но именно эту сферу из набора их ультралиберальных идей. Мы только хотим здесь заметить, что нет никаких оснований а-priori выбрать именно эту сферу активного государственного вмешательства, а не, скажем, сферу распределения собственности, промышленную политику или внешнеэкономические отношения. Тем не менее, все, что касалось роли государства в последнем, называлось консерватизмом и отсталостью, тогда как вмешательство в процесс финансового посредничества почему-то представлялось чем-то очень прогрессивным и новым.⁹

Но настоящая ирония, однако, заключается в том, что их политика вернулась бумерангом к своим инициаторам. Стихийный переходный процесс, который начался в других сферах, т.е. во всех сферах реальной экономики, буквально

⁹ Еще одной причиной неудачи макроэкономической политики был искусственный, одномоментный и неорганизованный развал Советского Союза. Абсолютно невозможно контролировать денежную массу или бюджетный дефицит, когда реально существуют 9 центральных банков и парламентов, работающих с кредитами и бюджетными расходами в одной и той же валюте, без всякой координации. Если же предполагалось, что их можно проконтролировать тем, что просто не поставлять им деньги, то это было слишком наивно. На самом деле все новые независимые государства ввели свои налично-денежные суррогаты, полностью избежав российского контроля. И, тем не менее, это практическое и экономическое помешательство было санкционировано МВФ. Кто после этого может обвинять российское правительство в том, что оно слишком поддается политическому нажиму? Мы еще скажем об этом далее.

наводнил экономику «нелегальными» и «несанкционированными» деньгами, и рестриктивная макроэкономическая политика завязла в трясине спустя несколько месяцев после своего начала.

Правительство, которое было слишком уверено в том, что касается саморегулирующихся сил рыночной экономики, в других областях (где оно, кстати, могло бы добиться гораздо лучших результатов, если бы оно хоть чуть-чуть было менее приверженно своей догме), сильно недооценило мощь именно этих сил в сфере платежей. На самом деле постгосударственным предприятиям не пришлось ничего изобретать. Не очень-то хорошо знакомые с тем, что представляют собой реальные деньги, они продолжали действовать так же как раньше, платя друг другу просто записями в своих бухгалтерских книгах. Очень скоро всем стало совершенно очевидно, причем в последнюю очередь Правительству и Центральному банку, что введение жесткого ограничения на ликвидность вовсе не идентично введению жесткого бюджетного ограничения. Это был не монетаристский мир.

Цифры, которые доказывают это, достаточно хорошо известны, но они настолько яркие, что мы не можем удержаться, чтобы не процитировать их вновь.

В январе 1992 года величина задолженности государственных предприятий друг другу составляла 39,7 млрд.рублей. В то же время их задолженность банкам была около 400 млрд.рублей. К 1 июля, т.е. через полгода, задолженность предприятий выросла в 80 раз и достигла 3,2 трлн.рублей. Это означает, что почти все промышленное производство первой половины 1992 года было профинансировано взаимными неплатежами. В то же время задолженность банкам выросла всего в 3 раза и составила 1,2 трлн.рублей. Таким образом, основная часть роста цен была профинансирована с помощью взаимной задолженности. Это был ответ постгосударственных предприятий на сокращение государственных субсидий и централизованных кредитов. Конечно, это не настоящая доктрина реальных векселей, в том

смысле, что реальность большей части векселей не была действительно основана на настоящем рыночном спросе.¹⁰

Но однако, так же, как и в ситуации со свободной банковской деятельностью, очевидно, что бюджетные и монетарные ограничения не эффективны в отношении такой ситуации. Они приводят только к дальнейшему ослаблению центральной власти (что будет еще описано в параграфе о гетерогенности).

Когда же мы заменяем монетаристскую схему взглядов на систему (квази) реальных векселей при анализе трансформационных процессов в России, причина инфляции вырисовывается совершенно очевидно. Это те же причины, которые были уже описаны в предыдущих подразделах, создающие проблему «собственник - директор», мешающие выравниванию перекоса в относительных ценах и правильному распределению ресурсов, единовременный характер рыночной игры, двойная система цен на фонды и недвижимость, технологические монополии, рынки продавца для большинства продуктов производства, слабые сигналы со стороны конечного спроса, милитаризованные промышленные структуры и т.д. Финансовый хаос в СНГ и во внешнеэкономических связях тоже сыграл свою роль.

Этот поток платежей, которые были сделаны и акцептованы самими экономическими агентами (со всем прошлым наследием социалистической плановой экономики, которая может быть умерла, но не похоронена) делает практически невозможным проконтролировать инфляцию простыми макроэкономическими методами сокращения бюджетного дефицита и контроля за денежной массой (в узком смысле ликвидности). И предвосхищая то, что будет сказано далее, мы хотим здесь отметить, что и политика валютных курсов и аккумуляции валютных резервов, хотя и важные задачи сами по себе, не могут быть эффективны в качестве средств борьбы с инфляцией в этих обстоятельствах, поскольку они также относятся

¹⁰ Наиболее курьезный случай - история с фальшивыми «авизо».

только к ликвидной части широкой массы платежных средств, обращающихся в российской экономике. Стабилизация рублевого обменного курса и накопление значительных валютных резервов летом 1993 года, в то время как инфляция достигала 25-30% в месяц, является превосходной иллюстрацией этого нашего тезиса.

Вопрос нелегальных средств платежа, созданных самими экономическими агентами, для нас представляется настолько важным, что мы хотим сделать еще несколько комментариев.

Может встретиться возражение, что в конечном счете все эти средства должны как-то подкрепляться ликвидной денежной массой. И действительно Центральный банк осенью 1992 года дал свои кредиты, чтобы спасти предприятия, которые потонули в задолженности. Во-первых, это было неизбежно, поскольку к тому времени 95% всех российских предприятий уже себя поставили в такое положение, что всех надо было объявлять банкротами. Таким образом, суть «свободной банковской деятельности» была уже налицо, несмотря на то, что формально решение принимал Центральный банк. Во-вторых, что еще более интересно, Центральный банк предоставил деньги только на сумму чуть больше 1 трлн.рублей - действительно долгов, с которыми ничего нельзя было сделать. Другая же и большая часть долгов была покрыта на основе многостороннего клиринга. Это есть не что иное, как непосредственное использование частных долговых обязательств в качестве средства конечного платежа с очень ограниченным посредничеством банковского сектора.¹¹

Совместная теоретическая работа С.Брагинского, Я.Маеда и Я.Сакаи в настоящее время готовится к печати. Мы здесь хотим отметить только два момента, предложенные профессором С.Брагинским.

¹¹ Поскольку это работа не по теории денег, мы не можем здесь развивать дальше эту важную тему, которая дает вообще новый импульс всей проблеме формирования денег.

Во-первых, обменный курс рубля в конечном счете зависит только от той части денег, которая проходит через банковский сектор, в то время как инфляция привязана ко всей денежной массе. Это поможет объяснить не только парадокс лета 1993 года, уже упомянутый выше, но и вообще всю ситуацию с обесцениванием реального курса доллара, которая продолжается в течение всего 1992 и 1993 годов.

Во-вторых, это понимание по-иному ставит вообще весь вопрос введения национальных денежных единиц независимыми государствами бывшего Советского Союза. В частности, на Украине известны случаи, когда в некоторых областях автобусные билетки использовались в качестве наличных денег.

Реальная проблема состоит в том, что формируется порочный круг: инфляцию нельзя излечить с помощью стандартных макроэкономических методов, а только с помощью институциональной и структурной перестройки, но само наличие галопирующей инфляции мешает перестройке, которая нужна для того, чтобы от инфляции излечиться.

Во-первых, галопирующая инфляция препятствует эффективной приватизации, особенно для мелкого и среднего бизнеса. Невозможными становятся сбережения, деньги постоянно должны участвовать в какой-то гонке и невозможно сформировать частные ликвидные средства для того, чтобы выкупить часть государственной собственности. Внутренняя конвертируемость рубля служит в определенной степени таким балансирующим фактором, но даже долларовые сбережения, как мы уже отмечали, не гарантируют от инфляции. (Россия вообще уникальная страна - у нас американский доллар обесценился в реальном выражении на 75% в 1992 году!)

Приватизация крупных предприятий также подвержена инфляционному воздействию, поскольку нужно продавать их акции. Вместо этого

галопирующая инфляция вместе с двойной системой цен на недвижимость и основные фонды поощряет приватизацию мафиозного типа.

Во-вторых, галопирующая инфляция мешает структурной перестройке. С прекращением деятельности планирующих правительственных органов, единственным институтом, способным перераспределять средства между разными отраслями промышленности, являются банки, но из-за высокой инфляции, из-за слишком высоких рисков банки не могут предоставлять долгосрочные кредиты. Только 4% банковских кредитов нефинансовым секторам в настоящее время предоставляется на срок свыше одного года. 3-6 месяцев является обычным сроком, но многие кредиты предоставляются еще на более краткосрочный период, напоминая больше межбанковский рынок ссуд, чем рынок кредитов для предприятий производственных отраслей.

Таким образом, трансформация экономики в режиме вульгарного либерализма полностью зашла в тупик в денежной сфере, и никакая «простая макроэкономика» ее из этой ситуации не выведет.

1.4 Издержки открытия экономики

Еще одна сфера, в которой либералистский подход был испробован, является открытие экономики. Десятилетиями внешняя торговля в России была полностью монополизирована государством, и все операции с иностранной валютой, помимо неизбежного черного рынка, были под строгим контролем.

Этот контроль начал смягчаться с конца 80-х годов и в конце 1991 года, в ходе разрушения Советского Союза, эти ограничения были сняты практически полностью. Лицензирование и другие формы нетарифного регулирования остаются в силе для 15-20 стратегических товаров, но вряд ли это можно считать по настоящему эффективным. Хотя некоторая степень контроля была восстановлена в 1993 году по сравнению с 1992. Попытки контролировать отток иностранной валюты из страны провалились полностью. Либерализация экспорта и допуск свободного обращения

иностранной валюты в экономике должны были способствовать переходу к «правильной системе» относительных цен и служить в качестве мотива для перемещения ресурсов в сторону тех секторов, продукция которых могла продаваться за твердую валюту. Открытие экономики для импорта должно было иметь эффект разрушения монополии отечественных производителей и таким образом способствовать также созданию конкурентного рынка.

В какой-то степени все это сработало. Но нерегулируемый характер этого процесса привел к очень сильным «переборам».

Во-первых, как мы уже говорили, внутренние факторы, которые порождали и порождают искажение структуры относительных цен, не были ликвидированы. Например, правительство сохранило контроль за ценами на нефть. В результате в 1992 году регулируемая цена нефти была в 10 раз ниже ее экспортной цены. Такие внутренние цены в той или иной степени применялись также и к поставкам в другие страны СНГ и даже в страны Балтии, которые затем зарабатывали огромные прибыли на реэкспорте.

То же самое, хотя в несколько меньшей степени, можно сказать и в отношении цен на цветные металлы, которые к тому же очень легко вывезти через практически неохранные границы между Россией и ее бывшими союзниками.

Предоставление права свободного экспорта всем экономическим агентам в сложившихся условиях привело к коррупции и контрабанде. Та же самая линия аргументации может быть применена и в ситуации двойных цен на недвижимость в том, что касается инвестиций иностранных компаний и совместных предприятий.

Во-вторых, ориентация на внешний спрос, в то время как внутренний спрос и доля добавленной стоимости в ВВП падали, есть путь к монокультурной специализации. Если мы посмотрим на структуру промышленного производства в текущих ценах, то мы увидим, что топливно-энергетический

сектор вырос с 8 до 19,4% только за два года с 1990 по 1992. В то время как машиностроение упало с 30,8 до 20,4% за тот же период. Такая же тенденция наблюдается и по другим отраслям. Первичный сектор расширяет свою долю, в то время как перерабатывающая промышленность падает. Здесь могут быть разные точки зрения относительно того, что происходит, но я твердо убежден, что для страны, такой большой и населенной как Россия, просто невозможно основывать все свое будущее развитие только на первичном секторе.

В-третьих, конкуренция со стороны импорта тоже идет с перехлестом в том смысле, что вызывает деиндустриализацию. Безусловное замещение внутренней отечественной промышленности импортом приводит к утрате экономического благосостояния.

Опять-таки последние два момента вызывают некоторые теоретические споры.

В частности, аргумент в пользу такого рода свободы торговли, примененный к российской экономике, звучит примерно так. Разделение труда, созданное плановой экономикой, было искусственным и не базировалось на сравнительном преимуществе. В настоящее время либерализация внутренней экономики вместе с открытием вовне должна заменить эту искусственную промышленную структуру новой.

Однако, даже с теоретической точки зрения, существует, по крайней мере, два очень веских основания сомневаться в правильности этих аргументов. Первый довод - это уже известный нам «кейнсианский» аргумент, суть которого сводится к тому, что резкий спад внутреннего спроса, вызванный первоначальным снижением отечественного производства, может затянуть экономику в очень долгую стагнацию. Таким образом, переход на новую промышленную структуру не пойдет гладко и может завязнуть на многие годы.

Мы уже упоминали некоторые обстоятельства, которые делают именно такой вариант развития событий наиболее вероятным для российской экономики: очень слабый механизм перераспределения ресурсов между отраслями промышленности в силу отсутствия эффективных рынков недвижимости, очень краткосрочные банковские кредиты, зачаточная форма рынка труда, связанная с трудностями перемещения с места на место, и т.д.

Второе обстоятельство, которое с нашей точки зрения является еще более важным, это то, что особенно в отраслях обрабатывающей промышленности весьма часто действует эффект экономии масштаба, т.е. повышение эффективности производства при расширении его масштабов, и этот результат может перевешивать эффект от сравнительного преимущества. В последние десятилетия теория внешней торговли разработала совершенно новую главу о роли возрастающей отдачи от масштаба несовершенной конкуренции - главу, которую по непонятной причине совершенно не читали те, кто составлял план российской трансформации. В частности, большая часть теоретических работ в этой сфере в настоящее время прямо учитывает тот факт, что промышленное производство характерно неполной обратимостью тех эффектов, которые уже произошли, и это может перевешивать роль естественного сравнительного преимущества. Если наблюдаются такие эффекты неполной обратимости, то первоначальное сокращение промышленного производства в качестве результата дерегулирования открытия экономики приведет к совершенно новой ситуации, которую нельзя будет так легко вернуть обратно, и все это приведет к конечному спаду, а не к повышению эффективности использования ресурсов общего благосостояния.

Здесь, как и во многих других случаях, чисто теоретический анализ не дает однозначного ответа. Особенно, когда дело касается принятия практических политических решений, вопрос верить или не верить в саморегулирующуюся силу рыночного механизма - не является предметом точного научного

диспута, поскольку есть теоретически верные основания и для того, и для другого взгляда. По крайней мере, моя интуиция в случае с российской и может быть с некоторыми другими постсоциалистическими экономиками говорит мне, что экономия и наоборот антиэкономия масштаба и эффекты неполной промышленной обратимости гораздо более важны, чем предполагает стандартный анализ. И, по крайней мере, нам всегда стоит помнить, что когда Дэвид Юм впервые предложил механизм автоматического регулирования (речь шла о том, что автоматически регулируется дефицит платежного баланса, т.е. если есть дефицит у какой-то страны, деньги из нее утекают в другую страну, там растут цены, здесь цены падают, и все возвращается обратно, потому что конкурентоспособность повышается), который затем лег в основу всей концепции свободной торговли, то он прямо писал о том, что должны создаваться условия для процветающей промышленности, которая только и позволит стране не волноваться о том, куда и откуда идут деньги. Если кто-нибудь сказал ему или любому другому экономисту его масштаба о том, что нация может быть готова отказаться от всей своей промышленности ради того, чтобы осуществить переход к рыночной экономике, он, наверное, счел бы этого человека сумасшедшим.

1.5. Некоторые специфические геополитические факторы

Очень серьезные проблемы в реформировании российской экономики, наиболее специфичные для России из всего того, что мы до сих пор обсуждали, проистекают из ее геополитической ситуации, из того, что мы называем политико-экономической гетерогенностью. Тема гетерогенности России, ее последствий для реформаторского процесса, требует особого исследования, часть которого мы уже представили ранее в этом году в книге, названной «Нижегородский пролог». Здесь мы только очень коротко хотели бы остановиться на этой широкой теме, в тех ее аспектах, без которых понимание всего того, что мы до сих пор говорили, будет неполным.

Саморазвивающийся стихийный переходный процесс, вызванный ликвидацией сверхцентрализованного государства, в этой сфере проявил себя как процесс хаотической дезинтеграции сначала Советского Союза, а потом России.

Крах Советского Союза оказал в целом негативное воздействие на развитие трансформационного процесса. Во-первых, экономика, построенная по принципу одной фабрики, была создана не только в России, но и во всем Советском Союзе, поэтому границы и таможенные посты, поставленные между бывшими республиками, а иногда и внутри них самих, хотя и неэффективны против контрабанды, но в значительной мере нарушили сложившиеся связи между предприятиями. В результате чего резко возрос фактор монополизма в каждой отдельно взятой республике, в каждом отдельно взятом регионе.

Переключение на дорогостоящий импорт там, где раньше можно было обходиться внутренними поставками, также привело к утрате чистого благосостояния, т.е. к неэквивалентным утечкам валюты к иностранным поставщикам.

Но самый разрушительный эффект краха Советского Союза касался макроэкономической сферы и контролируемости финансовых параметров, т.е. самой цели стабилизационной политики.

В самом начале реформы были упразднены Государственный банк СССР и союзное Министерство финансов. Российские реформаторы оказались во главе значительной, но все-таки лишь части финансовых органов бывшего Советского Союза. В течение всего 1992 года по сути дела правительство пыталось стабилизировать финансы и валюту страны, которая в буквальном смысле перестала существовать.

Помимо всего того, что было сказано в предыдущих параграфах касательно самой российской экономики, уже одной этой ситуации было достаточно для

того, чтобы сделать любую стабилизацию невозможной. Размер выданных фактических рублевых кредитов другим республикам бывшего Советского Союза, кассовый остаток так называемых технических кредитов Центрального банка России, составил 1,3 трлн.руб. в 1992 году или 8,6% от ВВП.

Политические шоу на встречах глав государств СНГ не могли внести никакую упорядоченность в эту хаотичную ситуацию. Ничего по существу не изменилось и в 1993 году. Российское Правительство теперь пытается занять жесткую позицию, но результатом этого является только дальнейшее ухудшение экономического положения на Украине и в других республиках, которое в конечном счете вернется бумерангом в саму Россию.

Единственный прогресс, который можно заметить, - это более широкое общественное понимание, которое постепенно находит свою дорогу даже в головы политиков, того, что сама идея ликвидации страны буквально в течение одной ночи, было авантюрой, чтобы употребить тут самое мягкое слово.

Гетерогенность и тенденция к дезинтеграции самой России были еще одним продуктом стихийного процесса перехода к рынку.

Например, особенности федерального бюджета, при которой большая часть налогов собирается на местном уровне и только затем передается в центральный бюджет, значительно мешает стабилизационным усилиям. В своих попытках снизить расходную часть бюджета Правительство переложило ответственность за большую часть социальных программ, ценовых субсидий и многого другого на местные бюджеты. Когда эта тенденция к суверенизации республик, краев и областей появилась, местные бюджетные органы стали все громче и громче заявлять свою собственную точку зрения на многие проблемы.

Распределение промышленности между регионами таково, что на протяжении многих лет еще нужно будет собирать централизованные финансовые ресурсы преимущественно с одной части регионов и распределять в пользу других. Это делается все труднее и труднее в общей атмосфере режима вульгарного либерализма. Поэтому Правительству приходится все больше и больше полагаться на инфляционное финансирование своих программ поддержки региональной экономики, еще больше этим самым снижая доверие к национальной валюте и подталкивая более сильные регионы к сепаратизму.¹²

ЧАСТЬ II. ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

2.1. Провал Рынка или Правительства?

Подведем итоги нашего анализа. К институциональной, рыночной, финансовой и политической структурам, описанным выше, были применены стандартные экономические рецепты, состоящие в дерегулировании, либерализации и финансовой стабилизации. В результате в экономике возникло ощущение порочного замкнутого круга, стремительно падает эффективность, отсутствует перспектива. В стране пролилась кровь. Очень трудно в этом хаосе различить, что представляет собой изменение в лучшую сторону, иначе говоря, что содержит в себе семена будущего развития нормальной рыночной экономики, отличить от того, что представляет собой очевидный сорняк, который может забить и уничтожить все полезные растения, если ничего не предпринимать.

Что, однако, абсолютно не подлежит сомнению: то, что получилось, имеет очень мало общего с тем, что реформаторы и западные доброжелатели надеялись получить.

¹² Детальное обсуждение этой темы может быть найдено в одном из последних докладов ЭПИцентра «Политическая ситуация в России» № 4 и 5, апрель-май 1993 г.

Очень часто меня спрашивают: что мне представляется неправильным в экономической политике реформаторов в постсоциалистических странах бывшего Советского Союза и что я считаю должно быть исправлено. На самом деле, я не знаю, что ответить. Представьте, что Вы художник и Вам показывают картину, написанную кем-то, чья главная проблема состоит в том, что у него просто не получается замысел. И затем Вас просят подправить, исправить, улучшить это произведение. По всей вероятности, Вы откажетесь от этой просьбы, сказав, единственное, что можно сделать - это взять другой чистый лист и нарисовать все с самого начала.

Экономическая реформа в большой стране не тот случай, когда вы можете выбросить все то, что было уже сделано и начать снова с чистого листа.

Несчастье России и других бывших стран Советского Союза состоит в том, что «картина» реформ писалась до сих пор и по-прежнему пишется абсолютно разными людьми. Когда Правительство находится в том состоянии, в котором оно находилось в бывшем Советском Союзе и в России в последние годы, очень трудно сказать, на самом деле, что хуже: довериться ли властям или же рискнуть уйти в еще «неизведанную страну» провалов российского рынка. Это действительно гамлетовский вопрос, потому что сегодня в российской экономике проблемы создаются как рынком, так и Правительством.

Рынок проваливается, потому что технологические монополии держат цены и искажения в области благосостояния на таком уровне, который иногда даже превышает то, что было в плановой экономике. Рынок проваливается потому, что отношения собственности четко не определены, потому что рыночные агенты играют в одноразовую игру и потому что нет институтов, которые обеспечивали бы свободный и справедливый доступ к информации и конкуренции на большинстве рынков.

Правительство проваливается потому, что не смогло отказаться по настоящему от всего регулирования, но, по-прежнему, вмешивается в экономику, причем очень волюнтаристским и неэффективным путем. Система, которая рационализировала это вмешательство в плановую экономику и весь смысл этого вмешательства исчезли, но осколки старой системы по-прежнему могут быть найдены то тут, то там, но сейчас они играют роль только обеспечения жизни, причем весьма неплохой жизни, коррумпированным чиновникам.

Правительство проваливается потому, что оно не может контролировать бюджет и деньги, не может навести порядок, не может заставить экономических агентов играть по каким-то установленным правилам игры и, более того, само никак не может воздержаться от того, чтобы каждый день не менять эти правила.

Так не улучшим ли мы все-таки положение, если выберем свободный рынок вместо правительственного вмешательства? В конце концов в свободном рынке есть какой-то механизм самокорректирования, и многие провалы системы были бы смягчены, если бы только правительство смогло бы решиться на то, чтобы действительно полностью уйти со сцены. Например, прекращение волюнтаристского лицензирования и регулирования субсидий и государственных инвестиций могло бы положить конец значительной части коррупции. Это последний бастион, который надо взять, с позиции тех, кто отстаивает позицию тотального либерализма.

Мой ответ на это будет двоякий. Во-первых, даже если бы это было желательно, то невозможно, потому что Россия - это не Соединенные Штаты времен Томаса Джефферсона. Одно из наследий коммунизма состоит в весьма сложном, но крайне ненадежном промышленно-техническом потенциале (не говоря уже о запасах ядерного, химического и биологического оружия), который произвел на свет Чернобыль и может произвести много других, если Правительство действительно решит уйти

полностью. Это невозможно также и потому, что время и издержки реформы, основанной только на рыночном саморегулировании, будут такими колоссальными, что они могут превысить даже знаменитый потенциал терпения российского народа.

Меня, в буквальном смысле этого слова, очень беспокоят все чаще звучащие, в том числе и от серьезных политиков, и от ученых, опасения относительно «веймаризации» ситуации в Восточной Европе, например, в Венгрии. Социально-экономическая ситуация в России в несколько раз хуже и соответственно в несколько раз больше угроза ее новым институтам политической свободы и демократии. Но если политическая свобода и демократия провалятся в России, весь мир почувствует последствия. Поэтому мы должны быть очень ответственными в нашей профессиональной оценке ситуации и в наших действиях. И самый главный урок, который надо извлечь из опыта последних двух-трех лет, заключается в том, что государство все же должно играть существенную роль в переходном периоде.

Второй момент, который я хотел бы здесь отметить, состоит в том, что при нынешних политических условиях в России кто бы ни стоял во главе Правительства, ему практически невозможно сделать что-либо конструктивное. Я уважаю и высоко ценю некоторых членов российского Правительства. И, тем не менее, я ощущаю, что ничего хорошего от нынешнего правительства в целом ожидать не могу из-за бездонного политического кризиса.

Когда премьер-министру В.Черномырдину задали вопрос относительно этого печально знаменитого июльского обмена денег, он ответил с замечательной откровенностью, которая мне так нравится во многих ныне действующих российских политиках. «Мы хотели как лучше», - сказал он - «а получилось, как всегда». Как эхо раздалось заявление одного видного российского бизнесмена: «Мы действительно можем доверять нашему правительству.

Если оно может что-нибудь сделать, чтобы ухудшить положение в экономике, оно обязательно это сделает».

Этот второй момент не обязательно означает отчаяние. Наоборот, по крайней мере для меня это означает только одно - политические условия должны быть изменены, и новое правительство, которое сможет работать эффективно, должно прийти к власти. Как это сделать - это не тема настоящей работы. Поэтому позвольте мне обойти эту проблему и идти дальше, раскрывая, какой тип целенаправленной трансформации все еще возможен в нынешних условиях.

Наш вызов представлениям большинства экономистов относительно общей концепции трансформации постсоциалистической экономики (или же, я бы сказал так, тому, что до недавнего прошлого было общим взглядом, потому что, как я уже отмечал, меня несколько озадачило то, что целый ряд видных фигур со стороны моих оппонентов в последнее время перешли в другой лагерь) будет состоять в следующем:

Во-первых, невозможно достичь макроэкономической стабилизации прежде, чем произойдет структурная и прочая институциональная перестройка.

Макроэкономическая стабилизация как цель, поставленная прежде всего остального, была ошибочной стратегией с самого начала (см. «Диагноз», ЭПИцентр, май 1992 г.). Плановая экономика - это экономика специально созданная, чтобы функционировать без денег в их истинном понимании. Поэтому она не реагирует на макроэкономическое ужесточение политики таким образом, как это описывается в учебниках. На самом деле она практически вообще позитивно не реагирует на макроэкономическое регулирование, а если какую-то реакцию и можно заметить - то она очень искаженная, поверхностная и очень часто, как в случае с валютными курсами, просто во многом искусственная.

Это может показаться перегибом, но это факт. И хотя отдельные рыночные элементы в экономике появились, основная ее часть по-прежнему не трансформирована, и поэтому мы сегодня не способны сделать что-либо существенное ни с бюджетным дефицитом, ни с инфляцией.

Во-вторых, невозможно исправить диспропорции в относительных ценах, создать правильную мотивацию для производителей и сократить потери общественного благосостояния просто снятием контроля и освобождением цен. Институциональная и структурная перестройка, включая решение главного вопроса о собственности, реальное проведение земельной реформы, демонополизация экономики и, в первую очередь, ликвидация технологических монополий, освобождение предприятий от финансирования социальной сферы и многие другие мероприятия необходимы для того, чтобы «невидимая рука» Адама Смита привела бы к желаемому результату.

В противном случае существовавшие ранее диспропорции сохранятся. Кроме того, к имеющимся искажениям добавятся новые, образуя рыночную экономику очень специфического типа. То, что получится, вряд ли можно будет назвать более эффективной экономической системой, не говоря уже о большей справедливости по сравнению с прежней.

В-третьих, невозможно достичь ни макроэкономической стабилизации, ни правильного рыночного поведения без создания условий для экономического роста, причем на основе, совершенно отличной от той, которая существовала в плановой экономике. Успех стабилизационной программы в Японии в 1949 году - одна из самых выдающихся удач стандартной макроэкономической политики в современной истории - был предопределен той перестройкой производства, предложения и спроса, которая протекала в годы, **предшествующие** стабилизационной программе с 1946 по 1948 год. Все это происходило в условиях значительной, а иногда даже галопирующей инфляции. Конечно, мы должны понимать, что корейская война, которая разразилась вскоре после начала осуществления этой программы,

практически ликвидировала перегрев экономики, открыв крайне необходимые возможности со стороны внешнего спроса. Нельзя не заметить при этом, что еще два десятилетия после успеха этой программы государственное вмешательство как на макроэкономическом, так и на микроэкономическом уровне по-прежнему оставалось весьма значительным.

В-четвертых, для российской экономики не подходит модель, предназначенная для малых открытых экономик. До сих пор МВФ и другие советники в основном имели дело именно с малыми странами, включая Восточную Европу. Это их первая попытка помочь стране, которая столь велика, и, вполне естественно, что здесь нужен иной подход. Например, экономика России не может быть основана только на одном экспортном секторе (например, энергетике), оставляя все остальные отрасли промышленности на произвол судьбы. И внешний спрос никогда не может компенсировать провал внутреннего спроса, иначе говоря, спад «кейнсианского» типа представляет у нас гораздо более серьезную проблему, чем в маленькой стране.

Наконец, **в-пятых,** мы не можем оставлять в стороне политические и геополитические факторы. Россия - это часть бывшего союза. 14 республик этого бывшего союза провозгласили свою независимость, но большая часть из них никогда не сможет достичь реальной экономической независимости, по крайней мере, в обозримом будущем. С другой стороны, для России этот аспект не может быть безразличным хотя бы потому, что 25 млн. русских живут в республиках СНГ.

Кроме того, Россия сама представляет собой грандиозный конгломерат гетерогенных регионов, включая и многие, состоящие из национальных меньшинств. Ни одна экономическая реформа, не учитывающая этой реальности, не может быть успешна.

Тема правильного политического дизайна для дальнейшей трансформации требует времени и места, превышающих то, что мы имеем в рамках этой работы. Поэтому мы только очень коротко наметим, что, по нашему мнению, может быть сделано для того, чтобы направить стихийно развивающийся процесс в правильном направлении. Как подтолкнуть те преобразования, которые обещают эффективную рыночную экономику в будущем, и одновременно поставить высокие заградительные барьеры на пути тех тенденций, которые несут в себе опасность увода экономики в сторону.

2.2. Эффективный собственник

Главный аргумент сторонников саморазвития в приватизации сводится к тому, что вся государственная собственность должна быть как можно скорее переведена в частную. Неважно, кто первоначально получит эту собственность, достаточно будет создать свободную торговлю вновь приобретенными правами собственности, и тогда более эффективные собственники в конце концов эту собственность в свои руки получат.

Нечего и говорить, что между этой теоретической схемой и реальными условиями рынка есть огромная дистанция, поскольку рынок всегда характеризуется самыми разными несовершенствами. Однако уверенность российского правительства в этой либералистской догме была настолько велика, что целая система так называемой ваучерной приватизации была специально построена под эту концепцию.

Мы уже видели в предыдущей части, к чему привела эта приватизационная схема. Что касается ваучеров, единственное, что мы здесь могли бы добавить - это то, что цены на основной капитал выросли во много раз за последние годы даже на уровне их балансовых цен, не говоря уже о рыночных. В то же время рыночная цена ваучера только сейчас достигла его номинальной стоимости - 10 тыс.рублей, которая должна корреспондироваться с общей суммой основного капитала, измеренной в ценах семидесятых-восьмидесятых годов.

Таким образом, общая сумма ваучеров, розданных гражданам, значительная часть которых до сих пор никуда еще не вложена, в настоящее время соответствует всего лишь нескольким процентам всей той массы богатства, которую они должны были представлять. Конечно, цена ваучеров, как и любого другого капитального средства, никогда не определяется его реальной или воображаемой долей в каком-то богатстве, поскольку цена любого капитального средства - это не что иное как дисконтированная сумма потоков того дохода, который ожидается от этого средства в будущем.

Потоки дохода контролируются директорами постгосударственных предприятий, для которых ваучеры не что иное как предмет головной боли, поскольку они не помогают привлечь дополнительный капитал, но требуют платить по ним дивиденды. В этом смысле вся идея «народной приватизации» фальшива от начала до конца.

Дизайн приватизации в нашей целенаправленной трансформации должен быть совершенно другим. **Правительство должно в последний раз действительно проявить себя в роли собственника государственной собственности. И в этой роли оно должно сделать все возможное, чтобы передать собственность в надежные (насколько возможно) руки.**

В 1992 году в российской промышленности насчитывалось 23766 предприятий, из которых 20757 находились в собственности государства или местных органов власти. Многие были превращены в акционерные общества уже в 1993 году, но это фактически коллективная собственность с большой долей акций по-прежнему у федеральных властей. Не так легко заставить директоров всех государственных и постгосударственных предприятий представить правительству краткосрочные и среднесрочные проекты реконструкции своих предприятий для того, чтобы, изучив эти проекты, решить: оставлять ли на месте этих директоров или поменять.

Это не легко, но это нужно. Если возможностей российского правительства сегодня не достаточно, то это может быть той областью, где техническая помощь со стороны развитых стран могла бы быть наиболее плодотворной. В процессе создания и изучения этих проектов, важнейшей задачей является в этой связи подготовка схемы разукрупнения целого ряда технологических монополий. Но, что наиболее важно, с точки зрения проблемы «собственник - директор», необходимо обеспечить атмосферу ответственности директоров перед собственником. Вначале перед реформаторским правительством, затем по мере развития приватизации перед акционерами, которые при этом появятся. Естественно этими новыми собственниками-акционерами могут быть сами директора, если Правительство будет удовлетворено деятельностью управляющих по реконструкции предприятий после определенного срока, в течение которого будет осуществляться мониторинг.

Учитывая запутанность ситуации с приватизацией, мы попытались представить наши предложения в виде последовательных шагов:¹³

1. Разумеется необходимо выполнить обязательства, которые уже были даны - завершить обмен приватизационных чеков на акции. После этого провозглашается отказ от использования ваучеров для целей приватизации в дальнейшем.
2. В обязательном порядке заключить контракты с управляющими государственных предприятий. В контракте предусмотреть всего 2 пункта: обязанность управляющего не допустить банкротства предприятия и обязательство представить и реализовать план реконструкции предприятия и его подготовки к реальной приватизации.
3. Налоговыми и другими льготами стимулировать передачу работниками предприятий контрольных пакетов акций крупным институциональным инвесторам.

¹³ Эта схема предложена моим коллегой по ЭПИцентру С.В.Иваненко

4. Провести ревизию всего законодательства, включая подзаконные акты в направлении установления приоритета частного права. Разработать и принять недостающие законы (Гражданский и Торговый кодексы и т.д.) и отменить устаревшие. Законодательство должно быть преимущественно прямого действия с четким механизмом реализации и конкретными санкциями в случае нарушения.

5. Приватизацию государственной собственности проводить только на аукционах (раньше говорили - нет денег, а теперь они есть и лежат в западных банках).

Расширить фронт приватизации: дефицитные права, предоставляемые государством коммерческим фирмам необходимо продавать, причем только на открытых аукционах и обязательно гласно. Например, права на аренду земли в центре крупных городов, лицензии на экспорт и т.д.

6. Организовать систему контроля за деятельностью местных властей со стороны антимонопольных органов. Административными методами необходимо защищать и развивать конкуренцию на рынках товаров, капиталов и труда: выделение мест и контроль за оптовыми и розничными рынками, увеличение числа магазинов, продажа жилья и предоставление земли, вытеснение мафии и т.д.

7. Реорганизовать систему государственной поддержки предприятий агропромышленного и топливно-энергетического комплексов (крупнейшие дотационные сектора): поэтапное сокращение дотаций (официально предупреждать о сроках), организация фьючерсного рынка сельхозпродукции, создание государственных стратегических резервов зерна и нефти для поддержки уровня цен.

8. Создать систему добровольной реорганизации предприятий («добровольные банкротства») при поддержке государства: инвестиции, кредиты, льготы, управленческие кадры.

Для стимулирования добровольных банкротств провести показательные банкротства хронически неплатежеспособных предприятий (50-100 предприятий за 3 года). Разрабатывать индивидуальные проекты по добровольным-банкротам, включающие четкие ориентиры:

- реорганизация производства и управления;
- оценка финансово-экономических перспектив предприятия;
- оценка рыночной стоимости предприятия (имущества);
- поиск инвесторов;
- продвижение акций на фондовые рынки.

Еще одной срочной задачей в приватизации является развитие вторичного рынка приватизированных активов. Двойная система цен на большую часть основных фондов и недвижимости должна быть ликвидирована как можно быстрее. В тех же случаях, когда по определенным причинам нежелательно продавать какие-то основные фонды или средства тем, кто предлагает наивысшую цену (учитывая уже сложившееся очень неравномерное распределение финансовых ресурсов, в значительной мере вызванное неэффективностью политики 1992-1993 гг. и мафизацией) следует проводить открытые конкурсы с четко определенными и широко публикуемыми критериями и механизмами принятия решений.

2.3 Промышленная политика и государственные инвестиции

«Правительство реформ» было не только первым постсоветским правительством, но также и первым правительством, которое все-таки хотя бы теоретически знало экономику. Если использовать аналогию с шахматной игрой, то впервые мы имели правительство, которое знало как ходят фигуры. Но знать как ходят фигуры недостаточно для того, чтобы выиграть партию. Шахматист должен иметь какую-то стратегию. Правительство в то время говорило, что ситуация настолько не терпит отлагательства, что какая-то

игра должна быть начата немедленно, а потом необходимые ходы сами собой придумаются по мере того, как эта ситуация будет развиваться. Но даже шахматный гений вряд ли может выиграть шахматную партию, если будет только отвечать на ходы своего оппонента, не понимая смысла партии в целом. В данном же случае суждение о качестве шахматистов вынесли сами события.

Наш простой пример (см.рис.1 и 2 выше) хорошо это иллюстрирует. Эффект частичной либерализации (в качестве второго оптимального выбора) критическим образом зависит от того, какой сектор был выбран для начала - А или В. Если бы был выбран сектор В, то мы могли бы получить действительно второй оптимум. Выбор же сектора А был хуже чем вообще ничего не делать. Неучет очень слабого обратного воздействия от конечного спроса через технологическую цепочку производства, игнорирование технологических монополий на промежуточных стадиях было огромным просчетом (или неспособностью к экономической политике), и дымовая завеса из «суперлиберализации» может обмануть только того, кто не представляет себе на самом деле, что такое реальность и либерализация цен в России.

Этот технологический аспект провала рынка и Правительства уже отмечается многими отечественными и западными экономистами, поэтому нет необходимости подробно на этом останавливаться. Чистым результатом того политического дизайна (если вообще какой-то был), реализованного в России в 1992 году, было дальнейшее усиление искажений в относительных ценах и консервация неэффективной структуры промышленности. Доля отраслей промежуточных стадий производства в ВВП, уже и без того высокая в российской экономике, выросла еще больше за последние два года, поскольку оптовые цены больше всего росли в первичных отраслях (в топливно-энергетической промышленности, в том числе благодаря высокому внешнему спросу), чем в отраслях срединных (таких как металлургия, химия

и нефтехимия), еще меньше в машиностроении и меньше всего в легкой промышленности, только чуть-чуть больше в пищевой. В то же время розничные цены постоянно отставали в росте по сравнению с оптовыми и разница между этими двумя индексами с 1990 года превысила 3000%.

Причинно-следственная цепочка после либерализации цен, которая произвела на свет эту парадоксальную ситуацию, может быть описана следующим образом. Сохраняющиеся рынки продавца и технологические монополии привели к повышению цен на первичные ресурсы и промежуточную продукцию. На стадии конечного спроса Правительство пыталось, хотя и не последовательно ввести жесткие бюджетные ограничения сдерживая денежные доходы и сокращая государственные закупки вооружения. Здесь начал появляться рынок покупателя, но только на конечную продукцию. Это стало давить в сторону понижения на розничные цены и на оптовые цены в тех отраслях, которые ближе всего стоят к конечному спросу. Эти последние не смогли оправдывать свои издержки и резко снизили уровень производства.

На этой стадии Правительству и местным органам власти пришлось вмешаться. Особенно местные органы власти, которые сейчас отвечают за субсидирование розничных цен, внедрили свою собственную систему субсидий, приведя, в частности, к резкой дифференциации цен по регионам. Например, в июне 1993 г. килограмм хлеба стоил 56 рублей в Нижнем Новгороде, 32 рубля в Самаре и 18 руб. 67 коп. в Ульяновске. Все эти три города находятся в одном географическом регионе и имеют примерно одинаковый уровень дохода. Центральное Правительство должно было компенсировать убытки поставщиков, работающих на конечный спрос. Система субсидий, которая раньше была более менее равномерно распределена по экономике, в настоящее время концентрируется в производстве и продаже продуктов питания в легкой промышленности и оборонном секторе. Правительство также вынуждено было значительно

субсидировать импорт потребительских товаров. Доля субсидий в ВВП находится на уровне около 30%, а льготные кредиты, распределявшиеся в основном контролируемому государством аграрному сектору и топливно-энергетическому комплексу превысили 12% ВВП в 1992 году. Это представляет собой серьезный провал политического дизайна, который в своей основе пытался исходить из либералистского подхода.

Вместо этих самоуничтожающих мер, которые не ведут к реальной структурной технологической перестройке относительных цен, мы предлагаем другой подход, в центре которого будет стоять тщательно продуманная промышленная политика.

Задачей огромной важности является разрушение технологических монополий. Однако в большинстве случаев это сдерживается тем обстоятельством, что гигантские государственные, постгосударственные предприятия, число сотрудников в которых насчитывает в некоторых случаях сотни тысяч рабочих, содержат всю систему жизнеобеспечения крупных городов: жилье, медицинское обслуживание, детские учреждения, учреждения отдыха, даже образование в значительной степени зависит от государственных предприятий, директора которых часто ведут себя как местные феодалы на своих территориях. В то же время эта система в настоящее время уже представляет собой значительную ношу для постгосударственных предприятий.

Результаты нашего исследования в Нижнем Новгороде прошлым летом вскрыли следующую картину. Большая часть государственных и постгосударственных предприятий направляла до 80% своих прибылей на поддержку социальной инфраструктуры. Поэтому первый шаг на пути структурной перестройки, конверсии военно-промышленного комплекса и разукрупнения монополий должен состоять в том, чтобы отделить социальные инфраструктуры от государственных и постгосударственных предприятий. Многие вещи, в том числе и дробление индустриальных

промышленных гигантов на несколько частей, без этого просто не могут быть осуществлены.¹⁴

Следующей задачей должно стать создание механизма перераспределения ресурсов между отраслями. Этого механизма сейчас практически не существует. Структура производства быстро меняется в текущих ценах. Но прибыль и убытки в различных секторах экономики практически не ведут к тому, что в одних отраслях открываются новые фирмы, а в других они закрываются. А причина состоит в том, что нет настоящего рынка ни для одного из трех производственных факторов: труда, земли и капитала, что должно быть уже очевидно из всего нашего предыдущего изложения. Поэтому перераспределение ресурсов сможет стать возможным только тогда, когда эти рынки будут созданы и организованы, а также им будут предоставлены финансовые возможности (о чем в следующем параграфе) и в выполнении этой задачи государство должно играть самую активную роль.

Формирование рынка труда будет частично достигнуто, когда социальная инфраструктура, в том числе жилье будут отделены от предприятий. Другие шаги в этом направлении должны включать государственную поддержку обучения без отрыва от производства, создание системы поддержки малых и средних предприятий, особенно в сельском хозяйстве, в сфере услуг и т.д.

Рынок на землю не может быть создан без земельной реформы. Хотя некоторый прогресс достигнут в области прекращения действий монополий на сельскохозяйственную землю государственных колхозов, но тем не менее юридическая ситуация в этой сфере по-прежнему остается очень запутанной и земельная реформа по-прежнему стоит в повестке дня.

Рынок городских и промышленных земель также должен развиваться при соответствующем политическом руководстве со стороны Правительства.

¹⁴ Более подробно с данной проблемой можно ознакомиться в «Нижегородском прологе».

Что касается основного капитала и других капитальных товаров, то приватизационная схема, описанная в предыдущем параграфе, должна создать условия для этого рынка.

Как только эти фонды найдут своих новых полноправных хозяев, будь-то нынешние управляющие постгосударственных предприятий или кто-то иной, их настоящая капитальная стоимость, основанная на ожидаемом потоке будущего дохода может быть определена. Это искоренит нынешнюю двойную систему цен, одна из которых до смешного низка, а другая тоже во многих случаях неадекватна, поскольку включает в себя элементы чисто спекулятивного рынка.

И, наконец, Правительство должно играть активную роль в определении приоритетных отраслей промышленности и формировании будущей промышленной структуры. В решение этой задачи в первую очередь необходимо заложить базу для основательного экономического роста, построенную на этих приоритетах, что является в конечном счете главным условием достижения макроэкономической стабилизации.

Подход с позиции вульгарного либерализма, как мы показали, в настоящее время ведет к гипертрофированному росту первичного сектора и постепенному вымыванию обрабатывающей промышленности. Мы убеждены, что эту тенденцию необходимо остановить. Россия с ее ресурсами и человеческим потенциалом может и должна быть современной промышленной страной. Но вульгарный либерализм не приведет к этому даже в самом отдаленном будущем. Вместо того, чтобы просто полагаться на рыночные силы, Правительство должно создать серьезную программу развития обрабатывающей промышленности на новой основе, и один из приоритетов с правительственной стороны должен быть в сфере базовой инфраструктуры - строительства автомобильных и железных дорог, средств связи и жилья. Это можно посчитать утопией с учетом нынешнего кризиса в бюджетной сфере, но мы постараемся показать, что это не утопия.

В настоящее время имеется много заводов или, например, шахт, которые настолько устарели по своей технологии и оборудованию, что их дешевле закрыть, чем перестраивать.

До сих пор их искусственно поддерживали прямыми или косвенными правительственными субсидиями из опасения безработицы и социального недовольства. Представляется возможным применить занятые там трудовые ресурсы, например, на строительстве общественного жилья, где мотивацией для самих рабочих будет их доля собственности на вновь строящееся жилье. Это можно сделать без того, чтобы увеличивать при этом бюджетный дефицит. То же самое верно в отношении многих армейских подразделений, потому что в конце концов Вооруженные Силы насчитывают несколько миллионов человек и включают в себя строительные, транспортные войска, войска связи, инженерные войска.

Логика предыдущего параграфа даже еще более универсальна. Верно, что с помощью манипуляций с цифрами Правительство смогло сократить статистический дефицит федерального бюджета до 7-8% ВВП, но расширенный дефицит, подсчитываемый МВФ, как мы уже отмечали, по-прежнему составляет 20-25% и разница в основном состоит из субсидий, которые не проходят через бюджет, и льготных кредитов. Что действительно в этом плохо, это то, что большая часть дефицита используется практически полностью на потребление и предоставления кредитов для текущих расчетов между предприятиями. Банки, как мы уже тоже показали, используют деньги, которые лежат на счетах предприятий для краткосрочного кредитования, зарабатывая огромные прибыли. Таким образом нынешняя система борьбы с бюджетным дефицитом фактически заменила долгосрочное правительственное государственное инвестирование предоставлением краткосрочных кредитов под текущие операции, на которые к тому же фактическое налогообложение накладывают банки. Если Правительство сможет вернуться к долгосрочному инвестированию не в

военное оборудование, конечно, и не в престижные проекты, но на сей раз в развитие основной производственной инфраструктуры и в помощь модернизации приоритетных отраслей промышленности одновременно сокращая свое предоставление оборотного капитала, который только служит консервации экономической неэффективности, оно не увеличит бюджетный дефицит как таковой, подсчитанный правильно, и по крайней мере даст при этом хоть какой-то луч надежды, что этот дефицит в будущем может принести какие-то плоды.

Следующим важным приоритетом должна стать конверсия военно-промышленного комплекса. Много уже было об этом сказано, но достижений очень мало. Освобождение государственных предприятий ВПК от их социальной инфраструктуры это один шаг, другой шаг опять должен состоять из государственной инвестиционной программы, в данном случае на основе привлечения кредитов. Наконец, что касается выбора других приоритетных отраслей промышленности, политики могут применить следующий двойной критерий, использованный японскими политиками в 50-60-е годы, а именно должны выбираться такие отрасли промышленности, которые, во-первых, имеют наивысший потенциал роста производительности труда, во-вторых, наибольшую эластичность спроса по доходам.

Интересно отметить, что первичный сектор исключается по обоим этим критериям даже без всякого специального исследования. Принимая во внимание также депрессию кейсианского типа, мы в настоящее время можем добавить еще один критерий высокого мультипликативного эффекта.

Конечно, острая необходимость в иностранной валюте будет требовать от Правительства внимания к добыче нефти и другим ресурсным отраслям. Но тем не менее роль этих отраслей в стратегической промышленной политике Правительства (мы не говорим здесь о реальностях российской нынешней экономики в целом) должна быть ограничена только обеспечением достаточных экспортных поступлений, чтобы покрывать наиболее острые

государственные нужды. Если Правительство сможет провести в жизнь такую промышленную стратегию, то в конечном счете оно сможет добиться и изменения реальной рыночной картины и первичный сектор будет заменен в своей роли главного экспортного потенциала России обрабатывающей промышленностью.

2.4. Банковская система, деньги и сбережения

Мы уже несколько раз отмечали, что экономический рост необходим для того, чтобы стабилизировать финансовую систему страны и ее валюту. Но есть очень важное обратное воздействие финансовой системы на рост. Особенно в нынешних российских условиях будет невозможно достичь роста и структурной перестройки, если политика в сфере реальной экономики, очерченная выше, не будет дополняться адекватными мерами в финансовой области.

Мы не говорим здесь о стандартной стабилизационной программе. Она уже провалилась и я думаю теперь понятно почему. В том, что последует дальше, я хочу использовать логику, впервые представленную И.Шумпетером в его знаменитой «Теории экономического роста». Его концепция экономического роста основывалась на представлении об «инноваторе», который может реализовать какую-то новую комбинацию ресурсов, для того чтобы производить более эффективно, чем позволяет нынешняя технология общего равновесия. Реализуя эти новые комбинации, инноваторы зарабатывают прибыль, которая затем вытесняется благодаря появлению у них огромного количества подражателей, но вытесняется только для того, чтобы закончить свой путь в возросших платах за «первичные факторы производства», т.е. в повышении чистого экономического благосостояния. Но для того чтобы реализовать эти новые комбинации, предпринимателям нужно иметь ликвидные ресурсы с тем, чтобы первоначально предложить «факторам производства» более высокие цены и перебить их у менее эффективных производителей.

Генеральное течение монетарной теории обычно рассматривает процесс создания денег и функционирования банковской системы на макроэкономическом, т.е. агрегированном уровне. Для И.Шумпетера же роль банков состояла главным образом в том, чтобы позволять быстро перебрасывать ресурсы между отраслями, предоставляя ликвидные средства потенциальным инноваторам. Другими словами банки не просто создают деньги. Создавая деньги, они одновременно осуществляют необходимое перераспределение реальных ресурсов в экономике. Эта точка зрения практически полностью утеряна в нынешнем генеральном течении макроэкономического анализа, которое по-прежнему вслед за Ирвингом Фишером считает, что «Денежная инфляция не может увеличить продукцию ферм и фабрик, не может ускорить движение поездов или судов. Поток бизнеса зависит от естественных ресурсов и технических условий, а не от количества денег» (I.Fisher, «Покупательная способность денег», 1912, p.155). Это неверно, если «инфляция денег» сопровождается их перераспределением от одних пользователей к другим, особенно в условиях огромного потенциала, для того чтобы улучшить экономическую эффективность. Именно такая ситуация характерна для российской экономики сегодня.¹⁵

Коммерческие банки, которых в настоящее время в России насчитывается почти 2000, предоставляют только краткосрочные кредиты. Ничего другого нельзя от них ожидать в экономике, где годовые темпы инфляции измеряются четырехзначными цифрами. Реальные процентные ставки выросли существенно в 1993 году, но по-прежнему остаются отрицательными. В то же время банковская система сохраняет высокую прибыльность, которая достигается следующими тремя путями:

¹⁵ Одна страна, в которой И.Шумпетер был и по-прежнему остается гораздо более популярным экономистом, чем в других развитых странах, это опять-же Япония. И поэтому, может быть, не совсем случайно, что именно Япония создала систему государственных и частных банков долгосрочного кредитования, которые представляют собой совершенно уникальную среди других индустриальных наций систему и которая была одним из важнейших факторов, обеспечивших экономическое чудо.

во-первых, многие кредиты чрезвычайно краткосрочны - от одного до трех месяцев - и по отношению к ним применяется значительно более высокий процент;

во-вторых, процентные ставки по депозитам естественно ниже, чем процентные ставки по кредитам, а банковская система имеет юридическую монополию на расчеты между промышленными предприятиями. Поэтому для банков достаточно просто предоставлять кредиты с маржой по отношению к тому проценту, который платится по расчетным счетам предприятий (возможно, что широкое распространение межфирменного кредита - проблема неплатежей - частично может быть объяснена желанием предприятий избежать этого фактического налогообложения со стороны банков);

в-третьих, многие крупные банки эффективно комбинируют рублевые и долларовые кредиты, повышая тем самым эффективную процентную ставку. Известны случаи, когда предприятия, которым нужны были рублевые средства, получали банковские кредиты, которые на 50% состояли из долларов. Например, в течение трех месяцев лета 1993 года, когда курс рубля по отношению к доллару был стабильным, а рублевые процентные ставки составляли 200%, это означало, что 200% применялось также и к долларовому кредиту.

Все эти средства служат какой угодно цели, кроме той самой главной, которую должна выполнять банковская система в нынешней российской экономике. Поэтому Правительству совершенно срочно необходимо создавать систему государственных и частных банков долгосрочного кредитования. Долгосрочные кредиты в настоящее время предоставляются Центральным банком, распределяются через коммерческие банки в основном через ту их часть, которую представляют собой бывшие правительственные банки и коммерциализированные в 1991 году, что делает их весьма политическими по своему характеру и не гарантирует эффективного

исследования или мониторинга. Эта система должна быть заменена системой государственных и частных долгосрочных финансовых институтов, которые бы работали при правительственной поддержке и координировали свою деятельность с Всемирным банком и Европейским банком реконструкции развития и другими международными финансовыми институтами, желающими помочь России профинансировать ее долгосрочную перестройку экономики. Опять же ноу-хау японской финансовой системы в этой области могло бы очень сильно пригодиться. Западная финансовая помощь долгосрочному развитию и конверсии могла бы также направляться через эти долгосрочные кредитные институты с непременным участием экспертов стран-доноров в отборе проектов и мониторинге их реализации.

Другая задача, которая является крайне важной, чтобы эти долгосрочные проекты в конечном счете финансировались не бюджетным дефицитом, а из частных источников, состоит в том, чтобы наращивать личные сбережения. Сбербанк традиционно был и в значительной мере остается монополистом в аккумуляции небольших личных индивидуальных капиталов. Однако процентные ставки по их депозитам до смешного низки. Если деньги, которые будут аккумулироваться через Сбербанк, направлять в долгосрочные инвестиционные проекты, то эти процентные ставки и повышать будет нельзя. Специальные сберегательные депозиты, платежи по которым осуществлялись натурой (например в автомобилях), были испробованы в последние годы Советского Союза, но практический отказ государства от своих обязательств резко снизил доверие к ним. И тем не менее может быть новому Правительству стоит попробовать вновь их внедрить, дав на сей раз полные государственные гарантии против обмана.

Опыт самой России 20-х годов возможно может также быть использован в качестве средства стабилизации валюты и стимулирования сбережений. Этот опыт сводился к введению новой параллельной валюты полностью обеспеченной ликвидными резервами, драгоценными металлами и твердыми

валютами. Мы уже упоминали о том, что необходимость в стабильной денежной единице очень широко ощущается в оперяющейся рыночной экономике в России сегодня.

Этот вакуум частично сегодня заполняется американским долларом и немецкой маркой, но гораздо разумнее было бы иметь национальную валюту, которая была бы в международном плане стабильна и полностью конвертируема. Права выпуска такой валюты не должны даваться ни одному из ныне существующих центральных банков в бывшем СССР, включая Банк России, но специально создаваемому Банку, которым бы руководила группа абсолютно политически независимых профессионалов.

Новые деньги должны вводиться в экономику очень осторожно и постепенно, для того чтобы сохранять фиксированный обменный курс между ними и какой-то отдельной твердой валютой или корзиной таких валют. Первоначальные средства могут быть предоставлены за счет стабилизационного фонда рубля, о котором идет много дискуссий, но который так и обречен оставаться не более чем фантомом в условиях, когда рубль практически неограниченно используется без всяких пределов просто для покрытия текущего дефицита госбюджета и кредитов Центрального банка под оборотные средства. Эти новые деньги уже в силу своей стабильности постепенно, но верно вытеснят все мягкие валюты, включая вероятно и сам сегодняшний российский рубль. Эффект, который в 20-х годах был получен менее чем за 2 года.

2.5. Полуповорот во внешнеэкономической деятельности

То, что мы предлагали до сих пор, это не полуповорот в сторону роста, который сегодня предлагается кое-кем из правительства и оппозиционных политиков, но скорее просто введение совершенно другой принципиально новой стратегии переходного периода, такой, которая будет подчеркивать активную роль правительственного вмешательства в процессы приватизации, делать упор на развитие национальной индустрии и создавать финансовую

систему поддержки сбережений, капиталовложений и роста, что является единственным путем к действительной финансовой стабилизации. Но одна область, в которой мы действительно выступаем за поворот - это внешнеэкономические отношения. Россия не может существовать как замкнутая экономика. Без открытия экономики не может быть эффективной перестройки, не может быть настоящей конкуренции, не может быть профессионального роста у директоров российских предприятий. Но этот процесс должен быть также эффективно организован.

Начнем вновь с простого теоретического упражнения. Представьте себе национальную индустрию, которая до сих пор защищалась от конкуренции с помощью импортных субсидий, направленных на один промежуточный компонент, поставляемый из-за рубежа.

Рисунок 3

На левой части рисунка 3 линия S^*S^* представляет собой бесконечно эластичную мировую кривую предложений конечного продукта этой отрасли (включая транспортные расходы). SS - это отечественная кривая предложений, а DD - это кривая отечественного спроса. С импортной субсидией, направленной на промежуточный компонент, кривая предложений смещается с позиции SS в позицию $S'S'$ и весь внутренний спрос покрывается с помощью отечественного производства q_e . Чистое благосостояние (т.е. сумма избытка потребителя и производителя минус размер импортной субсидии) измеряется разницей между площадью фигуры DES' и фигуры $KLS'S$.

Представим себе теперь, что субсидия снята, как часть перехода к режиму полного невмешательства в свободную торговлю. Отечественное производство сокращается до количества q_d . Весь остальной спрос удовлетворяется за счет импорта готовой продукции. Действительно устраняются расходы на субсидирование (в размере площади $KLS'S$), но

уничтожается избыток производителя измеряемой площади фигуры STES', т.е. он также передается зарубежным производителям. Не ясно сразу представляет ли собой такое изменение улучшение общественного благосостояния или же наоборот его снижение. Именно поэтому мы и говорим, что практическое решение должно быть основано на конкретном изучении, а не на механическом применении какого-то догматического представления.

Правая часть рисунка 3 еще более интересна. В этом случае отрасль, о которой идет речь, имеет эффект масштаба. (Эффект масштаба по типу маршалловской внешней экономии, которая совместима с идущей к верху слева направо кривой предложения. Маршалловская внешняя экономия - это такая ситуация, когда для каждой индивидуальной фирмы издержки возрастают по мере роста производства, а когда фирм становится много, т.е. растет общий выпуск продукции благодаря лучшей информации, более эффективному обмену, в целом издержки для отрасли снижаются. Чем интересен этот случай, что он совместим с совершенной конкуренцией, т.е. ни одна фирма не может вытеснить другую, потому что каждая из них, когда пытается сама расширить свое производство, она сталкивается с возрастающими издержками, все в целом они достигают снижения.). Здесь, когда субсидия ликвидируется и конкуренция со стороны импорта сокращает отечественное производство, кривая внутреннего отечественного предложения смещается еще выше в положение S"S". При этой ситуации данная отрасль промышленности просто полностью перестает существовать в отечественной экономике.

Конечно, здесь может быть приведено такое возражение, что это не может произойти одновременно со всеми отраслями промышленности, поскольку в таком случае дефицит текущих статей платежного баланса приведет к падению обменного курса рубля и восстановлению конкурентоспособности каких-то из этих отраслей. Но это слишком примитивное соображение с

точки зрения общего равновесия не принимает во внимание целый ряд важных факторов.

Во-первых, в условиях неполной обратимости, о которой мы говорили выше, может быть довольно большая переходная зона, при которой падение обменного курса и жизненных стандартов, необходимых для того, чтобы вновь возродилась та промышленность, которая однажды была уничтожена, может быть слишком большим для того, чтобы на него всерьез можно было полагаться.

Во-вторых, этот аргумент не принимает во внимание системную жесткость (например, возможность спада кейнсианского типа, о чем тоже уже говорилось ранее). Первоначальное сокращение отечественного производства вызовет порочный круг снижения доходов, безработицы и дальнейшее снижение производства.

В-третьих, в нынешней ситуации большой финансовой поддержки с Запада, которая идет на покрытие расходов по импорту, (13 млрд.долларов в 1992 году) просто трудно сказать какой же потолок существует для дефицита текущих статей платежного баланса.

Наш общий вывод состоит в том, что мы не можем полагаться на перестройку, продуцируемую только валютными курсами и ценовым механизмом. Здесь, так же как и в случае с промышленной политикой, это должно дополняться стратегией укрепления конкурентоспособности национальной промышленности, включая экспортные и импортные субсидии там, где необходимо. Мы в данном случае не выступаем за протекционизм, но серьезное внимание должно быть уделено условиям каждой конкретной отрасли промышленности и их важности для стратегической перестройки и роста национальной экономики. Субсидирование импорта, так же как и меры по стимулированию экспорта должны быть всегда, во-первых, целенаправленными, во-вторых, временными, т.е., если в данный момент

отечественная промышленность работает с большими издержками, чем иностранные конкуренты, в то время как Правительство считает необходимым предотвратить исчезновение этой промышленности полностью, оно не должно сомневаться, когда вводит протекционистский тариф. Но этот тариф должен действовать не более чем, скажем, 5 лет и его ставка должна каждый год постепенно снижаться в соответствии с публично декларированным строго выдерживаемым расписанием.

В то же самое время Правительство должно поддерживать приоритетные отрасли промышленности в том, чтобы они развивались и открывали себе экспортные рынки, чтобы полностью использовать их масштабы и способствовать накоплению валютных резервов.

Еще одна срочная задача в регулировании внешнеэкономических отношений. Она касается того, что надо остановить утечку капитала. Россия получила свыше 13 млрд.долларов в прошлом году в виде западной финансовой помощи, но отток капитала оценивается еще выше - 15-17 млрд. Российские банки имеют сейчас примерно 7 млрд. долларов на своих депозитах в иностранных банках, российские предприятия - 10-12 млрд. Никакая сильная рука не сможет сегодня вернуть эти капиталы обратно в страну в условиях, порожденных коллапсом политической системы, фактически открытыми границами и общим состоянием вещей, к которым уже привела вульгарная либерализация. Но поскольку все это силой не делается, нужно достичь этого с помощью экономической мотивации. В этом смысле введение новой конвертируемой валюты, которая бы находилась под контролем Независимого резервного банка по тому образцу, который был предложен в предыдущем параграфе, может очень помочь. Если эта новая валюта сможет привлечь обратно активы в иностранных валютах экономических субъектов, то это даст огромный толчок экономическому возрождению и, учитывая необычайно широкие возможности для инвестиций, сможет обеспечивать достаточно высокие процентные платежи, которые сделают уже просто

невыгодным хранить иностранную валюту в банках за пределами России. Одним из возможных механизмов такого возврата валютных средств может быть продажа валютных облигаций, выпускаемых тем резервным банком, который будет вводить новую валюту, и, может быть, также некоторыми долгосрочными кредитными институтами.

2.6. Российская Федерация и СНГ

В заключение этого раздела мы хотим остановиться на проблемах Российской Федерации и СНГ. Задача заключается в том, чтобы заменить хаотическую и разрушительную дезинтеграцию организованной децентрализацией власти, дополняемой координированным регулированием в сферах, которые должны регулироваться.

Ясно, что истинные системные и структурные изменения должны в первую очередь и главным образом протекать снизу. Но роль политического руководства состоит в том, чтобы организовать эти изменения и дать им определенное направление. Это относится не только к экономическим проблемам, но и проблемам политической организации государства в первую очередь. То, что сейчас происходит в этой сфере, как широко признано, является одним из главных препятствий на пути экономической реформы, хотя, как показывает наш экономический анализ, важность этой сферы несколько преувеличивается.

Первый советский реформаторский режим Президента Михаила Горбачева начал глубокую политическую трансформацию, но вынужден был уйти из-за того, что так и не приступил к настоящей экономической реформе. Новый же реформаторский режим Президента Бориса Ельцина впал в другую крайность. Ни одного шага в продолжении процесса политической трансформации не было предпринято его Правительством в течение двух лет. В результате реформаторский процесс вновь зашел в тупик, попытка выхода из которого была связана с кровопролитием в октябре 1993 года. Мне уже приходилось сравнивать процесс трансформации постсоциалистических

обществ с ездой на велосипеде. Левая педаль - это политическая, а правая - это экономическая реформа. Если вы перестаете крутить одну из педалей, вы немедленно опрокидываете велосипед.

Тема политической реформы в целом выходит за рамки данной работы, но некоторые политические инициативы абсолютно необходимы, чтобы трансформационный процесс, описанный в предыдущих подразделах, начал осуществляться (см. более подробно «Нижегородский пролог»).

Во-первых, должно быть принято решение о форме федерации. Это включает вовсе не только разделение властей законодательной и исполнительной, но, что гораздо более важно, распределение власти между центром и регионами. Противиться децентрализации бессмысленно - она необходима и политически, и экономически. То, что делегированы полномочия местным органам власти в отношении многих аспектов приватизации, ценовой политики и социальных программ - это шаги в правильном направлении, но парадокс нынешней юридической ситуации в том, что слишком много важных функций находится в «совместном ведении». С нашей точки зрения Центральное Правительство должно сохранить достаточно власти и рычагов в отношении гетерогенных российских регионов, чтобы иметь возможность эффективно противодействовать хаотической дезинтеграции, которая в конечном счете будет опасной для всех регионов, составляющих Российскую Федерацию, без исключения. Конечно, какое-то время богатый зерном юг или богатая нефтью Сибирь смогут игнорировать индустриальные центры Волго-Вятки или Северного Урала, но дезорганизация в г.Арзамас-16 или г.Челябинск-5, расположенных именно в этих регионах, может уничтожить всю страну и большую часть Европы.

Реальности российской промышленности и инфраструктуры таковы, что они, так же как и ее военная машина, будут вызывать необходимость сильной координирующей и контролирующей роли государства еще на многие годы.

Что касается чисто экономических аспектов трансформационного процесса, наша точка зрения состоит в том, что координация должна осуществляться не только в России, но во всем СНГ. Экономике всех новых независимых государств по-прежнему настолько взаимно переплетены, что, особенно учитывая неполную обратимость промышленности, гораздо дешевле постепенно отменять существующую систему разделения труда, чем уничтожить ее одномоментно. А понимание этой истины в настоящее время распространяется по всей территории бывшего Советского Союза.

Пограничный контроль между бывшими советскими республиками практически не существует, поэтому важно не увлекаться попытками создания таможен на взаимных границах и вместо этого создать Таможенный союз, используя хорошо оборудованные, приспособленные к этому границы бывшего Советского Союза.

Экономические связи предприятий, расположенных в разных новых независимых государствах, не должны подвергаться никакому регулированию, ограничениям, так же как и перемещению товаров, труда и капитала. Самоуничтожающие попытки введения национальных валют должны быть прекращены, по крайней мере приостановлены на несколько лет. Существование единой общей валютной территории в интересах всех республик, включая Россию. Однако как сформировать эту территорию - деликатная проблема. Экономический потенциал Российской Федерации настолько подавляюще велик, что де-факто она все равно будет играть лидирующую роль в любом многостороннем соглашении, но если другие новые независимые государства заподозрят нечестную игру или будут сталкиваться с прямым диктатом со стороны российского Правительства, как в некоторых последних предложениях касательно рублевой зоны, проблемы общей валюты становятся резко политизированы и практически не разрешимы.

Кроме того, совершенно не ясно ни с какой точки зрения, почему именно российскому Правительству и Центральному банку России, который позволил инфляции достичь 2600% в прошлом году, следует доверить задачу поддержания ценности общей валюты.

В этом плане наши предложения введения новой конвертируемой валюты, контролируемой независимым резервным банком или Банковским союзом, например, могут быть одним из путей, позволяющим избежать эти трудности. Специальный банк для взаимных расчетов между странами СНГ тоже может быть создан на основе западных кредитов, конвертируемых в эту новую валюту. Упрощение расчетной процедуры между странами СНГ может быть важным шагом на пути экономического возрождения.

В 1991 году мы предложили и подготовили Договор об Экономическом сообществе, который был подписан в октябре руководителями 10 республик - новых независимых государств. В начале декабря лидеры России, Украины и Беларуси, встретившись в Минске, решили пойти по иному пути. Они были настолько преисполнены энтузиазма относительно новой договоренности, которая забрела в их головы, что даже не остановились перед тем, чтобы дезавуировать свои подписи на предыдущем обязательстве. Впрочем, это всего лишь один из такого рода поступков в цепочке бесконечных отказов от предыдущих обещаний и политических заявлений. Все это, к сожалению, не началось и не закончилось тогда.

Сам ход истории за последние два года доказал, что мы были правы, настаивая на экономическом союзе. В настоящее время те же самые политики снова начинают говорить по другому. Даже им уже становится очевидно, что невозможно осуществлять эффективную реформаторскую политику в странах без границ и таможен, без валюты и финансовой системы, без законности и правопорядка с нарушенными внутри и межотраслевыми связями, и это еще дополняется дюжинами самопровозглашенных суверенных регионов, президентов мелких регионов,

этническими и гражданскими конфликтами во многих частях того, что было недавно единой страной и до сих пор остается в значительной мере единым целым в качестве территории проживания.

Экономический договор между республиками бывшего СССР в сентябре 1993 года подписан во второй раз, два года спустя. Ясно, что успешных реформ без него не осуществить. Захотят ли нынешние политики, чтобы он действовал? Не знаю, не уверен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимость нового теоретического подхода

Недавно крупнейший специалист в области экономики постсоциалистических стран профессор Янош Корнай заявил, что «многие из нас сыты по горло наклеиванием ярлыков, которое стало доминирующим в экономических дискуссиях. Догматическое применение полупереваренных экономических теорий ... имеет токсичный эффект на объективные исследования». «Мне надоело, когда меня называют то консерватором, то чикагским мальчиком. Глупо сидеть в идеологических окопах, когда ясно, что реформы проваливаются,» -добавил он.

Мне кажется, я показал, что к сожалению еще более токсичным этот эффект оказался для практики реформ по крайней мере в России и бывшем СССР. Всех, кто говорил что-либо отличающееся от политики стабилизации бюджета, называли консерваторами или, в лучшем случае, институционалистами, которые не представляют себе основных истин экономической науки. Правда, что большинство практических экономистов в России знает очень мало о генеральном направлении экономического анализа, но генеральное направление экономистов очень мало знает о российской экономике. Как легко себе представить, одно не является заменой другого. Противоречие между практиками и макроэкономистами в России на самом деле являет собой спор о том, верхнее или нижнее лезвие

ножниц разрезает лист бумаги. Истина состоит в том, что как отмечал А.Маршалл, нам нужны оба лезвия, конечно не как механическое собрание обоих типов в правительственной коалиции, которая руководит Россией с мая 1992 года, но как органический синтез обоих подходов, приводящих в первую очередь к новому типу экономического мышления.

Позвольте немножко подробнее на этом остановиться. Когда Д.Кейнс представил в 1936 году свой труд жизни в области экономики, он назвал его «Общей теорией занятости, процента и денег» для того, чтобы подчеркнуть, что он имел дело с более общим теоретическим построением, чем построение неоклассической школы, которая покрывала только один особый случай его теории. Хотя в последующих дискуссиях между кейнсианцами и неоклассиками некоторые экономисты считали, что это заявление Кейнса как раз следует перевернуть на 180 градусов, что его теория как раз представляет собой частный случай неоклассического анализа, но тем не менее общая теория, которая бы покрывала тот случай, когда на рынках не устанавливается равновесие спроса и предложения, по-прежнему остается весьма актуальной.

Есть однако еще один набор предпосылок, который не подвергается сомнению ни в неоклассической, ни в кейнсианской экономической теории - предпосылки относительно базовой институциональной системы самой рыночной экономики. Генеральное течение экономического анализа начинается с довольно стандартных «аксиоматических» представлений, которые включают в себя рационального потребителя: производителя, который максимизирует прибыль; Правительство, которое озабочено тем, что максимизирует какую-то функцию общественного благосостояния, и т.д.

Более того целый ряд очень важных реквизитов для такого анализа вообще даже не упоминается среди основных аксиом, но просто молчаливо предполагается как само собой разумеющиеся. Это включает в себя много из того, что мы обсуждали в настоящей работе, в частности,

институциональные отношения собственности; сама концепция рынка, где встречаются и свободно торгуют продавцы и покупатели; существование финансовых посредников, которые играют в соответствии с определенными правилами, и частных агентов, на которых имеют воздействие ликвидные ограничения, и т.д.

Если немного поразмышлять, то наверное любой экономист согласится, что стандартный анализ должен быть изменен самым радикальным образом, если, например, можно приобретать товары не только с помощью торговли или производства, но с помощью связей, договоренностей или даже воровства, т.е. если издержки подобного рода сделок не являются запретительно высокими. Но на практике всему этому уделялось очень мало внимания.

Возможно, что все это можно игнорировать в анализе развитых экономик.¹⁶

Надеюсь, я показал, что, по крайней мере, все это очень важно для переходных экономик или для экономик многих развивающихся стран. Переосмысление экономического развития в постсоциалистических странах за последние 2-3 года по-моему требует создания еще одной общей теории, которая включала бы институциональные параметры и общие правила игры среди переменных, а не среди данных.

В намерение автора данной работы на этом этапе не входило даже предлагать Введение к такой теории. Ситуация меняется каждый день и, находясь в эпицентре событий, мы считаем разумным беспристрастно и объективно продвигаться к более глубокому пониманию некоторых практических явлений. Упомянув эту тему сегодня, мы хотели бы привлечь внимание экономистов к тому, что касается проблемы **экономики переходного типа**.

¹⁶ Давайте попробуем сравнить эффективность итальянской и немецкой экономики, а затем зададимся вопросом: не существует ли тут какой-то причинной связи между качеством экономики и уровнем коррупции в этих двух странах.

Нам нужно развивать диалог между так называемыми институционалистами и генеральным направлением экономического анализа.

Трансформация российской экономики сегодня дает уникальную историческую возможность наблюдать за тем, как создаются рыночные институты и какое воздействие они могут иметь на эффективность и жизнеспособность нового рыночного механизма.

Совет советникам

В заключение позвольте мне сказать несколько слов, специально предназначенных для тех экономистов (в том числе и на Западе), которые хотят помочь России в ее переходе к рыночной экономике. Я в высшей степени высоко оцениваю теоретический багаж многих западных советников и специалистов и МВФ, и Всемирного банка. Но я бы хотел напомнить им об одном предупреждении великого учителя их учителей покойного профессора И.Шумпетера, который написал однажды, что чистый экономист-теоретик никогда не должен участвовать в вопросах практической экономической политики. Предупреждение, частично основанное на его собственном горьком опыте в качестве австрийского министра финансов после первой мировой войны.

Научные основания могут быть одновременно найдены для нескольких наборов диаметрально противоположных стратегий (возьмем в качестве примера противоречия между сравнительным преимуществом и неполной обратимостью, о чем шла речь выше). Так вот, это вопрос политической интуиции, чьему совету следовать или, что является наиболее распространенным случаем, какую смесь приготовить из различных советов, для того чтобы выработать тот единственный набор политических мер, который сможет вывести экономику из кризиса. Я не чистый теоретик, хотя надеюсь я понимаю некоторые теоретические проблемы рыночной экономики. Но если я когда-либо буду во главе российского правительства, то я буду следовать моей экономической и политической интуиции в первую

очередь, и никогда не позволю, чтобы мною руководила теоретическая концепция, превращенная в не подлежащую обсуждению догму. Это то, что я хочу, чтобы все мои читатели поняли, а почему я так говорю, думаю я достаточно объяснил в основном тексте данной работы. Но кроме того, в советах российским реформам были допущены такие ошибки, которые даже самый чистый из всех теоретиков никогда не мог допустить, если бы он хоть чуть-чуть задумался. Я хочу привести только несколько примеров.

В 1992 году российское правительство провозгласило либерализацию цен в качестве своего основного приоритета. Утверждалось в том числе западными советниками и средствами массовой информации, что это был кратчайший путь к правильным рыночным равновесным ценам, но все знают и знали тогда, что на 99% структура рынка в российской промышленности была такой, как она описана в этой работе. Экономическая теория недвусмысленно говорит, что в этом случае свободные цены не ведут к оптимальному результату, и рекомендует жесткий контроль за ценами государственных монополий.

Одновременно Правительство провозгласило и МВФ одобрило Программу финансовой стабилизации, которая означала стабилизацию содержания рубля и остановку инфляции. Но в то же самое время, тоже с благословения большинства западных экспертов, Советский Союз был ликвидирован и 12 министерств финансов и 12 центральных банков появились для работы с одной и той же рублевой валютой, не имея ни малейших договоренностей друг с другом. Более того, стараясь конфронтировать между собой. Экономическая теория недвусмысленно в этом случае говорит, что вы не можете стабилизировать валюту, когда вы не контролируете ее предложение.

Наконец, надежда Правительства и госсоветников состояла в том, что свободные цены приведут к структурной перестройке, когда расширяющийся спрос потребителей в одних отраслях будет вести к их росту, а сокращение потребительского спроса в других приведет к их падению. Но в то же время

политика сдерживания индивидуальных доходов была провозглашена по всей видимости для того, чтобы не допустить спирали между зарплатой и ценами. Так вот экономическая теория недвусмысленно утверждает, что в условиях достаточной жесткости цен и заработной платы (а никто не будет отрицать наличие негибкостей цен и заработной платы в переходной экономике) сокращение эффективного спроса ведет к падающей спирали в производстве и доходах. Это именно то, что и произошло.

Я мог бы расширять этот список практически неограниченно. Но позвольте мне на этом остановиться. Я всегда чувствовал себя как-то неловко, когда начинал задумываться над причинами такого безответственного поведения некоторых моих коллег, в том числе и среди западных экспертов и советников. Я пришел к очень грустному заключению - им, как правило, все равно. Лишь бы больше шума и хотя бы мимолетной славы.

В феврале 1992 г. в начале еще одной реформаторской попытки я помню свой разговор с одним таким счастливым советником в Давосе. Я сказал ему тогда, что он допускает серьезную ошибку, потому что Россия это не девка, с которой можно провести время, а затем пойти к кому-то еще. В старорежимной России инженеры, которые строили мосты, должны были стоять под ними, когда через мост проезжал первый поезд. Вы или ставите свою жизнь на эту трансформацию, или лучше займитесь чем-то другим. Я бы хотел, чтобы все советники, которые так мало думают о тех странах, которым они пытаются помочь, что даже не могут правильно мыслить теоретически, оставались дома.

Мы представили в этой работе два различных подхода к трансформации постсоциалистической экономики в применении к специальному, но особенно сложному и даже опасному случаю в России. Мы показали, к чему привел режим вульгарной либерализации. Мы набросали, хотя очень не

полно, что, мы считаем, могло бы быть схемой политического дизайна, который бы направил этот трансформационный процесс в правильное русло.

И мы, и наши оппоненты выступаем за либерализацию, но есть два разных типа либерализации. **Вульгарная либерализация привела к высвобождению сверхмонопольных монстров, традиций, отношений, систем и связей командной экономики. Мы же хотим свободы общества от такой экономики.**

Российская революция 1917 года во многом сформировала драматическую историю XX века. Оставим ли мы на свободе монстра тоталитарной экономики в России или же на сей раз России действительно удастся превозмочь его - в значительной мере определит, как будет выглядеть история человечества в XXI веке. Это есть тот угол зрения, с которого мы смотрим на происходящие ныне процессы, и тот критерий, по которому оцениваем свои политические решения.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

1. С.Брагинский. Денежно-кредитная политика в Японии. М., Наука, 1989.
2. С.Брагинский, Я.Певзнер. Политическая экономия. М., Мысль, 1991.
3. Й. Шумпетер. Теория экономического развития. М., Прогресс, 1984.
4. Центр экономических и политических исследований (ЭПИцентр). Серия докладов «Экономическая политика в России». NN 1-13 (июль 1992 - август 1993).
5. Центр экономических и политических исследований (ЭПИцентр). Серия докладов «Политическая ситуация в России». NN 1-6 (ноябрь 1992 - май 1993).
6. Г.Явлинский, Т.Ярыгина. Цены и компенсации. М., 1990.

7. С.Шаталин, Н.Петраков, Г.Явлинский и др. 500 дней. Переход к рынку. М., 1990; Нью-Йорк, 1991; Дюссельдорф, 1991.
8. Г.Явлинский и др. Согласие на шанс. М., 1991; Нью-Йорк, 1991.
9. Г.Явлинский и др. Диагноз. М., 1992; Бостон, 1992.
10. Г.Явлинский и др. Правда об экономике России (СНГ). Токио, 1992.
11. Г.Явлинский и др. Нижегородский пролог. М., 1992.
12. R.Baldwin and P.Krugman. Persistent Trade Effects of Large Exchange Rate Shocks. The Quarterly Journal of Economics, Vol.54, No.4, 1989.
13. S.Braguinsky. A Criticism of Monetarism. With Some Points from the Japanese Experience. Keio Economic Studies, Vol.XXV, No.2 (1988).
14. S.Braguinsky, Y.Maeda and Y.Sakai. An Overlapping-Generations Model with Two Fiat Monies. Forthcoming.
15. A.Dixit. Entry and Exit Decisions under Uncertainty. Journal of Political Economy, Vol.97, No.3, 1989.
16. I.Fisher, assisted by Harry G.Brown. The Purchasing Power of Money, Its Determination and Relation to Credit, Interest and Crises. Macmillan, 1912.
17. D.Fudenberg and J.Tirole. Game Theory. The MIT Press, 1991.
18. E.Helpman and P.Krugman. Market Structure and Foreign Trade. Increasing Returns, Imperfect Competition and the International Economy. The MIT Press, 1985.
19. D.Hume. Political Discourses. 1752.
20. R.Jones. The Origin and Development of Media of Exchange. Journal of Political Economy, Vol.84, No.4, 1976.
21. D.Kreps. A Course in Microeconomic Theory. 1991.
22. J.M.Keynes. The General Theory of Employment, Interest and Money. London, 1936.

23. J.Kornai. Transformational Recession. Francois Perroux Lecture, 1993.
24. P.Krugman. Geography and Trade. 1992.
25. A.Marshall. Principles of Economics. An Introductory Volume. Macmillan, 1966.
26. T.Negishi. General Equilibrium Theory and International Trade. North-Holland, 1972.
27. T.Sargent. Credit and Currency with Overlapping Generations. Ch.7 in Dynamic Macroeconomic Theory.
28. T.Sargent and N.Wallace. The Read-Bills Doctrine versus the Quantity Theory: a Reconsideration. Journal of Political Economy, Vol.90, No.61 (1982).
29. J.A.Schumpeter. History of Economic Analysis. Allen and Unwin, 1954.

ЭКОНОМИКА РОССИИ: НАСЛЕДСТВО И ВОЗМОЖНОСТИ
1995

Летом 1993 года я начал писать пролог к большой работе о том, что с нами происходит нынче и что еще может случиться. Полагал, что пора осмыслить суть экономического и политического механизма трансформации нашего общества и подумать, как сделать так, чтобы этот механизм работал лучше и формировал действительно эффективную экономику, демократическую и правовую политику и, насколько это возможно, социально справедливую систему.

Однако в мои планы резко вмешалась жизнь. Когда половина пролога (в основном его экономическая часть) была написана вчерне, разразилась трагедия сентября-октября 1993 года. Затем — скороспелые выборы и заработала Государственная Дума.

Говорил тогда и повторяю вновь: я не считаю для себя возможным участие в строительстве храма демократии на крови. И все же обязан сделать все, что могу, дабы нам, столь разным в своих убеждениях и помыслах, не отдаться во власть страстей противоборства, которые октябрьские события лишь загнали внутрь. Вот почему я с группой своих близких сторонников оказался в Думе.

Научную работу пришлось отложить. То, что было к тому времени подготовлено, вышло в свет, по сути, без всякой редакторской обработки в виде небольшой книги «Уроки экономической реформы». Она вызвала и отклики, и вопросы. Естественно, ведь в «Уроках...» упор был сделан на экономические задачи, а пора разобраться с клубком путаных и оборванных нитей-проблем насущной экономики.

Разумеется, совмещение научной работы с участием в текущей политике накладывает свои ограничения. В частности, пришлось отказаться от замысла всеобъемлющей законченной работы.

Вашему вниманию предлагается серия небольших книг, каждая из которых будет посвящена одной теме, но рассматривать ее мы постараемся не изолированно, а в тесной увязке с другими проблемами.

Прежде всего в этих работах я хотел бы разобрать отношения собственности, структурную перестройку в промышленности и механизм ценообразования, финансы и денежное обращение, внешнеэкономические связи и контакты с ближним зарубежьем.

Нельзя обойти и проблемы регионального устройства в контексте общей исторической судьбы народов бывшего СССР. Важно обсудить темы криминализации власти и возможные методы борьбы с раковой опухолью коррупции; наконец, принципы разделения властей и гарантии правового государства. Социальный раздел будет посвящен профсоюзному движению и другим социальным институтам, которые, не препятствуя эффективной экономике, призваны защитить человека от произвола дикого, неорганизованного рынка. О перспективах образования, науки, здравоохранения и культуры речь пойдет здесь же.

...Позвольте мне быть с вами откровенным. Передо мною вновь и острее, чем прежде, — проблема выбора. Политическая интрига закручивается. Участие в ней поглощает все больше энергии и времени. И все больше сомнений, адресуемых самому себе, связанных с моим правом и долгом действовать исходя из собственных убеждений и с тем еще, что дело трансформации великой страны тонет ныне в мелких, сиюминутных корыстных или амбициозных интересах, становится игрушкой в небезопасной политической игре, где ставка — власть.

После того как в 1990 году я добровольно ушел в отставку, мне не раз предлагали занять государственные должности. Я отказывался. Это давало и по сей день дает пищу для пересудов: мол, не хочет мараться, боится ответственности и ставит на беспроигрышный и безопасный вариант

критики; Явлинский — романтик, способный конструировать лишь воздушные замки; у него претензии непомерны, он рвется к высшей власти, раскалывая демократическое движение и т. д.

Все это пустое. Умысел подобных упреков и причитаний в том, чтобы внушить: иначе, чем делалось в последние годы и как предлагают принимающие сегодня решения за всех и для всех, невозможно ни жить, ни действовать. А у несогласных с этим нет разумной альтернативы.

Нам с вами, уважаемый читатель, пытаются доказать, что свободный рынок — это свобода «макроэкономического беспредела» и «микроэкономических» уголовных разборок, что демократическими принципами не грех «на время» пожертвовать во имя грядущего процветания и державной целесообразности. Нас убеждают, с другой стороны, что уход от уравниловки тождественен отказу от всякой социальной политики вообще.

Стоит ли удивляться, что российский гражданин, наслушавшись или начитавшись подобных откровений, теряет веру в себя, а с нею и энергию сопротивления бедам, обрушившимся на него. Он и в самом деле начинает думать, будто у него нет иного выхода, как следовать диктату корыстных правителей и умников. Его охватывает безразличие, при котором и в самом деле можно признать, что коррупция, воровство, ложь властей, убийства журналистов — «нормальное явление». А те, кто не хочет в этом участвовать, утверждая, что есть и другой путь — и более цивилизованный, и в неизмеримо большей степени экономически эффективный, — это просто позеры, фарисеи и, наконец, предатели.

Так ложь пытается править бал. Стоит ли молчаливо уступать ей?

Мне и моим сторонникам нет необходимости заявлять, что мы не чураемся черновой работы и не боимся ответственности за ее результаты. И когда у нас появляется возможность взяться за какое-либо дело, где наши знания и навыки могут принести пользу, мы не ожидаем особых приглашений.

Единственное, в чем я, так же как и мои друзья, отказываюсь участвовать, это в обмане. Мы не хотим жить, каждый день испытывая чувство безгливости по отношению к самим себе. Исходим при этом из обычных нравственных норм, а также из исторического опыта — в той мере, в какой нам дано его освоить и понять.

А опыт этот в одном постоянен: во времена крутых поворотов не интриги в коридорах власти решали, в конечном счете, человеческие судьбы, но работа мысли, споры идей. Правда, в одних случаях брали верх разум, в иных — дьявольские посулы. Но ни одна «критическая эпоха» всемирной истории не приносила окончательной победы честолюбцам и циникам, лишенным убеждений и представлений о стратегии, а уповающим лишь на «прогрессистскую мимикрию». И горе тем демократам, которые в силу недостатка знаний и избытка воображения считают сегодня себя исключением из этого вселенского правила.

Да, я честолюбив. Но мои амбиции простираются дальше, чем думают мои критики. Меня не удовлетворит самая высокая должность в банановой республике, даже пост ее президента. Мое честолюбие не тешит ни роль политического брокера теневых структур прогнившей и нежизнеспособной экономики, ни их крестного отца. Я стремлюсь к иному. К тому, чтобы иметь право сказать: нас запугивали тем, что России не выкарабкаться из клоаки, но посмотрите, мы-таки из нее выбрались и создали нормальную страну. Взгляните на нашу промышленность и торговлю — они не уступают никому в мире, а наши города и деревни — чисты, ухожены и зажиточны. Наука наша вновь на первых ролях в мире в решении проблем, от которых зависит убережение рода человеческого. Наше здравоохранение отменно; мы достигли уровня развитых стран по продолжительности жизни и сокращению детской смертности. Вот когда я смогу сказать — во всеоружии действительных фактов и неподтасованных цифр — это и еще многое-многое

другое, только тогда мое честолюбие будет удовлетворено полностью, даже если я останусь при этом просто гражданином своей страны.

Как экономист, я знаю — при правильной экономической политике первые признаки выздоровления мы сможем увидеть уже через год-полтора. Кто хочет, пусть говорит, что я строю воздушные замки. Но в таком случае все будущее нашей страны — не что иное, как воздушный замок.

Я не закрываю глаза на опасности и помехи, которые слишком велики, чтобы игнорировать их. Но до тех пор, пока у меня остается хоть тень надежды, я буду продолжать.

И еще. **Я хочу, чтобы народы России свой политический выбор совершили сознательно.** Ни один политик, сколь умен и авторитетен бы он ни был, не сдвинет с места ничего, если не затронет большинство, в идеале — всех, кто живет на российской земле и не собирается ее покидать. Нет смысла становиться кем бы то ни было, даже президентом, если ты не сможешь направить Россию на путь устойчивого экономического роста, превращения ее в республику независимых граждан, в федерацию народов, добровольно принявших это и освоивших навыки согласования жизненных решений.

И именно поэтому я хочу прямого разговора с читателями, с теми, кто готов разделить идеи, которые разделяю и я, или хотя бы просто прислушаться к ним.

Занятия политикой имеют смысл лишь тогда, когда они направлены на реализацию вполне определенных идей, в первую очередь, основанных на научном знании, то есть, на выводах и прогнозах, которые поддаются испытанию и коррекции опытом. Поэтому я не могу отложить свои исследования, не считаю возможным пользоваться общими лозунгами и популистскими посулами.

...«Перо сильнее меча». В каждой стране во всякий пороговый момент эта истина проверяется вновь и вновь. Читайте, думайте, сравнивайте. Выбор и теперь — за вами.

Сентябрь 1994 г.

ВВЕДЕНИЕ

Я хорошо понимаю, что чтение этой книги потребует определенных усилий. Наша ситуация — очень серьезная, в некоторых сферах — критическая, и на сложнейшие вопросы, которые ставит жизнь, нет простых ответов. Вернее, ответы сами по себе, может быть, и не такие сложные, но для того, чтобы понять, почему правилен один ответ, а не другой, надо разобраться в не совсем простых вещах. Тот, кто ищет лишь ответы, может, перескакивая через сложности, обращаться к выводам.

Но тех, кто готов так поступить, следует спросить: да неужели не надоело вам жить чужим умом, умом политиков и публицистов? Поверьте, я их знаю, не умнее они вас нисколько. А если, чувствуя это, вы перестали их читать и слушать вообще — так они же только рады, ведь власть-то у них. И выборов пока не надо, а то опять не так проголосуете.

Я предлагаю вам нечто иное. Попробуйте понять то, о чем написано в этой работе, и вам станут ясны выводы. При этом, конечно, понять — необязательно значит принять.

Оглянемся. Мы знаем поименно многих «шестидесятников»: людей, чье мировоззрение формировалось в условиях хрущевской оттепели; людей, которые стояли у истоков «перестройки», проповедуя «социализм с человеческим лицом». Их идеальные побуждения и гражданское мужество стали вносом более весомым, нежели может показаться сегодня. Но действительность — суровый экзаменатор. И оказалось, что сделанное тогда

было еще не началом, а лишь прологом к нему, который власть имущие сумели оборвать, растоптав при этом немало человеческих судеб.

Время ждет новых идей и людей, способных их продуцировать, отстаивать, вносить в повседневность. Поэтому настала пора поговорить всерьез, без обиняков о «восьмидесятниках». Их не усреднишь без весомых потерь, ибо есть в их числе и могикане 1960-х, и их же эпигоны. Люди с развитой рефлексией и достаточно примитивные катоны, твердящие изо дня в день: «Карфаген (тот самый, которому перевалило за семьдесят пять) должен быть разрушен». Но есть и иной человеческий пласт, он заметнее других. Это молодые и не очень молодые политики, публицисты, обозреватели и репортеры, эксперты и аналитики, авторы современных политических гороскопов. Они, как правило, за «реформу» и «вступление в мировую цивилизацию». Они либералы, хотя встречаются и поборники «разумного» авторитаризма, готовые видеть образец даже в генерале Пиночете. На словах — они представляют общество гражданское, политическое, но охотно занимают посты в верхних и средних эшелонах власти. Их тексты пестрят ссылками на зарубежные авторитеты и корифеев русской мысли в изгнании, сами же они не идут дальше расхожих призывов быть как все и объединиться вокруг этой заманчивой идеи.

Они, если называть вещи своими именами, люди не вчерашнего дня, не завтрашнего, а застрявшие где-то в межеумках. Именно они заполняют газетные полосы и телепередачи, немало способствуя тому, что множество людей воспринимают политические и экономические реалии в кривом зеркале тенденциозной однозначности.

Другой полюс также чересполосен. Тут и популистские митрофанушки, и рафинированные государственники. Те, кто тоскует по былому, не желая соглашаться, что жизнь зря прожита, и люди, не утаивающие великодержавных вождельных, скрытые расисты и уличные проповедники фашизма. Смешивать их в одну реакционную кучу значило бы помогать

политическим клоунам, набирающим голоса благодаря анемии демократов и их высокомерию. Угрозу реванша, опасные глупости «левой» коммунистической оппозиции не предотвратишь воплями и «интеллигентской» мелодекламацией, обращенной к высшему арбитру. Надо разобраться в том, что питает собою социальную демагогию, не отождествляя ее с неосознанным, но не беспочвенным протестом и тем более с мотивированным сопротивлением, идущим снизу и обретающим свои организационные формы, прежде всего в лице профсоюзов.

Конечно, экономическая реформа в любом ее варианте не могла не привести к утрате миллионами людей чувства устойчивости, к грустному расставанию с миром, в котором у каждого из нас были свои маленькие радости и надежды, связанные с опекой власти. Рынок атомизирует, новые связи не обретаются в один день. Вот почему вопрос о ритме «перехода», о сроках и последовательности отдельных его фаз — из острейших, если не самый острый. Мы убедились в этом, к сожалению, не в ходе теоретического спора, а, как говорится, на собственной шкуре. «Стабилизация бюджета», которую кое-кто почитает вершиной интеллектуальных свершений «восьмидесятников», прошла по судьбам миллионов людей и при этом, как я уже писал в «Уроках экономической реформы», она не была ни терапией, ни даже настоящим экономическим шоком — для кого следовало бы.

Более или менее объяснимо — почему социальное негодование и отчаяние сплошь и рядом стали выявлять себя (после распада СССР и в силу многих исторических причин) в формах и интонациях оскорбленного национального чувства.

Слов нет, это небезопасно. Быть может, здесь таится наибольшая опасность. Она не позволяет отделяться общими словами и накладывает запрет на манию сектантской непогрешимости. Просчеты должны быть названы просчетами, ошибки — ошибками. Какое объединение возможно вне этого?

О чем, собственно, можно договариваться, не подвергая открытому разбору, а в меру необходимости и пересмотру, исходные положения реформы?

Политика — минное поле. Она требует и осмотрительности, и решимости. Опыт недавнего прошлого напоминает: бесхарактерность лидера губительна. Но не менее губительна и склонность решать жизненные проблемы, руководствуясь подозрительностью, поощряющей закулисные интриги и разборки.

Неоспоримо: нам нужна сейчас сильная власть. Но сила и насилие — разные категории. Насилие легко обходится без профессионализма в делах управления и, вольно или невольно, влечет людей власти к потворству преступникам, если не к прямой сделке с ними (касается ли это откровенных мафиози или потенциальных полевых командиров из числа националистов и фашистов).

Наша коренная задача может быть сформулирована предельно просто: перестраивать основные правила сосуществования так, чтобы каждый шаг на этом пути облегчал жизнь любого человека, делал его более свободным, более способным к независимому выбору, более уверенным в своем завтра.

Хватит разрушать, произвольно отбирать и произвольно наделять. Не надо вытаскивать силой людей из привычного строя жизни, надо менять его разумно и постепенно. Довольно жить по волчьим законам, давайте уменьшать число обид и несправедливостей.

Главное же главного — КУДА МЫ ВСЕ-ТАКИ ИДЕМ?

К цивилизованному рынку и демократии — повторяют «восьмидесятники», но мало кто им сегодня верит. К экономическому коллапсу и гражданской войне, — твердит оппозиция. И тоже неправда. В этой книге я попробую обосновать иной ответ.

Речь пойдет по существу о модели, но не просто теоретической, а о МОДЕЛИ РОССИЙСКОГО РЫНКА. Все три слова — ключевые.

Первое — это модель. МОДЕЛЬ НУЖНА ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОТДЕЛИТЬ ЗАКОНОМЕРНОЕ ОТ СЛУЧАЙНОГО, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ ЗАКОНЫ ДВИЖЕНИЯ СИСТЕМЫ. За редким исключением, даже лучшие образцы рассуждений о российском рынке носят характер или публицистический, или, в лучшем случае, представляют собой более-менее стройную разработку важной, но частной идеи вне ее связи с общим целым. Мы же пытаемся построить целостную модель, которая вобрала бы в себя как полученное нами наследие (именно эволюцию и крах плановой экономики), так и наше нынешнее состояние и содержала бы вместе с тем сценарии, рассчитанные на будущее.

В настоящей работе я во многих случаях опирался на концепцию одного из самых глубоких, на мой взгляд, исследователей, работающих в сфере теории перехода к рынку, российского ученого, профессора Июкогамского университета С.В.Брагинского. Теоретическая модель, разработанная С.В.Брагинским, к сожалению, на русском языке не публиковалась.

Разумеется, аналитическое и предсказательное значение модели во многом зависит от качества ее построения, от того, насколько правильно произведен отбор существенного. Я не претендую на истину в последней инстанции, но мне кажется, что предлагаемая модель заслуживает быть принятой по крайней мере в качестве отправной точки для дальнейшей дискуссии¹⁷.

Второе ключевое слово — российский. Моделей рыночной экономики существует великое множество. Некоторые из них использовались западными советниками в определении задач нашего переходного периода, но в этих работах, при всей их академической строгости, полностью

¹⁷ Когда эта работа была уже практически написана, в мое поле зрения попала еще одна работа, книга Сергея Аукуционека «Теория перехода к рынку», М., ИМЭМО, 1993, написанная во многом со схожей задачей. Интересующемуся читателю будет полезно сравнить сходство и различие в подходах.

отсутствует самое главное в данном случае — моделирование конкретной, российской ситуации. Поэтому эти модели не стали и не могли стать для нас ориентиром при поисках пути в будущее, а в своем практическом воплощении создали больше проблем, чем принесли пользы.

Но что такое «российский рынок» и правомерно ли вообще вводить это понятие в отношении явления, существующего без году неделя? Вся работа — попытка ответить на этот вопрос, поэтому предварять здесь полное объяснение было бы неуместно да и невозможно. Укажу только одно: сегодняшний российский рынок (именно сегодняшний российский рынок) как явление возник отнюдь не в 1992-м и даже не в 1988 году.

Наше сегодняшнее хозяйство, мы называем его постплановым, невозможно понять без понимания плановой экономики. Если то, что мы имеем сегодня, назвать рынком, то в гораздо меньшей, но постоянно увеличивавшейся степени он существует у нас уже свыше тридцати пяти лет (по крайней мере с середины пятидесятых годов). Почему — ответ в тексте.

Наконец, третье ключевое слово — рынок. Это не только дань общепринятому сегодня словоупотреблению. В этом слове отражена наша надежда на то, что мы все-таки придем к рынку. Но этот переход нам не гарантирован, хотя «реформы действительно необратимы». Чтобы понять наш взгляд на него, в каком смысле необратимы реформы и почему это не означает, что мы автоматически идем к рынку (в его цивилизованном понимании) — читайте часть вторую.

Что же будет? Как нам прийти к нашему, выстраданному всей нашей историей российскому рынку? Частично ответ на это, так же как и ряд сценариев перехода, вы найдете в последней, третьей части этой работы. Когда у нас будет рынок, это будет наш, российский рынок, который вберет в себя собственный наш исторический опыт, национальные и культурные

особенности, позволит России занять свое достойное место в сообществе наций.

Чтобы это обосновать, а не описывать просто как экскурс в историю, нам потребовалась модель эволюции планового хозяйства. Для этого же нам нужна и модель ситуации, в которой мы оказались сегодня. И поэтому я еще раз предлагаю вам читать эту книгу подряд, воспринимая ее логику и не отбрасывая сложности. «Что с нами будет?, Куда мы идем?» — на самом деле очень нелегкие вопросы. Задайте сложный вопрос — и неизбежен сложный ответ. А простые ответы вряд ли стоят даже той бумаги, на которой написаны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ И КРАХ СОВЕТСКОГО ПЛАНОВОГО ХОЗЯЙСТВА

ПЛАНОВАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ СССР

Август 1991 года и последовавшие за ним экономические реформы, казалось бы, окончательно отодвинули вопрос о плановой экономике в сферу дискуссий историков. Впервые за 70 лет у нас нет Госплана и никто не пишет пятилеток. Но эти внешние признаки не должны вводить в заблуждение. На самом деле сегодняшнее состояние нашего рынка и отношений собственности — всеми корнями из плановой экономики. Крах плановой экономики в отличие от ее введения после Октябрьской революции 1917 года не являлся политическим вопросом, решение которого сопровождалось бы настоящим выкорчевыванием одного и искусственным насаждением принципиально иного экономического базиса. Все те коллизии, свидетелями и участниками которых мы являлись и являемся, есть не что иное, как процесс приспособления политической надстройки общества к эволюционному изменению его базиса. Этот процесс начался задолго до

формального краха коммунистической системы в России и продолжается сегодня.

Такое понимание вопроса, которое завоевывает в последнее время все большие права гражданства в общественном сознании¹⁸, заставляет по-иному посмотреть на многие вопросы организации нашей хозяйственной жизни, приватизации и рынка. Более того, при таком понимании впервые становится возможным примирить научный подход к реформам с чисто интуитивным ощущением «человека с улицы», каждый сознает, что вместо приватизации идет «прихватизация», что при радикальной смене внешних атрибутов медленно идут действительно принципиальные системные изменения, что неэффективность и несправедливость прежней тоталитарной системы очень слабо исправляются, а кое-где становятся более вопиющими.

Но если в происшедшем не было того элемента крутой ломки, который ему приписывают «восьмидесятники», то это означает, что, проследив логику развития плановой экономики в России, мы увидим в ней все предпосылки нашего сегодняшнего дня...

В середине пятидесятых годов в истории советской плановой экономики произошло знаменательное событие, до сих пор еще не привлечшее того внимания, которого оно на самом деле заслуживает. Именно тогда Политбюро впервые не смогло принять решения о единовременном пересмотре норм выработки для всех работников промышленности, транспорта и связи — как это оно делало все предыдущие годы сталинского режима. Практически прекратился плановый, централизованный пересмотр норм труда. Это было началом конца социализма, смертным приговором системе, исполнение которого лишь растянулось потом на 35 лет. В чем была суть этого приговора и как он был приведен в исполнение?

¹⁸ (См., например, Ю.Буртин «Номенклатурная собственность вчера и сегодня», «МН», 35, 28 августа — 4 сентября 1994 г., с. 7).

Представим упрощенную схему функционирования плановой экономики, которая, однако, отражает ее главные особенности в условиях России (СССР). Плановые органы выделяют государственным предприятиям ресурсы (фонды) и ставят перед ними задачу максимального увеличения производства заданной продукции. Выпуск продукции есть функция от производительных затрат полученных ресурсов, то есть, от масштабов хозяйственной деятельности, направленной на выполнение плана. Назовем условно такую деятельность инвестиционной (разумеется, на практике она включает в себя не только инвестиции в оборудование, но и всякое применение ресурсов для выполнения плана)

Будем исходить из того, что плановая продукция сама о себе не интересуется руководство государственного предприятия, а также и весь трудовой коллектив. Иначе говоря, если продукция произведена в рамках плана, то ее необходимо всю без остатка сдать государству и никакая продажа на свободном рынке невозможна, Чтобы реализовать продукцию на рынке, ее нужно каким-то образом исключить из государственной плановой отчетности. То же самое касается и выделенных фондов — если какую-то часть из них удастся реализовать налево, то этот доход с черного рынка остается в распоряжении предприятия.

Заметим, что «левую работу» мы трактуем здесь достаточно широко. Она включает в себя как откровенное воровство — двойную бухгалтерию, кражи, так и менее откровенные формы, как-то: использование рабочего и нерабочего времени, и оборудования, энергии, прочих ресурсов для работы по левым заказам, простои и перекуры, не вызванные технологическими сбоями (это тоже Экономия на ресурсе, рабочем времени, под которое выделен фонд зарплаты, доход от которого, минуя денежную форму, присваивается в натуральной форме, в виде полезности от отдыха, забивания козла и т.п.), директорские Фонды, из которых выделяются средства для нужных людей, и т.д. В то же время мы не включаем в понятие левой,

теневой деятельности бартерное использование ресурсов и продукции между предприятиями (ты мне шины, я тебе грузовики), если это направлено в конечном счете на обеспечение выпуска плановой, а не теневой продукции.

Если бы плановые органы могли до конца проконтролировать, как используются выделенные фонды, возможности для теневой деятельности не оставалось бы. По существу, нечто приближающееся к этому наблюдалось в сталинской репрессивной системе, когда полицейский надзор доходил буквально до каждого рабочего места, а пять колосков, украденных с колхозного поля, карались каторгой. Впрочем, и тогда теневая деятельность не переводилась полностью, но, разумеется, чем либеральнее становился режим, тем шире было для нее поле

Если перевести все сказанное на экономический язык, то мы получим модель, где собственник (государство) делегирует производственные функции агенту, но не знает в точности его производственной технологии и не может проконтролировать объем производительно затраченной части выделенных фондов. Собственник имеет лишь приближенное представление о том, какой объем продукции должен быть получен на выходе от предоставленного объема фондов. Это представление он и доводит до агента (дирекции предприятия) в виде плана. План обязателен к исполнению — неисполнение плана влечет за собой штрафные санкции, которые перевешивают полезный эффект от теневой деятельности (лишение партийного билета, арест). Перевыполнение плана тоже не имеет смысла: неучтенные, лишние ресурсы (или продукцию) выгоднее продать на черном рынке¹⁹.

¹⁹ на практике, конечно, ни та, ни другая посылка в точности не выполняются. Плановые нормы пересматриваются в сторону снижения, если по ходу дела выявляется (или дирекции удается доказать) их нереальность. С помощью премиальных стимулируется перевыполнение плана, однако зачастую это две стороны одной медали; снижение плановых норм выступало как средство получения премий за перевыполнение. «Черный рынок» при этом разрастался и процветал. Поэтому наше упрощение не слишком противоречит реальной действительности. Снятие этого Упрощения не изменит существа выводов.

Таким образом, задача экономического агента, который знает свою производственную функцию, может быть сформулирована как максимизация ресурсов (включая и готовую продукцию), используемых в приносящей непосредственный доход теневой деятельности. Ограничением при этом выступает необходимость выполнения государственного плана. Мы предполагаем, что размер выделяемых предприятию фондов является предметом торговли между ним и государством, причем в определенных границах право выбора принадлежит предприятию. Точнее, государство не допустит, чтобы выделяемые фонды были ниже Определенной нижней или выше определенной верхней границы, но в этих границах выбирает предприятие. Оставляя в стороне нижнюю границу, мы увидим далее, что вопрос, выбирается ли полностью верхняя граница или нет, имеет принципиальное значение.

Предположим, что реальная производственная функция агента выражается обычно предполагаемой в экономической теории формой в виде латинской буквы S. Это означает, что возрастающая отдача в начальный период деятельности предприятия (при низком уровне инвестиций) затем сменяется убывающей отдачей по мере того, как нарастают сложности координации все более крупного производственного потенциала. Плановые же нормативы выпуска продукции задаются линейной функцией: требования к выпуску пропорциональны объемам предоставленных фондов независимо от масштаба хозяйственной деятельности. Чтобы поставленная задача имела решение, необходимо, чтобы плановая прямая имела хотя бы одну общую точку с графиком производственной функции (чтобы план был выполнен хотя бы для одной комбинации фондов и выпуска готовой продукции).

МОДЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Сформулируем основные исходные положения теоретической модели.

Экономические агенты максимизируют полезность, извлекаемую из ресурсов, оставшихся на теневую деятельность (общий размер полученных фондов минус те ресурсы, которые израсходованы на инвестиционную деятельность). Ограничением выступает плановая функция, которая растет пропорционально (в линейном отношении) к размеру полученных ресурсных фондов. Размер фондов, которые могут быть получены каждым отдельным предприятием путем переговоров с плановыми органами, ограничен снизу и сверху.

Планы выполняются путем инвестиционной деятельности. Определенный размер инвестиций создает определенный объем готовой продукции, которая затем сдается государству. Государство (плановые органы) не знает в точности производственной функции и не может проконтролировать в точности объем инвестиционной деятельности.

График производственной функции (отношения между инвестициями и выпуском продукции) имеет S-образную форму и лежит ниже плановой прямой по крайней мере для одного из возможных объемов получаемых фондов (а возможно, и для множества таких объемов)

Математическое решение этой (несложной) задачи на максимизацию мы относим на с. 30²⁰. В основном тексте мы проиллюстрируем с помощью рисунков ее применение к истории российской (советской) плановой экономики.

На рисунке 1 схематически изображена ситуация, когда плановая экономика работает эффективно (опираясь на полицейский сталинский режим). Плановые органы устанавливают план, который может быть выполнен предприятиями только при полном использовании всех выделяемых фондов. Для теневой деятельности не остается ничего. Частные доходы экономических агентов равны нулю. Постоянный пересмотр

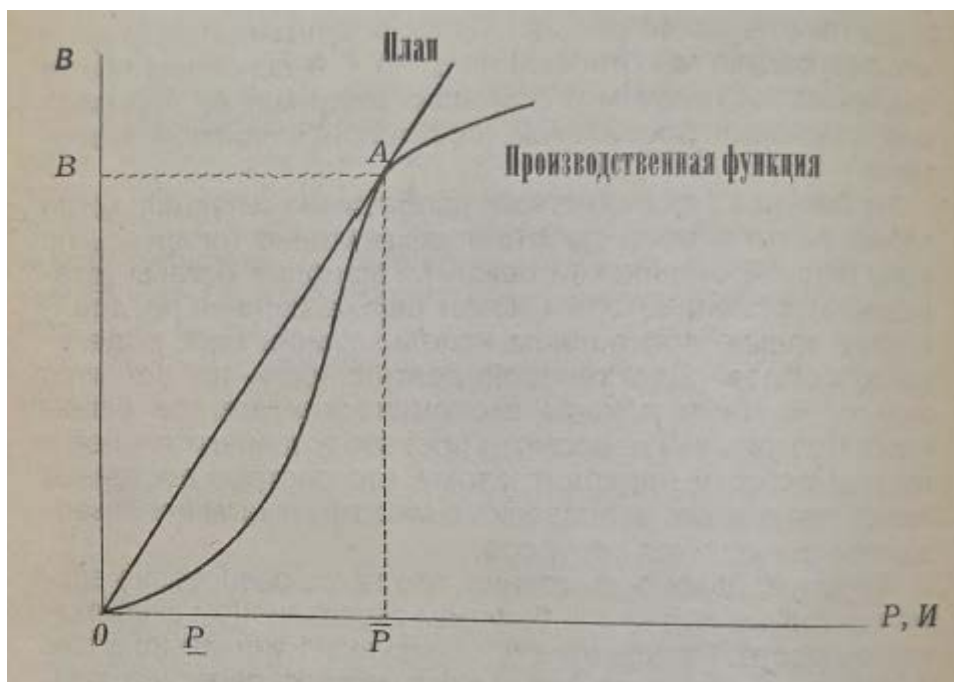
²⁰ Схожая постановка проблемы может быть найдена в концепции максимизации антиприбыли, предложенной в книге С.П.Аукуционека «Теория перехода к рынку» М., 1993, с.110-120.

производственных планов и норм выработки приводит к тому, что система постоянно находится в точке равновесия с максимальным использованием имеющихся ресурсов.

Обратим, однако, внимание, что такое равновесие возможно только при очень быстром экстенсивном экономическом росте. Равновесие А на рисунке 1 уникально в том смысле, что оно находится как раз на точке перегиба, там где возрастающая отдача от масштаба сменяется убывающей. Попробуйте провести прямую линию из начала координат, которая пересекала бы график производственной функции в любой точке правее точки А, и вы убедитесь что в этом случае под графиком будет целая область, в которой предприятие выполняет план. Иначе говоря, в экономике должен постоянно идти процесс создания новых предприятий (расширения, а не углубления сферы хозяйственной деятельности) с тем, чтобы все они эксплуатировались в той области (до точки А или в крайнем случае В этой точке), где нет еще убывающей отдачи от увеличения масштаба.

Рисунок 1.

Плановая экономика в экстенсивной фазе (Сталинский плановый режим,

Условные обозначения:

В — объем выпуска готовой продукции

И — уровень инвестиций

$\bar{P}$ — верхняя граница фондов

$\underline{P}$ — нижняя граница фондов

А — точка равновесия

По мере того как наша экономика развивалась и увеличивалась В размерах, возможности для такого экстенсивного роста становились все уже. Общего объема имеющихся в стране ресурсов (он не показан в нашей схеме касающейся только отдельно взятого предприятия) стало не хватать для создания все новых производств. Перед экономикой встала задача интенсификации (более полного использования уже имеющегося производственного потенциала). В терминах нашей модели это означало, что объем выделяемых каждому отдельному предприятию ресурсов должен был быть сдвинут правее точки И на рисунке 1. Теперь вспомним (мы начали с этого данный раздел) — в середине 50-х годов впервые Политбюро не смогло централизованно пересмотреть нормы выработки. Смена жесткого сталинского планового режима более мягким была predetermined объективной логикой экономического роста.

Последствием этого стало появление на древе планового хозяйства такой червоточки, которая через 35 лет привела его к гибели. Что же произошло? Посмотрим сначала на рисунок 2.

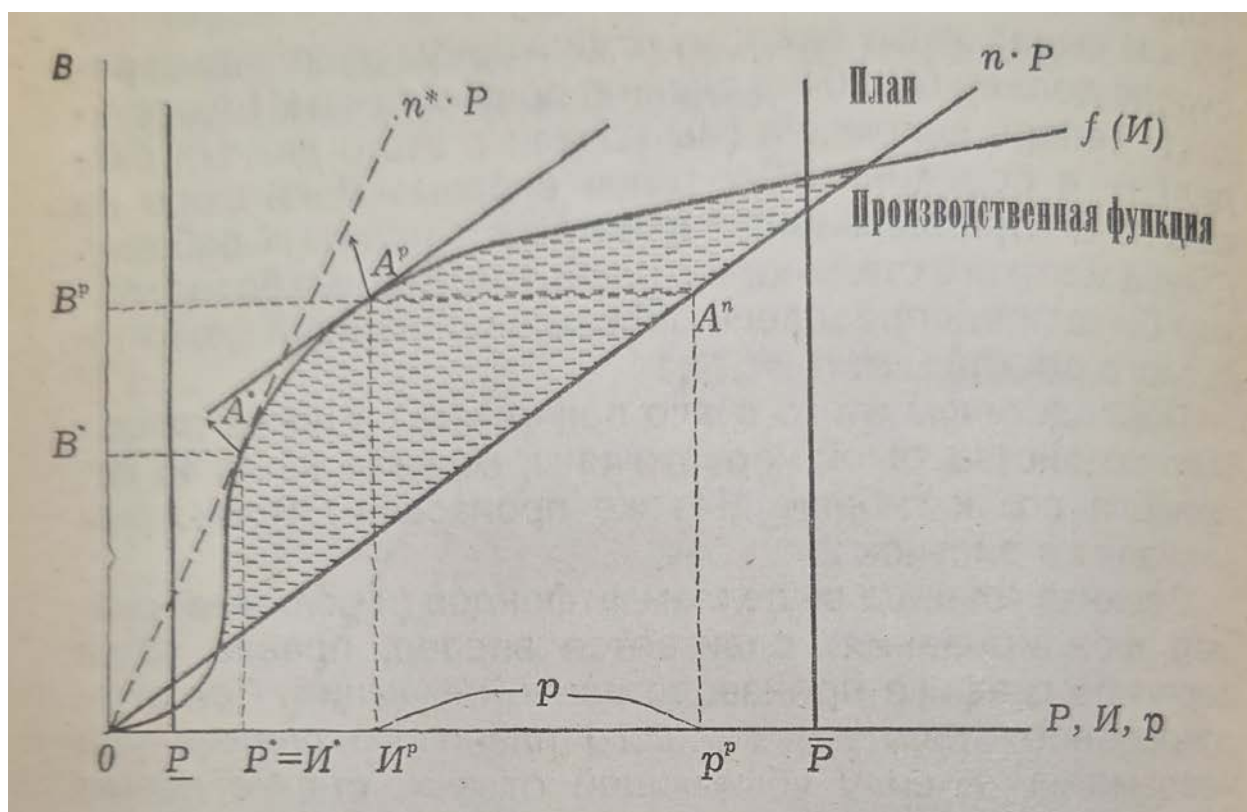
Верхняя граница выделяемых фондов (и реальный размер фондирования) сдвигается вправо, правее точки перегиба графика производственной функции. При этом сохранение прежнего жесткого планового режима уже невозможно в силу убывающей отдачи, старые нормы действительно не

могут соблюдаться (не случайно общее снижение ресурсоотдачи было главной проблемой экономики развитого социализма)

Плановые нормы смягчаются. Это не принципиальное устранение плановой экономики, а именно лишь смягчение норм. На рисунке 2 это показано в форме новой прямой линии План с наклоном, меньшим, чем на рисунке 1. Меньший наклон плановой линии как раз и означает смягчение норм — на тот же объем фондов устанавливается менее жесткое задание по выпуску или же (что более соответствует реальной ситуации) выделение дополнительных фондов сопровождается (относительным) снижением планового задания.

При такой ситуации у предприятия впервые появляется свобода выбора в самом деле, график производственной функции лежит выше плановой линии на целом сегменте заштрихованном на рисунке 2. Максимизация ресурсов для теневой деятельности впервые выходит из сферы потенциальной в сферу реально достижимого.

Рисунок 2. Начальная стадия смягчения планового режима

Условные обозначения:

V — объем выпуска готовой продукции

I — уровень инвестиций

P —объем ресурсов (фондов), полученных предприятием

$p=P-I$ —объем ресурсов, использованных для теневой деятельности

$\dot{P}$ — верхняя граница фондов

$\underline{P}$ — нижняя граница фондов

A^P — точка равновесия

A^n — точка плановой отчетности

Нетрудно показать, что решение этой задачи достигается в точке A^P на рисунке 2, там где касательная к графику производственной функции имеет тот же наклон, что и плановая прямая. Выпуск продукции равен V^P , реальный объем затраченных ресурсов равен I^P , -но по плану на объем производства V^P фондов можно получить в размере P^P , Разница между этими двумя величинами (малое p на рисунке 2, которое есть не что иное, как максимизируемая величина) используется предприятием в его неподотчетной, левой, теневой деятельности.

Здесь очень важно, что для плановых органов (наблюдающих лишь отчетные величины, т.е. точку A^n на рисунке 2) ситуация первоначально тоже выглядит благоприятнее, чем при прежнем, жестком плановом режиме. Ведь более жесткий план (и, в частности, сталинский режим, возвращающий систему в точку A) приведет не к росту, а к снижению выпуска готовой продукции. Если государство стремится к максимизации выпуска, не обращая внимание на снижение эффективности (относительный рост затрат), то, однажды попробовав смягчение планового режима, оно придет к выводу, что экономикой лучше управлять в условиях оттепели. И наша история

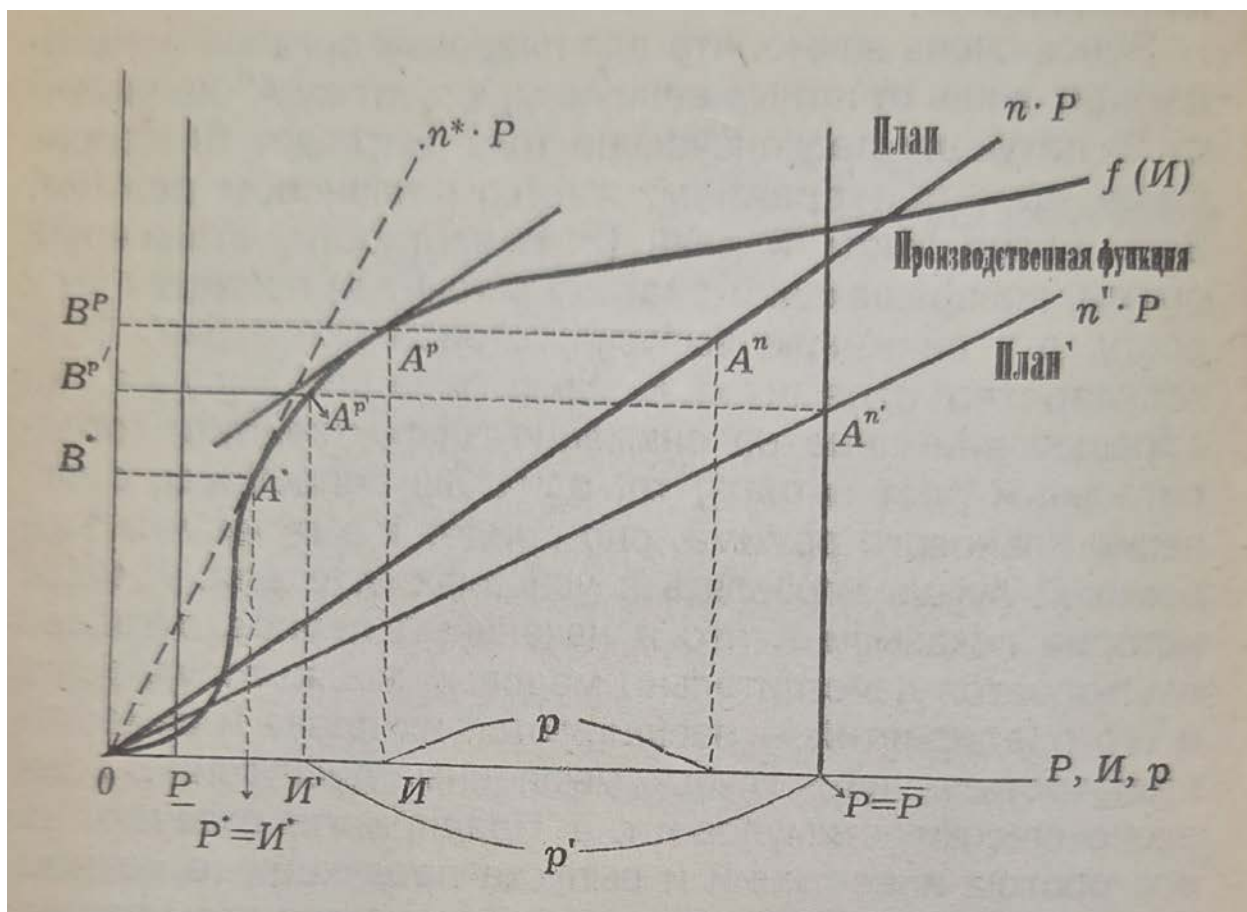
показывает, что в начальный период оттепели наблюдается действительно медовый месяц государства и его предприятий — расширяются их права и самостоятельность, ведутся глубокомысленные дискуссии о роли экономических стимулов и т. д. Предприятия отвечают на это ростом инвестиций и выпуска продукции (в полном соответствии с нашей моделью). То, что при этом растет и черный рынок, вначале особенно не волнует и трактуется как отдельные искажения.

На самом деле под завесой хрущевских, косыгинских и затем горбачевских реформ идет коррозия системы, и эта коррозия с неизбежностью приводит правящие круги к попытке остановить реформы и повернуть их вспять (в сторону нового ужесточения режима планового хозяйства). Обратимся к рисунку 3, иллюстрирующему следующую стадию процесса.

По мере смягчения планового режима растут не только инвестиции и выпуск готовой продукции, растет и расход ресурсов каждым отдельным предприятием, причем растет быстрее, чем выпуск продукции (это видно из того, что растет доля ресурсов, поступающих на черный рынок)

Рисунок 3

Циклы «отпуска» и «завинчивания гаек» в плановой экономике

Условные обозначения:

B — объем выпуска готовой продукции

$И$ — уровень инвестиций

P — объем ресурсов (фондов), полученных предприятием

$p=P-И$ — объем ресурсов, использованных для теневой деятельности

P — верхняя граница фондов

$\underline{P}$ — нижняя граница фондов

A^P — точка равновесия в период оттепели

A^n — точка плановой отчетности в период оттепели

$A^{P'}$ — точка равновесия на поздней стадии либерализации

$A^{n'}$ — точка отчетности на поздней стадии либерализации

Наступает момент, когда даже ориентированный на вал затратный механизм плановой экономики не может полностью игнорировать снижение эффективности. Все мы еще помним лозунги типа «экономика должна быть экономной». В терминах данной модели это означает, что каждому отдельному предприятию задается более жесткий, чем ранее, ресурсный режим. Верхняя граница фондов начинает ощущаться предприятиями в их торговле с властями.

В этих условиях дальнейшее смягчение планового режима ведет не к росту инвестиций и выпуска продукции, как ранее, а к их снижению. Черный рынок продолжает разрастаться еще более быстрыми темпами. На рисунке 3 такому состоянию соответствует точка $A^{P'}$ с объемом инвестиций I' , объемом выпуска B' и размером ресурсов на черном рынке $P'=P-I'$. В ответ на снижение норм (еще меньший наклон плановой прямой, например, до величины наклона прямой План' на рисунке 3) предприятия не могут увеличить объем привлекаемых фондов (просто потому что они уже и так выбирают их до верхней границы P) и задачу максимизации левых доходов решают просто снижая инвестиции и выпуск ровно на ту величину, на которую им позволяют это сделать новые, более мягкие нормы (на весьма выразительном в данном случае языке оптимизационной теории, мы имеем здесь дело с угловым решением (corner solution) — действительно, система загнана в угол, из которого нет выхода)

Разумеется, данное обстоятельство долго не ускользает от внимания социалистического государства. Оно обнаруживает тенденцию к падению инвестиций и производства, на фоне несокращающегося потребления ресурсов, то есть на фоне катастрофически падающей эффективности. Особенно ярко все эти черты проявились в годы, названные у нас годами застоя. Естественной реакцией властей является попытка нового ужесточения планового режима (вспомним кампанию борьбы за дисциплину и порядок: когда работников вылавливали из бань во время рабочего дня. Это

и была борьба за новое повышение норм выработки). Но особенность явления такова, что после начального периода роста инвестиций и производства и сокращения черного рынка наступает фаза, при которой дальнейший нажим вызывает их падение (система возвращается из углового состояния в состояние в районе точки АР на рисунке 3). С этого момента весь цикл повторяется вновь: новая волна либерализации, видимая отдача в первоначальный период, новое падение эффективности вслед за этим и т. д. Подобного рода циклов можно насчитать в истории нашей плановой экономики три, если брать смены правительств, и гораздо больше, если брать внутренние малые циклы, которые были в рамках каждого из сменявших друг друга режимов — Хрущева, Брежнева и Горбачева.

КРАХ СОВЕТСКОЙ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Один из важных выводов, к которым приводит анализ данной модели, таков: если на начальной стадии либерализации планового режима и собственник (плановые органы), и агенты (госпредприятия) довольны результатами изменения режима (растет и плановое производство, и черный рынок), то на стадии «завинчивания гаек» интересы собственника и директора расходятся. Неудивительно потому, что по мере повторения этих циклов система все более разбалтывается и выходит из-под, контроля собственника. С каждым раундом такой борьбы права и самостоятельность предприятий становятся все шире и все труднее становится лишать их этих прав и «прижимать» теневую экономику. Последний аккорд — борьба с «нетрудовыми доходами» — прозвучал уже в годы «перестройки».

Вся логика развития планового хозяйства после утраты жесткого сталинистского контроля — это прогрессирующий паралич собственника-государства и наращивание мускулов агентами-предприятиями. Процесс экономического роста и усложнения хозяйственных связей, все большее исчерпание возможностей для экстенсивного роста и убывающая эффективность капиталовложений — делают каждый виток либерализации все более разрушительным для системы, а каждый виток закручивания гаек — дающим все меньшие результаты,

В принципе после первых двух витков (хрущевской оттепели, сменившейся периодом волюнтаризма, и затем — косыгинской реформы, сменившейся брежневско-сусловской реакцией) система была обречена на быстрый крах. Опасность этого краха ощущалась в конце 60-х — начале 70-х годов. Но произошли внешние события, которые дали возможность отсрочить гибель еще примерно на 20 лет. Речь идет о резком, в десять раз, взлете мировых цен на нефть в 70-е годы. Это позволило уже после того, как этап экстенсивной индустриализации был, по сути, завершен, снова ввести элементы экстенсивного развития — на этот раз в добыче нефти и прочих ресурсов —

и направлять нефтедоллары на смягчение кризиса плановой экономики. Но в промышленности экстенсивное развитие все равно уже было невозможно. Лозунг «интенсификации», выдвинутый под давлением жизни (резкое падение ресурсо- и фондоотдачи), вел, в полном соответствии с предложенной моделью, ко все большему обострению противоречий между государством-собственником и экономическими агентами.

К концу периода застоя разложение планового режима и масштабы черного рынка с уже вполне очевидным криминальным содержанием достигли своего апогея. По сути дела мы уже имели сегодняшнее господство мафии при Формальном сохранении коммунистического режима. Вялая, по сравнению с предыдущими, попытка вновь закрутить гайки при Андропове провалилась. Горбачев пришел с идеей вновь использовать энергию оттепели, но на сей раз внешние условия, в первую очередь упавшие мировые цены на энергоресурсы, стали резко неблагоприятными.

Непримиримое уже противоречие между собственником-государством и директорами вкупе с новыми предпринимателями и деятелями теневой экономики переросло в настоящий системный кризис, и в короткой схватке в августе 1991 году директора вышли окончательными победителями в борьбе против бывшего собственника. С тех пор начался новый этап в эволюции российской экономики.

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ СОБСТВЕННИК-ДИРЕКТОР

Задача собственника: Максимум $V = p \cdot P$ при условии $\underline{P} = P(V)$, $P \leq \underline{P} \leq \bar{P}$

Задача агента (директора): Максимум p при условии $p = P(I)$, $P \leq \underline{P} \leq \bar{P}$, $f(I) > V = p \cdot P$, где

V — выпуск продукции,

π — параметр жесткости плана коэффициент пропорциональности фонды-выпуск),

P — объем ресурсов,

$P(B)$ — фонды, выделяемые под выпуск продукции,

p — размер фондов (ресурсов), используемый на «теневую деятельность»,

I — размер фондов (ресурсов), использованных на инвестиции в производство плановой продукции,

$f(I)$ — производственная функция.

С помощью элементарной подстановки $P-I$ вместо p игнорируя возможность перевыполнения плана), задачу директора можно переписать как:

Максимум $P-I$ при Условии $f(I)=\pi \cdot P$, $P \leq P \leq P$

Если решение достигается во внутренней точке между двумя последними ограничениями, то в таком случае

$P=I)/\pi$,

и необходимое условие максимизации есть $f'(I)/\pi - 1 = 0$ где $f'(I)$ — производная первого порядка производственной функции, или

$f(I)=\pi$.

Последнее равенство и означает равенство между коэффициентом жесткости планового норматива (угол наклона прямой плана на рисунках 2-3) и углом наклона касательной к графику производственной функции в точке равновесия.

Достаточное условие максимизации, убывание второй производной производственной функции ($f'' < 0$) совпадает с Обычным для экономической теории условием убывающей производительности инвестиций (и потому не действует в экстенсивно растущей экономике раннепланового типа). Когда

это условие выполняется, ужесточение планового режима (увеличение величины p) вызывает падение I (уровня инвестиций) и V (выпуска плановой продукции) и наоборот.

Однако, когда верхняя граница привлекаемых фондов становится эффективным ограничением, необходимое условие равенства предельной производительности инвестиций и жесткости плановых нормативов перестает выполняться, объем инвестиций, I , теперь устанавливается равным $f^{-1}(p^*P)$, где P — верхняя граница фондов, а задача директора формулируется как:

Максимум $P - f^{-1}(p^*P)$

решение которой означает просто выпуск минимально необходимого объема плановой продукции, предписанного вышестоящим органом. Поскольку производственная функция f есть возрастающая функция инвестиций, ее обратная функция f^{-1} убывает, поэтому, чем меньше p (чем мягче плановый режим), тем больший объем ресурсов находит применение в теневой экономике, в то время как объем инвестиций, равный p^*P , где P — верхняя граница фондов предприятия, падает. Поэтому, в условиях углового решения дальнейшая либерализация режима снижает плановые инвестиции и выпуск продукции и наоборот, как показано на рисунке 3.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОСТПЛАНОВАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ И ЕЕ ОТЛИЧИЕ ОТ РЫНОЧНОЙ

С 1992 года российскую экономику более невозможно называть плановой. Плановое хозяйство, которое могло быть более или менее эффективным только в условиях широких возможностей для экстенсивного экономического роста и при опоре на полицейский тоталитарный режим, развалилось под тяжестью экономики, которую само создало.

Что мы получили в результате? «Восьмидесятники» утверждают, что экономику, пусть с искажениями и родимыми пятнами планового прошлого, но рыночную, с механизмом самокорректировки, которая рано или поздно сама найдет дорогу к цивилизованному экономическому обществу. Такой подход опирается на представление о том, что третьего пути не дано.

Свою точку зрения по этому поводу я высказывал уже неоднократно, в частности, в «Уроках экономической реформы»: российская экономика не была повреждена или искажена командной централизацией, она была создана ею... Поэтому задача для реформаторов состоит не в том, чтобы что-то поправить или либерализовать. Наша супермонополярная, номенклатурная система, в которой нет самых основных элементов любого рыночного хозяйства (действующего рыночного хозяйственного законодательства, понятия контракта, настоящего суда по хозяйственным спорам, цивилизованной системы сбора налогов, независимой денежной и банковской системы и т.д. и т.п.), не превращается автоматически в рыночную экономику, даже если в один прекрасный день упраздняют центральные плановые органы и объявляют свободу цен.

Рассмотрим проблему неплатежей. В сегодняшней ситуации это в большой степени проблема неплатежей государства — явления невиданного и неслыханного ни в рыночной, ни в плановой экономике. Подобного рода прозедение реформы ведет, как мы покажем в этой части, к тому, что плановый механизм замещается не рыночной организацией хозяйства, а хаотическим поиском путей выживания. Здесь каждый участник хозяйственной деятельности в условиях нарастающей дезорганизации использует все доступные ему средства. Государство уже не стоит над всеми агентами, как грозная, но надежная внешняя сила, а стало одним из участников борьбы за свой кусок пирога.

Такая ситуация могла быть легко предсказуемой, если к началу перехода к рынку мы владели бы логикой анализа модели планового хозяйства. Виток за

витком спирали смягчения планового режима с последующей закруткой гаек государство теряло контроль за предприятиями. Разрастался черный рынок, теневая экономика, за которыми у государства не было никакого контроля и которые, в свою очередь, стремились установить свой порядок, приспособливая отдельные структуры государственного аппарата к своим нуждам. Крах плановой экономики означал не что иное, как разрастание этого явления до таких масштабов, когда ему необходимо было выйти на поверхность.

С тех пор как это произошло, российская экономика представляет собой набор сегментов, каждый из которых действует по своим законам, хотя и во взаимовлиянии. Например, на одном полюсе мы видим оборонные предприятия, на другом — коммерческие структуры. В каждом случае свой характер отношений с государством (или отдельными представителями аппарата), свои правила игры, действуя по которым, можно быть более или менее уверенным в своем положении и нарушение которых сурово карается. При более широком подходе мы наблюдаем региональный разрез сегментации, наиболее ярко проявившийся в распаде Советского Союза. Страны СНГ продолжают развиваться в сходном режиме, но тут уже буквально в каждом отдельном сегменте этого режима свой произвол и свой закон. То же, хотя и в меньшей степени, характерно для регионов России

Наша экономика не является более плановой, но она и не является рыночной. По аналогии с постгосударственными предприятиями (термин, введенный в «уроках экономической реформы») мы будем называть ее «постплановой». Смысл этого понятия в том, что характер новой экономической системы еще не определился. При определенных условиях эта экономика может совершить прорыв в направлении цивилизованного рыночного хозяйства. При других условиях она может надолго завязнуть в болоте плутократического номенклатурно-криминального режима. Или же

совершить даже обратное движение в направлении какого-то (скорее всего чисто формального) восстановления планового хозяйства.

ПОСТПЛАНОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Потеря целостности, хаос и неустойчивость, параллельное существование целых пластов формального и неформального права — все это характерные черты постпланового хозяйства. В таких условиях строить теоретическую модель — задача неблагодарная. И тем не менее разобраться в этом необходимо, если мы не хотим полностью отдаться на волю волн, которые неизвестно куда нас вынесут.

Мы не зря упомянули тему неплатежей, в том числе и государства, Фискально-конфискационный характер реформы, осуществлявшейся с 1992 году наряду с разрывом связей и сегментацией рынка в результате распада Союза и центробежных тенденций в России, во многом предопределил наш переход не к рыночной, а постплановой форме хозяйства.

В постплановой экономике государственные плановые органы упразднены и не диктуют более предприятиям, что им производить, в каком количестве, по каким ценам и кому поставлять продукцию, а у кого закупать сырье и материалы. Но отношения предприятий и государства эволюционируют вовсе не в сторону тех, которые существуют в странах с рыночным хозяйством.

Бюджетное ограничение предприятий ощущается сильнее, но отсутствие до сих пор сколько-нибудь крупных банкротств неплатежеспособных предприятий показывает, что в конечном счете государство приходит на выручку убыточным производствам. Перемены в этой области если и есть, то состоят в том, что государство перестало платить по большей части своих обязательств. Определённый элемент избирательности в подходе государства к различным предприятиям существовал и в плановом хозяйстве, нарастая по мере его кризиса. Но в целом в этом хозяйстве, как и в рыночном, был

определенный свод правил игры, известный всем и в общем соблюдавшийся. Сегодня же взаимоотношения государства с предприятиями по поводу финансовых и прочих обязательств регулируются в высшей степени произвольно, причем самым страшным для предприятия является последовательное применение к нему рыночных (то есть вновь установленных в постплановый период, якобы в рамках перехода к рыночным взаимоотношениям) норм и установок. Государство пользуется этой угрозой как «дамокловым мечом», занесенным над строптивыми директорами.

Главная проблема для самого государства — это проблема сбора платежей в государственный бюджет. Ранее в условиях плановой централизации, эта задача не вызывала проблем. Государство изымало в доход бюджета все излишки прибыли предприятий. В его руках также концентрировались огромные доходы от внешнеэкономической деятельности и косвенные налоги (налог с оборота и акцизы). Все мы были свидетелями того, как эта система разваливалась. Огромный дефицит государственного бюджета последних лет планового режима, лишение общесоюзного центра независимости в сборе налогов были одним из проявлений последней стадии кризиса плановой экономики и катализатором ее окончательной гибели.

Но и в постплановой экономике сегодняшней России в системы сбора налогов. Объем налоговых поступлений руках у государства находятся лишь обломки прежней постоянно намного меньше того, что планируется по бюджету. Так, в первом полугодии 1994 года доля налоговых поступлений в федеральный бюджет в объеме ВВП составила 7,6% против 16% по утвержденному проекту бюджета и 13,8% за соответствующий период прошлого года. Налоговые поступления от сбора ресурсных платежей, акцизов на товары народного потребления, бензин, нефть, уголь, газ составили лишь 20-25% налог на добавленную стоимость поступил в размере

62% запланированных, от плана налог на прибыль - в размере 83%²¹. При этом надо учесть постоянное сужение налоговой базы последнего источника по мере того, как падает (отчетное, а значит, и облагаемое налогом) производство и все большая часть хозяйственной деятельности уходит в сферу теневой экономики.

В этой ситуации, помимо секвестирования, ограничения, расходов государственного бюджета, государство с 1992 года, то есть с первого же года постплановой экономики, стало активно использовать **инфляционный** налог. Независимо от намерений непосредственных исполнителей гиперинфляция 1992—1993 годов была не случайностью и не досадной ошибкой, а единственным действенным средством государственной экономической политики, способом добора налогов, который позволил государству хоть как-то удержаться в седле без настоящих рыночных преобразований (нежелание бывшего союзного государства пойти на эту меру привело его к гибели) В этом смысле вся ДИСКУССИЯ прошедших лет между антиинфляционистами и инфляционистами выглядит, скорее, дымовой завесой, рассчитанной на простаков нас В стране и за границей²². Лучше всего это видно сегодня, когда изменившихся условиях вчерашние инфляционисты стали самыми яркими антиинфляционистами.

Механизм инфляционного налога многообразен в отношении промышленных предприятий, он выглядит примерно так. Представим себе предприятие, закупающее сырье и материалы и рабочую силу на 1000 рублей и изготавливающее из этого всего продукцию, стоимость которой на рынке в данный момент составляет 1500 рублей. Если производственный цикл составляет, например, три месяца, то в условиях темпов инфляции 1992—1993 годов за это время цены вырастают вдвое. Готовая продукция продается уже не за 1500, а за 3000 рублей и по правилам бухгалтерского учета

²¹ («Экономическая политика в России», Центр экономических и политических исследований, 6, июнь-июль 1994 г., с. 6).

²² См. по этому поводу Г.Явлинский и др. Диагноз, М. 1992, Уроки экономической реформы, М., 1993

прибыль предприятия составляет не 500 рублей, а 2000. Вся эта прибыль облагается налогом, без учета того, что для начала нового производственного цикла предприятию нужно заплатить за сырье, материалы и рабочую силу уже не 1000 рублей, как три месяца назад, а тоже в два раза больше. В результате налогом облагается по существу не только прибыль, но и необходимые издержки производства. Это ведет к неплатежам и свертыванию производственной деятельности, но государство (на данном этапе) благодаря инфляции свой доход получает.

Такого же рода инфляционный налог взимается путем задержек с возвращением налога на добавленную стоимость, включенного в цену приобретаемого промежуточного продукта (на срок, опять-таки равный протяженности производственного цикла), с оплатой произведенной по госзаказу продукции и т. д. Свою долю инфляционного налога выплачивает и население в виде обесценения на личных денег и средств в Сбербанке.

К сказанному следует добавить крайне медленный пересмотр стоимости основных фондов, приведший к тому, что амортизационные отчисления засчитывались в качестве прибыли и, облагаясь налогом, поступали в государственный бюджет; спекулятивные игры государства на валютном рынке, приведшие к обесценению валютных средств предприятий и граждан; обложение налогом средств на валютных счетах при курсовом выигрыше и т. д. Последнее вообще выглядит замечательно: вы заработали средства на внешнем рынке в твердой валюте, государство же, препятствуя повышению курса доллара на величину сопоставимую с темпом инфляции, еще к тому же облагает налогом все то, что не смогло обесценить с помощью валютных интервенций. Иначе говоря, защиты от инфляционного налога нет и для экспортных предприятий платите и все тут.

Повторим еще раз. **Инфляция была последним резервом умиравшего планового хозяйства** и когда оно не решилось пойти на него, это сделали реформаторы. Но тем самым, опять-таки независимо от своих намерений.

они затормозили настоящий переход к рынку и загнали наш состав на рельсы постплановой экономики. Перефразируя классика, мы можем сформулировать: **постплановая экономика это плановая экономика плюс гиперинфляция по всей стране.** В условиях гиперинфляции планирование и координация планов становятся невозможными, так что отмена Госплана, разрыв связей, дезорганизация и хаос есть следствие, а не первичный признак.

Постплановая экономика не может жить без инфляции, являющейся питательной средой для всех ее структур — от государственных до криминальных. Поэтому попытка преодолеть инфляцию, которая предпринимается правительством сегодня, может привести к одному из двух вариантов: или к полному краху, или к началу настоящего перехода к рынку. Возможен, конечно, и третий вариант, а именно, ослабление антиинфляционных мер и новый виток гиперинфляции, но это будет лишь отсрочкой, причем с каждым разом все менее эффективной. Все эти возможные варианты будут в центре нашего внимания в следующей, третьей части.

ПОСТПЛАНОВЫЙ РЫНОК

Еще раз подчеркнем: именно выбор инфляционно-конфискационной модели реформ привел к тому, что вместо рыночной мы оказались в постплановой экономике. Вполне возможно, что все это было неизбежно, но сейчас это уже вопрос исторический. Чаша весов впервые по-настоящему качнулась в эту сторону осенью 1990 года, когда был отклонен план «500 дней» и вместо него в апреле 1991 года проведена павловская «реформа цен». Августовский путч 1991 года и Беловежские соглашения окончательно перечеркнули надежду на скорый переход к рынку. Осуществляемая с января 1992 года так называемая «шоковая терапия» завершила процесс эволюции в сторону постплановой модели.

Распад государства, отказ даже от попытки сохранения целостной стратегической системы управления переходным процессом и замещение ее хаотичным набором отдельных актов и президентских указов, а особенно инфляция как средство экономической политики оказали огромное влияние на мотивацию экономических агентов и вызвали у них естественную реакцию самозащиты. Эту реакцию можно охарактеризовать одной фразой: **полное недоверие к государству и любому элементу общественного контроля вообще, уход в тень, в экономические «джунгли», где каждый борется за выживание сам или же в составе знакомой ему стаи.**

В числе элементов такой самозащиты — во-первых, долларизация экономики, в ответ на что государство стало облагать налогом и валютные средства. В свою очередь это усилило отток капитала и привело к дальнейшей криминализации внешнеэкономической деятельности. Во-вторых, это неплатежи предприятий. Задержки с оплатой по счетам, выбивание льготных кредитов это ответ предприятий на инфляционный налог и драконовский процент. В результате, отнимая одной рукой средства путем инфляционного налога, государство другой рукой вынуждено их возвращать в виде разного рода взаимозачетов, льготных кредитов, субсидий и т.д

В-третьих, свои способы защиты от инфляции стало активно искать население. Заявления руководства АО МММ, будто с ними сводят счеты за то, что они мешают государству грабить народ, при всей их демагогичности, не безосновательны. Народу надоело отдавать государству в виде инфляционного налога все свои сбережения. и он стал искать способы самозащиты. Если действия правительства в отношении АО МММ и других аналогичных структур будут подкреплены действительно долгосрочным успехом в борьбе с инфляцией и государственной политикой поощрения, а не конфискации сбережений, то мы готовы ему аплодировать. Если же за разгромом пирамид последует новый виток инфляции и грабежа

оставленных без защиты граждан, то мы без малейших сомнений можем сказать, что это просто наезд государственного рэкета, циничное стремление правительства и дальше грабить без помех. Будущего у такого правительства нет.

Разрастание до невиданных масштабов теневой экономики и черного рынка стало главным ответом экономических агентов на постплановое реформаторство. Идеология «восьмидесятников» предполагала, что прекращение централизованного планирования производства и установления цен должно было автоматически вести к искоренению черного рынка и созданию рынка цивилизованного. Черный рынок, высокие цены — это прямое порождение дефицита и государственного контроля за хозяйственной деятельностью. Избавьтесь от этого, то есть приведите к равновесию цены и освободите экономических субъектов и теневая экономика умрет, сохранившись, может быть лишь в таких сферах, как проституция, наркотики и т.д., от которых несвободны самые цивилизованные страны. Трансформация хозяйственного механизма, которая произошла на практике с января 1992 года, является, с этой точки зрения, необъяснимым парадоксом.

Логика нашего анализа позволяет разрешить этот мнимый парадокс. Непредубежденный взгляд на вещи подсказывает, что при полученном нами от планового хозяйства наследстве, те реформы, которые проводились в постплановый период, сделали для экономических агентов выбор в пользу теневой экономики еще более экономически обоснованным, чем ранее.

Уже не раз говорилось, что специфика перехода к рынку в нашей стране заключается в том, что рынок строится не с «чистого листа», как предполагают теоретические модели перехода, а при наличии огромного наследия плановой экономики. В доказательство этого тезиса часто приводятся такие элементы этого наследия, как повсеместные технологические монополии, структурные перекосы, например, слишком высокая доля военной промышленности и т.д. Этой стороне модели

российского рынка хотелось бы посвятить следующую книгу. В данном же контексте для нас ключевую роль играет оставшееся в наследство от планового хозяйства разделение подотчетной государству (обществу) и левой деятельности. Если продолжать рассматривать проблему выбора работы на официальном, узаконенном рынке и в сфере теневой экономики как проблему экономического выбора, то мы увидим, сколь слабые пока силы содействуют переключению предприятий с черного на официальный рынок.

Первый фактор самым тесным образом связан с налоговым бременем и резким ослаблением государственного контроля за экономической деятельностью. Взвешивая плюсы и минусы при выборе между работой по выполнению плана и работой налево, государственное предприятие в плановой экономике выбирало между страхом перед наказанием и выгодой от продажи ресурсов или левого продукта на черном рынке. Такой же выбор унаследовало и предприятие в постплановой экономике. При этом некоторое усиление экономических стимулов для работы на официальный рынок, по-видимому, более чем перекрывается тем, что наказание за уход от отчетности перестало быть столь неизбежным и однозначным. Иначе говоря, в постплановой экономике черный рынок расширяется, потому что выгоды от официально регистрируемой деятельности в силу драконовских налогов и бюрократических препон по-прежнему сомнительны, а наказание за обход государственных органов существенно меньше.

Одно возможное изменение все же произошло в результате реформы: ликвидировано централизованное фондирование, которое играло ключевую роль в модели экономической мотивации. И, тем не менее, наличие до сегодняшнего дня двух секторов в экономике (а точнее, многих секторов с различными ценами) остается фактом. Всякий, кто знаком с сегодняшней ситуацией в нашем народном хозяйстве, знает, что предприятия и торговые фирмы устанавливают одни цены, когда поставки осуществляются

официально, проходя через государственную отчетность и налоговую инспекцию, и совершенно другие цены (причем разные в зависимости от платежеспособности клиента) при работе на черный рынок. Если поставки налево учитываются официально, применяется двойная цена и бухгалтерия. Таким образом, сохраняется возможность работы налево в условиях формальной отмены централизованного фондирования. Все это весьма схоже с известным экономической науке поведением **дискриминирующей монополии**, которая разделяет разные сегменты рынка, получая максимум возможного с каждого в отдельности.

Помимо такого рода экономической мотивации разделения рынков очень важную роль играет и другой момент. Вернемся на минуту к состоянию бывшего госпредприятия, выпускавшего плановую продукцию. Вспомним нашу предпосылку, что само предприятие (в отличие от заказчика-государства) продукция не интересовала. Отсутствие интереса было связано с тем, что всю продукцию надо было сдавать государству. Это позволило нам не делать различия между отраслями, производящими потребительские товары и, скажем, оборонную продукцию. На самом же деле для очень многих постгосударственных предприятий проблема перехода к рыночной деятельности осложняется тем, что их продукция в принципе никому не нужна (не имеет потребительной стоимости, даже самой минимальной, на официальном рынке).

Это очевидно, например, если абстрагироваться от внешнего и черного рынков, для продукции оборонных предприятий. Но это соответствует действительности и для многих предприятий, производящих любые другие товары — особенно в условиях, когда рынок открыт для иностранных товаров. Для того, чтобы выжить, постгосударственным предприятиям необходимо найти новые ниши на рынках, но зачастую это трудно, а то и просто невыгодно сделать законным, официальным путем. Как отмечает С.П.Аукуционек, в плановой экономике количество отраслей меньше

(номенклатура продукции на рынке уже), а объем производства в каждой отдельной отрасли выше, чем в рыночной экономике. Поэтому переход к рынку сопровождается падением производства во всех традиционных отраслях при одновременном переключении ресурсов на новые сферы применения. Если новые сферы невыгодно официально регистрировать, результатом является сужение официального и расширение черного рынка.

Таким образом, либеральные реформы, призванные покончить с теневой экономикой, на самом деле колоссально расширили сферу ее деятельности. Постгосударственные предприятия и их отдельные работники, начиная с директоров и их окружения, сохраняют видимость работы в прежней сфере своей деятельности, на самом деле все больше уходя в тень. Возникает порочный круг, разорвать который можно только с помощью настоящих институциональных преобразований. Без них ни одно мероприятие государства не будет иметь успеха. Например, нехватка налоговых поступлений ведет к стремлению государства повысить налоги, но, не подкрепленная институционально, эта мера ведет к еще большему удорожанию нормальной нетеневой хозяйственной деятельности, к еще большему уходу в сферу теневой экономики, сокращению налоговой базы, еще большей нехватке налоговых сборов и т.д.

Вторым фактором, толкающим постгосударственные предприятия в объятия теневой экономики, является дезорганизация системы расчетов, инфляция и институциональные недостатки банковской сферы и сферы обращения. Тот факт, что при расчетах через банки на прохождение денег требуется значительный срок, означает, что на этот период банки получают от предприятий как бы бесплатный кредит. Большая часть привлеченных средств наших коммерческих банков, как бывших спецбанков, так и новых — коммерческих, состоит из остатков средств на расчетных счетах предприятий, процент по которым, по сути дела, не выплачивается вообще. Иными словами, банковский сектор, задачей которого в любой рыночной

экономике является финансирование производственной и инвестиционной деятельности предприятий, выступает в постплановой российской экономике в прямо противоположной роли, откачивая, а не предоставляя финансовые ресурсы. Разительный контраст между крайне тяжелым финансовым положением предприятий и невероятно высокой, даже по балансовой отчетности, доходностью банковского дела свидетельствует об этом со всей очевидностью.

Третий фактор трансформации в сторону постпланового, а не настоящего рынка связан с тем влиянием которое гиперинфляция оказывает на сроки оборачиваемости средств. Инфляционный налог со стороны государства и банков ощущается предприятиями тем сильнее, чем длиннее цикл производства. Иначе говоря инфляционная ситуация подстегивает всех экономических агентов к тому, чтобы крутить деньги, омертвление средств даже на такой короткий период, как несколько месяцев, теряет смысл. На протяжении почти трех лет постплановой экономики доля долгосрочных кредитов в общем объеме кредитов, выданных коммерческими банками, не превышает четырех процентов. Краткосрочные кредиты под процент, который не может выплачивать ни одно производственное предприятие, предоставляются на финансирование внешнеэкономических и других операций с коротким периодом оборачиваемости денег.

Напротив, к производственным инвестициям, даже к жизненно необходимым затратам на ремонт и замену амортизированного оборудования утрачиваются всякие стимулы, что грозит нам во вполне обозримом будущем новыми Чернобылями. Ранее за этим, хоть и плохо, НС следили плановые органы. Отданное во власть теневой экономики нынешнее российское постплановое хозяйство еще способно поддерживать текущее потребление и жизненный уровень населения (хотя и создавая крайнюю не равномерность в распределении доходов), но оно органически не приспособлено к тому, чтобы сохранить и приумножить национальное богатство России, ее научный

культурный, технический и производственный потенциал, уберечь страну от экологических катастроф. Разрастание черного рынка в результате перехода к постплановой экономике есть, поэтому не перспективный путь к российскому рынку в будущем, а апофеоз российского планового хозяйства, в котором со всей очевидностью проявляется тупиковость этого варианта общественного развития для России.

Естественной реакцией предприятий на прокручивание денег банками и государством является задержка платежей и стремление в максимальной степени использовать наличный расчет, а значит, опять-таки теневую экономику. Известны многочисленные случаи, когда торговые посредники требуются предприятиям только для того, чтобы перевести расчеты из безналичной в наличную форму. Результатом этой особенности постплановой экономики является распространение в огромном количестве коммерческих структур, которые, ничего не добавляя к чистому продукту общества, получают огромные средства, отвлекаемые от производительной деятельности, а потребители расплачиваются за это космическими ценами.

В джунглях всегда страдает слабый. В данном случае помимо потребителей это работники постгосударственных предприятий, особенно в таких городах и регионах, где трудно найти рабочие места вне одного предприятия-монополиста. Многомесячные задержки с выплатой заработной платы не всегда связаны с действительной нехваткой средств на предприятии, эти средства есть, но они в черной кассе. По сути дела перед нами худший вариант эксплуатации дешевой рабочей силы, своеобразная месть со стороны поверженного идола нашего недавнего прошлого (К.Маркса) за нынешнее полное пренебрежение ко всей его теории. В частности, теория эксплуатации, мало или совсем не применимая к современному рыночному хозяйству, как будто специально написана для сегодняшней российской ситуации. Отметим, что такая интерпретация теории эксплуатации была впервые в нашей литературе дана еще в 1991 году: «если рынок труда

реагирует на изменение прибыльности разных видов деятельности... с опозданием, вызванным не недостатком информации, нежеланием изменять привычный род деятельности, место жительства и т.д. ... если вдобавок... в экономике действуют институциональные факторы, препятствующие выравниванию доходов от разных видов деятельности... категория стоимости рабочей силы и вытекающий из нее факт эксплуатации в высшей степени актуальны²³.»

Чтобы двинуться вперед, к эффективному рынку, России, в частности, жизненно необходимо цивилизованное рабочее движение.

К началу 1994 года экономика подошла к рубежу: все больший уход экономической деятельности в тень, сужение налоговой базы по всем ее компонентам, все меньшая эффективность инфляционного налога из-за выработки экономической системой путей его обхода—это означало, что для очередной подпитки государственного бюджета нужно было сорваться уже в неуправляемую гиперинфляцию. Альтернативой было применение настоящих антиинфляционных мер и попытка установить контроль за неподотчетной экономической деятельностью. К сожалению, правительство Черномырдина с начала 1994 года стало активно имитировать борьбу с инфляцией, используя рецепты квазистабильзации, завещанные ушедшими в отставку членами правительства, при которых, кстати, она практически не опускалась ниже двузначной цифры в месяц. Псевдореформаторство последних 30 месяцев стало очевидным уже для всех, когда в «черный вторник» курс рубля упал на тридцать процентов, а затем в течение двух дней по приказу был за чем-то возвращен к прежним значениям.

После 11 октября 1994 года уже никому, казалось бы не надо доказывать, куда ведут реформы, когда об экономике судят по двум-трем искусственно регулируемым показателям. Однако предложения, исходящие от

²³ (С.В.Брагинский. Я.А.ПЕВЗНЕР. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления, М., «Мысль» 1991. 6.193-194)

правительства по бюджету 1995 года, продемонстрировали его полную безнадежность. В этом смысле у нас еще и типичное постсоветское правительство.

ПОСТПЛАНОВАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Проблема «собственник-директор» играла ключевую роль в эволюции плановой экономики в России. Эта же проблема, в видоизмененной форме, продолжает играть ту же роль в экономике постплановой. Не будет преувеличением сказать, что если мы найдем правильный ответ на вопрос, как решить проблему собственности в постплановый период, то обеспечим главное условие прорыва к рыночному хозяйству. Не найдем — надолго застрянем на нынешней стадии эволюции экономической системы, а то и придем к чему-то еще худшему.

Моя оценка ваучерной и начала постваучерной приватизации и практические предложения — в следующем разделе. Здесь же мы продолжим рассмотрение проблем постпланового (сегодняшнего) российского хозяйства — с точки зрения отношений собственности и их влияния на экономическую эффективность.

Главный аргумент сторонников «саморазвития» приватизации сводится к тому, что неважно, кто первоначально получит собственность, — достаточно создать свободную торговлю вновь приобретенными правами собственности, и тогда более эффективные собственники в конце концов эту собственность в свои руки получат. Сомнительность подобного подхода я постарался продемонстрировать в «Уроках экономической реформы». Но жизнь заставляет вновь и вновь возвращаться к неусвоенным урокам.

Не претендуя на глобальные выводы и определения, я хотел бы здесь предложить свое понимание вопроса, приспособленное специально к российскому постплановому хозяйству.

Под собственностью в рыночной экономике понимается юридически оформленное право контроля и распоряжения конкретным предметом собственности (недвижимостью, фондами, средствами и т.п.), которое не может быть отчуждено иначе как по закону. Это право не является неограниченным, возможность контроля и распоряжения может быть ограничена по закону, в каких-то пределах собственник может быть лишен этой возможности в силу добровольно подписанного контракта. Например, запрещение продажи сельскохозяйственного участка под промышленное строительство есть пример законодательного ограничения права собственности, то же самое можно сказать по поводу налога на имущество, наследство, дарение и т.п.

Примером добровольного ограничения права собственности в рыночной экономике является, скажем, контракт работы по найму. Наемный работник в отличие от раба сохраняет право собственности на свою рабочую силу. Он всегда может отказаться от контракта и вернуть себе всю полноту распоряжения самим собой, но добровольно ограничивает себя, поступая на оговоренных контрактом условиях в распоряжение нанимателя. К подобного рода добровольным отношениям тоже могут примешиваться ограничения по закону, например, закон о минимальной заработной плате ограничивает право работника на продажу услуг рабочей силы ниже определенной цены.

В отличие от рыночной, под собственностью в плановой экономике мы понимаем право контроля и распоряжения, закрепленное решением высших партийно-государственных органов. В такой трактовке в плановой экономике существует только один собственник — правящий диктатор. Недаром Генерального секретаря ЦК КПСС называли «хозяин». Периодически собственник бывал не единоличный, а коллективный (Политбюро), но характерной чертой всегда оставалось то, что собственность этого лица или узкого круга лиц распространялась не на какие-то конкретные предметы собственности, а на всю хозяйственную систему в целом (при Сталине

вплоть до рабочей силы), не говоря уже о системе принудительного рабского труда в ГУЛАГЕ, фактически вновь закрепощенном крестьянстве без паспортов и полурабском труде рабочих на заводах. При этом я не хочу принизить самостоятельную роль трудового порыва энтузиастов первых пятилеток, я лишь утверждаю, что тоталитарный режим использовал этот порыв для закрепления казарменной организации труда — лозунг «мы солдаты партии» говорит сам за себя).

Общее правило отношений собственности состоит в том, что чем крупнее ее объект, тем труднее проконтролировать все одному собственнику. С этой точки зрения плановая экономика была обречена на то, чтобы эффективность реализации права собственности единым хозяином постоянно снижалась. Сталинское полицейское государство с его системой стукачества было довольно эффективным средством контроля. Подобного рода контроль до сих пор сохраняется в некоторых странах с плановым хозяйством, например, в Северной Корее.

По мере роста и усложнения взаимосвязей в плановой экономике проблема контроля становилась все сложнее и все большие полномочия по его реализации делегировались вниз по вертикали управления. Уже на довольно ранней стадии, в городах после окончания периода военного коммунизма, а на селе после окончания хрущевских экспериментов с обобществлением личных подсобных хозяйств, была восстановлена в правах личная (индивидуальная) собственность на предметы потребления и подсобного хозяйства. Объекты хозяйственной собственности тоже.-де-факто приватизировались. Все помнят нашумевшие дела узбекской, краснодарской и прочих мафий, которые, в нашей терминологии, можно интерпретировать как присвоение наемными агентами Политбюро функций собственности. В том же, что главной мафией оставалось само Политбюро, кажется, сегодня ни у кого нет сомнений. Чем дальше шло разложение системы, тем более

широкие возможности контроля получали мелкие хозяева. Все это уже было показано в нашей модели в части первой.

К чему мы пришли сегодня? Что есть собственность в постплановой экономике? Так же, как и сама эта (переходная) система, собственность в ней есть тоже понятие переходное. С одной стороны, существует частная собственность, которая, помимо личной индивидуальной собственности, включает в себя также огромную собственность теневой, зачастую криминальной экономики. С другой стороны, существует **государственная, включая муниципальную и местную, собственность**. Наконец, существует **постгосударственная собственность**, действующая в отношении формально акционированных, но по сути дела не приватизированных предприятий в промышленности и сельском хозяйстве.

Подобного рода многоукладность в сфере отношений собственности возникает в нашей стране не впервые. Вспомним ленинские работы по экономике переходного периода — обратного тому, что мы совершаем сегодня. Более того, и в развитом рыночном хозяйстве помимо частной собственности существуют сегменты государственной и коллективной собственности.

Главное отличие постплановой собственности от рыночной и плановой состоит в том, что в отношении огромного пласта хозяйственных объектов собственник юридически не оформлен и право контроля и распоряжения по-настоящему институционально не закреплено. Это касается, во-первых, криминальной частной собственности теневой экономики и, во-вторых, постгосударственной собственности директоров бывших государственных предприятий.

Реалии постплановой экономики таковы, что на практике эти два вида неформальной, но вполне реальной собственности смыкаются и, более того, ни один даже субъективно честный предприниматель или директор не

может сегодня работать без соприкосновения с этой криминальной сферой. Надеюсь, что этой ремаркой я не задену честь и достоинство порядочных людей, будь то руководители бывших госпредприятий или представители частного капитала. Весь пафос того, что здесь говорится, направлен на то, чтобы устранить или, по крайней мере, ограничить перекосы, которые заставляют их работать в контакте с теми кому они в жизни не подали бы руки, работать, опасаясь за свою жизнь и жизнь своих близких. Государство, по сути дела бросило этих людей на произвол судьбы. Но если бы не их упорство и вера в будущее российской экономики, наше нынешнее положение было бы куда печальнее.

Неокончательная урегулированность вопроса собственности характерна для любой экономической системы. Но только в российской постплановой экономике она приняла такие масштабы, которые оказывают не второстепенное, а, пожалуй, самое главное влияние на экономическую жизнь и на эффективность. Посмотрим, на чем сделана сегодня большая часть крупных состояний в России. Помимо уже упомянутой эксплуатации дешевой рабочей силы к таким источникам относятся: разница мировых и внутренних цен на сырье и производные от этого доходы (посредничество, банковские операции, услуги и торговля), бесплатная приватизация, бесплатная земля, использование бюджетных средств, западные кредиты, торговля оружием и наркотиками. За исключением двух последних источников, носящих особый характер, и эксплуатации труда, все остальные прямо связаны с теневой собственностью (криминальный доступ к ресурсам, теневое посредничество и т.д.) и с постгосударственной собственностью (приватизация, земля, бюджетные средства).

Главное здесь в том, что собственность, вырванная из рук Политбюро и не нашедшая нового, правового хозяина оказывается в руках временщиков. Как справедливо пишет Ю.Буртин в упоминавшейся статье, приватизация у нас по-настоящему еще не начиналась, завершился лишь процесс трансформации

номенклатурной собственности, и дельцы теневой экономики и директора постгосударственных предприятий не уверены в завтрашнем дне, не считают те объекты, которые контролируют и которыми распоряжаются, полностью своими, поскольку их право собственности существует лишь де-факто не закреплено юридической процедурой и может быть отчуждено сравнительно легко с помощью президентского указа или мафиозной разборки — все равно.

Но если право контроля и распоряжения носит временный характер, то, как хорошо известно из экономической теории, рыночная игра приобретает характер, качественно отличающий ее от ситуации, когда право собственности гарантировано законом и стоящим на его страже государством. В частности если участниками экономической сделки выступают подобного рода временщики или хотя бы один из участников — временщик, невозможно порой договориться о совершенно очевидных вещах

Простейший пример. Два директора предприятий договариваются о каком-то совместном действии, которое, если обе стороны реализуют договоренность, принесет неоспоримую выгоду обоим. К примеру, речь идет о том, что один из них на деньги другого выпускает машины, специально приспособленные для перевозки продукции другого. Если им Удастся прийти к соглашению и такие специальные машины будут изготовлены, выигрыш каждого составит в течение, скажем, месяца по десять миллионов рублей. Если соглашение не будет достигнуто, то каждый, оставаясь при своем, не получает ничего.

Посмотрим, что будет, если они попытаются перехитрить друг друга. Допустим, что изготовитель машин, беря на себя обязательство изготовить спец- машины для продукции партнера, на самом деле потратит его средства для изготовления машин, универсальных к продаже на рынке. Допустим, что в этом случае его прибыль составит 25 миллионов в месяц. Для партнера это будет означать, что предоставленные деньги сгорели, он потеряет десять миллионов. Рассмотрим противоположный случай, когда заказчик каким-то

образом убеждает изготовителя спецмашин, что намерен за них заплатить, но после того, как машины изготовлены и отгружены, отказывается платить, Его прибыль тогда составит 20 миллионов рублей а обманутый исполнитель не досчитается десяти миллионов в своей кассе.

Условность этого примера очевидна, но он демонстрирует логику того, что мы хотим доказать. Запишем этот пример в форме простейшей матричной игры (читатель, знакомый с теорией игр уже, конечно, узнал знаменитую «дилемму узника» которую мы упоминали в «Уроках экономической реформы»). Директор-заказчик будет у нас игроком А, а директор-подрядчик (изготовитель машин) — игроком Б.

В каждой клетке вначале выигрыш игрока А, затем выигрыш игрока Б (млн. руб.)		Стратегический выбор игрока Б	
		Играть честно	Обмануть
Стратеги- ческий выбор игрока А	Играть честно	А : 10, Б : 10	А : -10, Б : 15
	Обмануть	А : 20, Б : -10	А : 0, Б : 0

В таблице две цифры в каждой клеточке выражают выигрыш (если перед цифрой знак минус, то потери) наших директоров (в первой колонке директора А, во второй директора Б) при каждом из четырех рассмотренных вариантов. Например, верхняя правая клеточка получается, если директор А решает играть честно, а директор Б его обманывает и деньги «горят». Проигрыш директора А составит 10 миллионов рублей (первая цифра — 10 в этой клеточке), а выигрыш второго директора — 15 миллионов рублей.

Одного беглого взгляда на таблицу достаточно, чтобы увидеть, что максимальный общественный выигрыш получается при выборе верхней - левой клеточки (честная игра обоих). Каждый получит по 10 миллионов рублей и сумма выигрышей (20 миллионов) максимальна. В отличие от этого сумма выигрышей в каждой другой клеточке меньше, а хуже всего (с

общественной точки зрения, правая нижняя, когда оба обманывают друг друга и не получают в итоге ничего.

Но именно этот результат и получается в постплановой экономике. Поставим себя на место директора А. Он рассуждает: «Если я буду играть честно и мой партнер тоже будет играть честно, то мы оба получим по 10 миллионов рублей. Прекрасно. Но если мой партнер играет честно, то, обманув его, я получу 20 миллионов рублей, а его проигрыш меня не волнует. Но постой-ка. Если он рассуждает так же, то он тоже видит, что, обманув меня, он получит не 10, а 15 миллионов рублей. а мои потери его не волнуют. Но если я не могу ему доверять, то тогда тем более мне не следует играть честно, ибо, обманывая, я в худшем случае останусь при своем, а, играя честно, почти наверняка потеряю 10 миллионов». Точно так же рассуждает и директор Б. В итоге новое производство не осуществляется вообще и деньги, оставшиеся невостребованными, уходят крутиться в спекулятивную сферу, где доход в итоге, может быть, и меньше, но ситуация яснее.

Обе устойчивые формы организации экономики — и плановая, и рыночная — выработали свои способы решения этой «дилеммы узника». В плановой экономике такую роль играет план, устанавливающий устойчивые хозяйственные связи. По сути те же устойчивые хозяйственные связи, только в рыночной экономике, решают эту проблему для нее. В самом деле, допустим, что подобная ситуация возникает не раз и не два, а неограниченное количество раз. Тогда становится эффективной так называемая «стратегия угрозы» в игре «с бесконечным горизонтом». Директор А заявляет директору Б: «Я буду играть честно, но если ты хоть раз меня обманешь, все, ты лишаешься моего доверия и больше я с тобой играть не буду». Директор Б взвешивает свою выгоду от одноразового приобретения 15 миллионов вместо десяти и свои потери от утраты бесконечного ряда повторений выигрыша в 10 миллионов, который он может иметь, если будет играть честно. Ясно, что при любом мыслимом

дисконтировании будущих прибылей по сравнению с настоящими нарушить джентльменское соглашение невыгодно.

Естественно, все это применимо и к директору А. Таким образом, рынок как институциональный механизм бесконечного повторения игры реализует общественный оптимум так же, как это мог бы делать не существующий в природе безошибочный план. Постплановая организация хозяйства таких возможностей не дает.

Если сегодня в нашей экономике мы не имеем полного паралича сделок вообще, как это получилось в нашем примере, то в этом заслуга: а) инерции хозяйственных связей планового периода (выработанное в плановой экономике доверие между директорами), б) элементов нарождающихся рыночных институтов особенно очевидные в сфере розничной торговли и индивидуального предпринимательства, когда предприниматели явно намереваются надолго и всерьез работать на одном месте и в) криминального «порядка», когда наемные банды по заказу подвергают нещадному террору любого из участников экономических операций. Ясно, что, кроме второго фактора, за которым, к сожалению, не стоит практика сделок в главной сфере экономики, первый и третий имеют ярко выраженные отрицательные последствия. В случае инерции мы имеем последствия в виде кризиса задолженности предприятий друг другу, в третьем же случае — разгул преступности и право джунглей когда, не говоря уже об общественной неприемлемости самосуда, вовсе не всегда наказанию подвергается виноватый. Как долго мы согласны мириться с таким положением?

Мы еще раз хотим напомнить наше определение постплановой экономики как плановой экономики с гиперинфляцией, оно прекрасно срабатывает и здесь: в условиях гиперинфляции будущие прибыли совершенно неопределенны и неучитываемы. Гиперинфляция сводит игру с бесконечным горизонтом к заведомо одноразовой «дилемме узника» — преодоление гиперинфляции наряду с решением, юридическим и окончательным, вопроса

о собственности — это необходимое условие для того, чтобы вырваться из порочного круга.

Наш анализ показывает также, что в этих условиях многие стандартные макроэкономические рецепты борьбы с инфляцией не только не срабатывают, а имеют обратный эффект. Если суть постплановой экономики есть экономический выбор между официальным и черным рынками, то при нерешенном вопросе о собственности и (или) в условиях мягкого бюджетного ограничения такие меры, как, например, повышение процентных ставок или уровня налогообложения, относительно удорожая официально регистрируемую деятельность по сравнению с теневой, ведут к увеличению оттока ресурсов на черный рынок.

Неустойчивость собственности в постплановом хозяйстве — не единственный фактор, парализующий эффективность российской экономики сегодня. Не меньшее значение имеет и то, что нынешняя собственность право контроля и распоряжения отдельными элементами бывшей государственной собственности — формировалась не с помощью продуманной политики приватизации и не естественным путем при наличии развитых рыночных институтов. В результате «прихватизации» фактической коллективизации постгосударственных предприятий под прикрытием лозунга о ваучерной народной приватизации собственность оказалась распыленной, разорванной зачастую между отдельными звеньями неразрывных по природе технологических цепочек. Используя метафору из фундаментальной статьи «Собственность и эффективность» американских экономистов О. Харта и Дж. Мура, можно сказать, что у нас зачастую получается, что верхней палубой яхты владеет капитан, а нижней и камбузом — кок. Ни та, ни другая часть яхты по отдельности непригодны для круиза. Ни при подобном распределении собственности двум владельцам очень трудно договориться о совместной деятельности, и в результате яхта стоит на приколе.

Временный и неопределенный характер постплановой собственности не позволяет заключать эффективные контракты, которые хоть как-то могли бы повлиять на ситуацию в лучшую сторону. Но даже в обществе, где такие контракты могут заключаться и заключаются, вопрос о том, кому принадлежит в конечном счете собственность как право распоряжения и контроля за всеми теми применениями объекта, которые не вошли в контракт, имеет колоссальное значение. В западной науке это давно стало общим местом, отправной точкой для новой теории экономической организации, в области которой работают такие крупные американские ученые, как О. Уильямсон, С. Гроссман, уже упомянутые О. Харт и Дж. Мур. Кстати, их главные работы последних лет публикуются в печатном органе чикагской школы, той самой, на одобрение которой так любят ссылаться наши ультралибералы. Вообще миф об одобрении их деятельности западной наукой и, в частности, чикагской школой — один из самых нелепых. На самом деле речь может идти об одобрении со стороны лишь некоторых ее представителей, давно отошедших в погоне за мирской славой советников реформ от настоящей науки.

Мы продолжим эту тему в будущем, поскольку она неразрывно переплетена с проблемой структурных особенностей российской экономики, и будет рассмотрена в следующей работе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПУТЬ К РОССИЙСКОМУ РЫНКУ

Я перехожу к тому, ради чего было написано все предыдущее — к началу ответа на вопрос, куда мы идем к чему должна привести реформа. В последующих работах я попытаюсь расширить круг своих ответов

ФАЛЬШИВЫЕ ДИЛЕМЫ

Чтобы правильно определить направление нашего общественного развития и выбрать ту его линию, которая является оптимальной, нужно прежде избавиться от фальшивых дилемм, которые 70 лет тиражировала коммунистическая идеология, а последние пять лет столь успешно тиражируют «восьмидесятники».

Таких фальшивых дилемм предостаточно. В свое время они сыграли определенную роль в деле избавления от стереотипов периода развитого социализма. Но на неправильных, примитивных представлениях нельзя далеко продвинуться в созидательной работе. А будучи превращенными в новые идеологические постулаты, Эти противопоставления просто вновь загоняют нас в тупик.

О чем идет речь? Ну вот, например: **Частная или государственная собственность.** «Или все частное, или опять все государственное», — утверждают «восьмидесятники». Ну прямо перевернутый вверх ногами тезис из популярных брошюр по марксизму-ленинизму! На самом деле во всем мире давно известно, что дилемма фальшивая. Нет такой дилеммы, а есть различные степени свободы частной собственности, которые разумное саморегулирующееся общество должно выбирать не раз и навсегда, а постоянно корректируя по ходу своего развития в зависимости от тех задач, которые стоят перед ним в данный момент.

Рынок или план. «Или мы отказываемся от государственного вмешательства в экономическую деятельность вообще, или мы опять приходим к плановой экономике». Еще одна невероятная глупость. План не как задание по производству, а как программу действий, так же как и рынок, устранить совершенно нельзя, во всем развитом мире давно найдено решение этой дилеммы в виде смешанной экономики с оптимальным, диктуемым стадией развития сочетанием того и другого начала.

Свободные или контролируемые цены. «Или государство устраняется от ценового контроля полностью, или же мы задушим рынок в зародыше». И опять неверно, господа «восьмидесятники». Монополистический контроль за ценами точно так же в зародыше душит рынок. Когда мы имеем супермонопольную структуру, государство не имеет права полностью самоустраняться.

Полная свобода внешней торговли или снова закрытие страны. «Надо полностью освободить от контроля и экспорт, и импорт, и рыночные силы сами сбалансируют нам внешнюю торговлю. Протекционистские меры снижают конкурентоспособность нашей экономики». Нет, не так. Рынок способен реализовать только те сравнительные преимущества, которые уже сегодня дают отдачу. Полная свобода внешней торговли обрекает нас на замыкание на экспорте сырья и падение, а не на рост конкурентоспособности промышленности. Чтобы реализовать потенциальные сравнительные преимущества, необходима вполне определенная внешнеэкономическая политика — хотя бы в силу того, что частный сектор не потянет риска и в силу того, что выгоды от снижения цен в результате роста конкурентоспособности достанутся не частному бизнесу, а потребителю.

Этот ряд фальшивых дилемм можно продолжать. В тоталитарном государстве нам пытались навязать одно искусственное решение, сегодня — другое, хоть и с противоположным смыслом. Но гораздо важнее другое. В каждом мало-мальски сложном общественном экономическом организме вырабатываются независимо от идеологических догматов естественные способы решения каждой приведенной и всех остальных пустых. и надуманных дилемм организации хозяйства.

Никогда, за исключением, может быть, военного коммунизма, плановой экономике эти дилеммы не решались полностью в соответствии с догматом.

А последние 20—25 лет вообще были полностью, говоря по Солженицыну, «жизнью по лжи». Всеохватывающая ложь периода застоя прикрывала стихийно шедший процесс приспособления хозяйственной организации к реальным потребностям. Сегодня, в постплановой экономике, мы имеем ту же ложь, только вывернутую наизнанку. Очень многие процессы, что шли под прикрытием камуфляжа «развитого социализма» и заботы об общественном благе, теперь идут под дымовой завесой «народной приватизации» и свободы экономической деятельности.

Это, пожалуй самое важное на что я хотел бы обратить внимание читателя. В первых двух частях было показано, что в результате 35-летней эволюции плановой экономики и еще трех лет постплановой для России теперь естественен определенный путь дальнейшей эволюции хозяйственного организма. Мы можем познать этот путь и действовать в соответствии с ним — тогда мы имеем все шансы прийти к цивилизованному рынку. Мы можем, как страусы, пряча голову в песок и повторяя заклинания шаманов-«восьмидесятников» о том, что стабилизация состоялась и приватизация свершилась, продолжать действовать вслепую, и тогда мы отдаемся полностью на произвол судьбы, на русское авось. Мы, наконец, можем пойти на поводу у другой части шаманов и попытаться действовать против естественного хода событий: раздуть бюджетный дефицит, надавать пустых кредитов сельскому хозяйству начать что-нибудь планировать в прежнем смысле слова и т.д. — и уж тогда мы точно рухнем в кювет, Впрочем, я очень опасаясь, что к этому же исходу могут привести и действия вслепую.

Давайте посмотрим, какие способы решения дилемм организации хозяйства уже выработала к нынешнему моменту наша предоставленная слепому ходу событий экономика.

Я не могу удержаться, чтобы в этом месте не привести абзац из знаменитого труда австрийско-американского учёного первой половины нашего века Иозефа Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия». В чем отличие

между шаманским и рациональным способом мышления, — спрашивает он. И отвечает: допустим, что у вас сломалась палка. Если ваше мышление рационально, вы, в соответствии со своими представлениями о причинно-следственной связи, начнете ее как-то соединять обратно в единое целое с помощью веревки или как-нибудь еще. Если же ваше мышление шаманское, вы начнете бормотать заклинания, и уже неважно — будете ли вы при этом повторять план и контроль или же спрос и предложение.

Рассмотрим вопрос о частной собственности. Да, это очень хорошо, что сфера ее расширилась. Но существование частной собственности вне права частной собственности (property rights), а следовательно, без признанных обществом механизмов ее реализации и ограничений компенсируется рэкетом и бандитизмом. Это факт, что ни одна экономическая система не может и месяца просуществовать, если частная собственность не будет иметь никаких правовых регуляторов, в том числе и ограничений. И если государство не берет на себя эту роль, ее исполняют антигосударственные криминальные структуры.

Разгул бандитизма и непрекращающиеся мафиозные «разборки» на улицах наших городов и прежде всего там где сосредоточена основная собственность — это не просто провал правоохранительных органов, это один из элементов самоорганизации хозяйственной жизни, возникший как естественная реакция экономики на устранение регулирующей роли государства. Термин «беспредел» пришел к нам из зоны. Там, где кончается закон, жестоко властвует самый сильный из паханов, Слепое шаманство радикал-демократов «восьмидесятников», переведенное из теории в практику, распространило законы зоны на всю страну, по крайней мере на большую часть ее экономической жизни. Чтобы избавиться от этого, нам не помогут просто драконовские меры против организованной преступности. Экономическая необходимость не может не пробить себе дорогу. Нам нужно заменить криминальную, отвратительную и никуда не годную нынешнюю

самоорганизацию экономики (без которой, однако, сегодня все остановится вообще) на законную и разумную. Страусиный метод, так же как и твердая рука, здесь одинаково не помогут.

Что такое свободный рынок? Черный рынок был у нас всегда, и мы все так или иначе им пользовались. Те же кормушки и распределители просто теперь стоят открытые, вроде бы для всех. Опять-таки не все, государственное начальство может и сейчас еще пользоваться массой закрытых благ. Но старушке-пенсионерке, по ошибке забредшей за молоком в дорогой супермаркет, говорят «Бабушка, вы куда? Здесь по кредитным карточкам». И старушка не обижается, покорно уходит. А на предприятиях-гигантах, основе плановой экономики, все осталось по-прежнему — рынка как не было, так и нет.

Исчез дефицит, говорят нам. Это правда. Но ведь надо понимать, как и почему он исчез и куда ведет нас этот путь. Это не наше народное хозяйство стало лучше и эффективнее работать. Это просто доходы от торговли нефтью газом и прочими ресурсами перестало забирать государство и тратить на военно-промышленный комплекс. Теперь эти доходы попали в частные руки и расходуются на безудержный потребительский бум. Вот почему наши прилавки полны импортных товаров, а цены в Москве перехлестывают западные столицы. Вот почему устранен видимый дефицит и страна продолжает жить в то время, как тихо умирает ее промышленность. Причем никто не может сказать, что отмирает лишь негодное, лишнее, бесперспективное, т.к. отбраковка происходит не в условиях нормального рынка, а ненормального постсоветского. И занимается отбраковкой множество рук, тянущих в разные стороны. Что нас ждет в перспективе?

Военный молох сжирал наше национальное богатство. Нефть, газ, золото и цветные металлы превращались в танки и пулеметы, атомные подводные лодки и боевые истребители. Теперь они превращаются в «сникерсы» и «мерседесы». Лучше ли это? В каком-то смысле да. Но это проедание

ресурсов, это колоссальный риск экологических и социальных катастроф — просто потому, что нет ремонта и обновления ветшающего оборудования на опасных и очень опасных производствах, которые тем не менее никто не закрывает, потому что будут вставать без работы целые города и регионы. О науке и образовании говорить не приходится вообще. Единственное, что, может быть, было ценного в прошлом режиме, исчезает почти полностью, и последствия этого будут ощущаться десятилетиями.

Крайности всегда сходятся. И там, где общество пытается контролировать все, и там, где оно отказывается вообще что-либо контролировать, неизбежно воцаряются хаос и неэффективность. Задача не в том, чтобы вернуть государству командные высоты. Бесцельно и бесперспективно пытаться вновь командовать объективным ходом событий. Но без разумных и осознанных усилий со стороны общества, направленных на организацию экономического и демократического процесса, без установления в стране правил игры, которые нельзя нарушать, воцаряется такая свобода, которая на самом деле есть высшая форма несвободы, такой рынок, который на самом деле есть высшая форма постпланового хаоса. Такая «естественная структура экономики», которая есть высшая форма перекоса в распределении ресурсов, такое «естественное распределение дохода», которое есть высшая форма социальной несправедливости. Сомнительность многих принципиальных положений, с позиций которых ведется политическая и экономическая реформа в России, лучше всего доказывает Многоголовая гидра мафии, у которой на месте срубленной головы отрастает новая.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ: НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР

Вот конкретный пример подробно одной из фальшивых дилемм. Речь пойдет о предмете острейших дискуссий сегодня, о том, как вводить частную собственность на землю. Без свободы частной собственности на землю мы не

продвинемся дальше ни по одному направлению реформы, — говорят демократы. Свобода частной собственности на землю приведет к тому, что всю землю скупят богачи и спекулянты и социальная пропасть в нашей стране закрепится уже навечно, — говорят коммунисты и другие оппоненты режима.

Бывая в Токио, столице страны, где едва ли не самая высокая относительная нехватка земли на душу населения среди развитых стран и где, несмотря на это, частная собственность на землю существует уже много веков, я постоянно удивлялся: так мало земли, такая скученность — и двух-, максимум трехэтажные дома в жилых кварталах. Что поделаешь, частная собственность на землю, говорили мне, что хотят, то и строят. А все хотят индивидуальные коттеджи. Неэффективна частная собственность, каждый думает только о своей выгоде, в итоге страдают все.

И только относительно недавно я узнал истинную причину. Оказывается, дело вовсе не в свободе частной собственности, а, наоборот, в ее законодательном ограничении. Вся территория столицы Японии поделена на определенные зоны. В некоторых таких зонах по законодательству запрещено строить дома выше трех этажей. Причина — защита права жильцов на дневной свет. Земельные участки кое-где нарезаны так плотно, что высотный дом сразу закроет солнце для всех окружающих. Деление на зоны не механическое. Иногда одним и тем же микрорайоне где-то можно строить высотные дома, а рядом нет. Определяется это с помощью экспертной оценки. Разумеется, приобретающему участок заранее известно, что он сможет на нем делать, а что нет. Если вы владелец, а происходит изменение зонного деления или другое изменение в законодательстве, лишаящее вас каких-либо имевшихся у вас ранее прав, государство предоставит вам компенсацию — в суд обращаться не требуется. Но если вы сознательно нарушите закон, пеняйте на себя. В крайнем случае по решению суда вашу незаконную постройку снесут — и уже безо всякой компенсации.

Еще один пример. Строящаяся к зимней Олимпиаде в Нагано скоростная железная дорога пролегает через знаменитый дачно-курортный район Каруидзава. Дачи и земля, разумеется, частные., Опять конфликт государственных и частных интересов, Посмотрим, как он решается.

Стадия первая. Государство (в лице общественной корпорации строительства железных дорог) предлагает владельцам земли компенсацию и переселение. Владельцы отказываются и выдвигают альтернативное предложение — чтобы участок железной дороги прошел под землей. Их предложение отвергается по причине невероятно высоких затрат.

Стадия вторая. Чтобы действовать дальше, государству необходимо провести землемерные работы, которые дадут объективную основу для определения суммы компенсаций. Без этого невозможна апелляция к вышестоящим органам. Зная это, владельцы предпринимают тонкой юридический и политический ход. Они обращаются за поддержкой к движению «зеленых» и выставляют на продажу каждое дерево на своих участках в отдельности за символическую сумму в 5 долларов. «Зеленые» откликаются на призыв и мгновенно увеличивают число «землевладельцев» до нескольких тысяч. На деревьях появляются таблички: «Частная собственность, не приближаться», Теперь государству придется посылать уведомления и вести переговоры с несколькими тысячами «владельцев»,

Стадия третья. Государство терпеливо проделывает работу по розыску всех юридических «землевладельцев» и каждому из них посылает запрос на проведение землемерных работ. От большинства оно вообще не получает ответа, от остальных — решительный отказ. Но по истечении отведенного законом срока арбитражный орган принимает решение — снимает неприкосновенность с частной собственности сроком ровно на три дня: для проведения землемерных работ. Под наблюдением полиции, не обращая внимания на возмущенных пикетчиков, землемеры делают свое дело. «Это моя земля, как смеете вы вступать на нее без моего согласия?» кричит один

из пикетчиков. «По решению суда мы имеем право доступа на ваш участок в течение трех дней и только для землемерных работ», — терпеливо разъясняет представитель властей.

Стадия четвертая, она же последняя. Власти вновь приглашают владельцев сесть за стол переговоров. По сути дела все карты владельцев биты. Если не будет полюбовного соглашения, на основе проделанных замеров будут определены положенные по закону размеры компенсации и государство войдет в префектуральное собрание (окончательное решение в компетенции этого органа, соответствующего нашей областной думе) с просьбой о принятии постановления о принудительном выкупе участков. Весь процесс от начала и до конца займет тогда примерно полтора года — не слишком быстро, но и не слишком медленно. Но скорее всего до последней стадии не дойдет — позиция префектурального собрания известна, шансов на победу у землевладельцев нет. А если согласиться на мировую, то государство тоже пойдет навстречу, выплатив несколько большую компенсацию, чем минимальная по закону.

Рассмотрим некоторые стадии более подробно. В нашем тоталитарном государстве недавнего прошлого разговор завершился бы на первой стадии — выселяйтесь и все. Впрочем, даже тогда были партийные органы, к которым можно было апеллировать, хотя часто безрезультатно. В целом права личности перед произволом общества не были никак защищены.

Как обстоит дело в псевдолиберальном государстве — идеале «восьмидесятников»? На второй стадии каждый «владелец» отдельно стоящего дерева, под аплодисменты «борцов с тоталитаризмом» смело противостоял бы обществу, которое ничего не могло бы с ним поделаться не хочу и все, Впрочем, жизнь и тут вносит свои коррективы — приедут крутые ребята и быстро приведут «землевладельцев» в чувство. Миф о свободе частной собственности вновь оказывается мифом — ни личность, ни общество не защищены перед произволом криминальных групп.

Чужой опыт — наука для нас. В правовом обществе есть права частного собственника и есть права общества. Между этими правами можно и должно находить баланс, или тотальная свобода, или тотальное отрицание — дилемма фальшивая и вредная. На практике и в том и другом случае она приводит к произволу и неэффективности. В разумном правовом государстве предрешенности в каждом конкретном случае нет. В примере с курортным городом Каруидзава и решение арбитражного суда о проведении землемерных работ, и уверенность государства в окончательной победе опирались на сложившееся устойчивое мнение большинства местного (отнюдь не только дачного) населения, мнение органов местного самоуправления, с самого начала выступавшего в пользу строительства железной дороги, и расчеты на победу при голосовании в префектуральном собрании. Будь расклад общественных сил иным, и государство вынуждено было бы отступить на второй стадии.

В любом случае все делается спокойно, без истерики со стороны властей и в рамках закона. Пять тысяч «владельцев» отдельно стоящих деревьев — нонсенс, издевательство над здравым смыслом. У любого нормального человека это вызывает возмущение и желание одним махом разрубить «гордиев узел». Но рубить нельзя, надо распутывать. Рассмотренный нами пример — это пример практического взаимодействия двух важнейших элементов цивилизованного общества — частной собственности и демократии. В демократическом правовом государстве на всякий «гордиев узел» есть установленная законом процедура его распутывания, в итоге которой торжествует здравый смысл, а в нашем — остается только бессильно скрежетать зубами. Или, если есть возможность, прибегать к силе, но в этом случае, увы, вечный вопрос: «Кто меч скует?» и в чьи руки отдаст?

Повторим еще раз основные выводы;

Объявление свободы частной собственности без какого-либо практического механизма ее демократического ограничения в интересах

общества не отменяет действие этого механизма ограничения (который необходим и непременно присутствует в любом обществе), а лишь отдает его из рук государства в руки не связанных законом криминальных структур. И пусть, кто может, объяснит, чем это лучше прежнего механизма такого контроля — со стороны тоже не связанной законом криминальной структуры КПСС?

Такой путь в перспективе вновь ведет вообще к ликвидации частной собственности — либо путем установления в стране окончательного полновластия мафии, либо в результате взрыва социального возмущения и разворота на сто восемьдесят градусов.

По-видимому, смутные предчувствия этого овладели даже частью «восьмидесятников», по крайней мере они задумались перед приватизацией земли. Мое мнение по этому вопросу таково: безусловно, общее право частной собственности должно распространяться и на землю. Нам нужен рынок земли. Иначе мы никогда не сможем ее действительно эффективно использовать. Но это право, право на землю должно быть объектом очень тщательно продуманной и закреплённой законом системы юридического регулирования.

Здесь должно быть предусмотрено все, вплоть до права регионов и районов (например, казаческих) устанавливать зоны с общинным землевладением. Вся земля должна быть учтена и в каждом регионе детально проработаны зоны, в которых земельные участки могут использоваться только так и не иначе (за нарушение — изъятие без компенсации и уголовная ответственность).

Государству с этим объемом работы не справиться. Федеральный закон определит основные типы земельных зон (например, сельскохозяйственная земля, земля под жилое строительство, земля под промышленное строительство, лесоохранная зона, земля для государственных нужд, земля в

общинном землевладении и т.д. — вплоть до учета права на дневной свет, если понадобится), а местные земельные комитеты проведут классификацию и нарезку зон С утверждением В областных Думах. В отношении каждой зоны будет установлена не только сфера использования участков, но и особый налоговый режим. Земля в частном владении, которую будут держать «про запас» и вообще никак не использовать, будет облагаться таким налогом, который заставит ее продавать тем, кто хочет ее использовать.

То, что я привел здесь, — это лишь один из возможных вариантов решения проблемы. Я бы хотел отметить две разные темы в этом разделе. Одна тема — как это должно быть в принципе. Вторая тема — мое предложение конкретного решения. В любом случае — мы должны уйти от фальшивой идеологической дилеммы, когда вместо решения вопроса нам предлагается (с обеих сторон) бесконечная и бесплодная дискуссия, а тем временем земли, как и всем нашим богатством, овладевают те, кто не признает никаких дискуссий и не ведает никаких сомнений. Иначе говоря, надо двигаться вперед в создании реально действующего земельного права. Концепция моего решения — один из вариантов такого движения. Возможны и другие.

ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА

Плановая экономика есть высшая форма организации хозяйственной деятельности общества — учили нас учебники политэкономии недавнего прошлого. Сегодня «восьмидесятники» сменили один догмат на другой. Рыночная экономика, по их новому догмату, через механизм ценовой конкуренции обеспечивает эффективное использование ресурсов общества. Свободные цены уравнивают спрос и предложение в каждый данный момент и передают сигналы спроса производителям. Производство товара, на который спрос падает, сокращается, производство товаров повышенного спроса растет. Государству остается позаботиться только о контроле за денежным обращением, чтобы не допустить инфляции, которая есть в первую очередь «денежный феномен».

Подобный подход уже неоднократно и справедливо оспаривался. Но жизнь вновь заставляет к нему вернуться поскольку новый миф оказался таким же живучим, как и старый.

Действительно, экономической науке известны две теоремы, называемые первая и вторая основные теоремы экономики благосостояния. Первая утверждает, что состояние рыночного равновесия обеспечивает оптимальное (в смысле Парето) использование ресурсов. Оптимальность в смысле Парето попросту говоря означает достигнуто такое распределение ресурсов, при котором добавить что-то к благосостоянию одного индивида (или группы индивидов) можно, лишь что-то отняв у другого индивида (или группы индивидов). Если же такое состояние не достигнуто, то можно чье-то благосостояние улучшить, не ухудшая при этом ничье положение. Ясно что если можно кому-то что-то дать, ни у кого при этом ничего не отнимая, то такое состояние в любом обществе не может считаться «правильным». Если же такой возможности нет, то приходится сравнивать относительную «важность» с общественной точки зрения различных членов общества. Например, облагать налогами богатых и давать дотации бедным. «Чистая теория» за это не берется.

Вторая теорема экономики благосостояния утверждает что любое произвольное Парето — оптимальное состояние может быть реализовано на практике как рыночное равновесие. То есть общество может «на входе» задать какое-то нужное ему изначальное распределение собственности и предоставить сработать рыночному механизму. Результатом будет оптимальное распределение ресурсов на «выходе».

Из сказанного очевидно, что рыночный механизм не решает никаких социальных задач. «Оптимальное» распределение ресурсов, которое получается в результате его действия, не исправляет изначального перекоса если таковой имеется, в распределении собственности и прочих компонентов стартовых условий. Создание «правильных» с общественной точки зрения

стартовых условий остается при этом задачей общества, государства даже при самом идеально отлаженном рыночном механизме. В экономической науке существует целый раздел экономики благосостояния, занимающийся этим вопросом, на эту тему написаны толстые тома. У нас же некоторые экономисты-журналисты настолько далеко зашли в поклонении новому идолу, что готовы приписать рыночному механизму совершенно несвойственные ему функции.

Если ваши сбережения съела инфляция, если у вас не было ценной недвижимости или номенклатурных связей если вы имели несчастье уже достигнуть преклонного возраста или работать в бюджетной сфере и потому стартовали в рыночной экономике с самых невыгодных позиций и оказались сегодня на самом дне, то ничего тут не поделаешь, это законы рынка, говорят вам. Полноте, господа! Рынок здесь ни при чем. Рынок просто, как зеркало, показывает несостоятельность (вернее, отсутствие, вашей политики приватизации и доходов.

Зададим, однако, и другой вопрос: насколько сам рынок совершенен как метод распределения ресурсов? Иначе говоря, всегда ли справедлива первая теорема экономики благосостояния? Всегда ли рынок лучше плана? Уже сама постановка этого вопроса звучит кощунственно для «восьмидесятников», так же как для присяжных политэкономов нашего прошлого кощунственно звучала противоположная постановка.

Научная литература подходит к этой проблеме, как и ко всякой другой, без эмоций. Практически в каждой книге, так или иначе затрагивающей эту проблему, вы найдете более или менее полный перечень тех предпосылок, которые должны выполняться, чтобы можно было говорить об эффективности рыночной организации хозяйства. Вот только малая часть этого списка:

- экономические агенты должны действовать абсолютно рационально и обладать даром совершенного предвидения на бесконечном горизонте экономической жизни. Иными словами, вы не только должны точно знать, сколько и каких потребительских товаров вы хотите приобрести на свою зарплату в этом месяце, но еще и по какому курсу вы сможете продать через десять лет имеющиеся у вас акции АО МММ и какого качества и цвета автомобиль вы приобретете тогда на вырученные деньги. Вы не знаете? Тогда нечего и думать об эффективности рыночного механизма;
- Экономические агенты должны действовать в условиях совершенной конкуренции. Это означает что ни один потребитель и ни один производитель не могут, сокращая или увеличивая потребление и производство, оказывать воздействие на цену потребляемого или производимого ими товара, Вы монополист в производстве детали «икс» и сами устанавливаете цену, которую вынужден принимать покупатель? Опять-таки об эффективности рыночного механизма не может быть и речи;
- действия одного экономического агента не должны оказывать неопосредованного рынком «внешнего воздействия» на другого агента. Если наверху по течению реки строят электростанцию и из-за этого ухудшаются условия рыболовства вниз по течению, то это есть повод для вмешательства государства, сам рынок с этой проблемой не справится;
- не должно быть «общественных» товаров, то есть, таких, потребление которых не может в принципе иметь частный характер. Двум деревням нужно построить мост через реку, которым будут пользоваться жители обеих. Без договоренности (без общественного вмешательства)

никакой рынок не решит проблему, кто будет платить за строительство.

Каждый из перечисленных пунктов имеет свое экономическое название. Первая проблема это проблема неопределенности и ограниченной рациональности, вторая проблема монополизма, третья — проблема «внешних эффектов», четвертая — проблема «общественных благ». Есть еще много других — оппортунизм (в отличие от честного эгоизма), несовершенство контрактов, физическое отсутствие многих рынков, моральный риск (moral hazard) и т.д. Каждому из этих факторов можно было бы посвятить отдельное исследование.

Что дает плановое начало? Идея проста: если рыночный механизм не срабатывает эффективно, только объединение независимых агентов под эгидой общего управления может значительно помочь. Посмотрим, в чем и как. Возьмем проблему неопределенности. Если все производство расписано по плану, то неопределенности нет, она устраняется полностью, по крайней мере в теории. В пятилетнем плане было записано, что какое предприятие и в каком количестве будет производить в мае 1964 года.

«Восьмидесятники» до сих пор не упустят случая позубоскалить над программой «500 дней» — в ней, дескать, пытались предвосхитить объективный ход событий и предписать, что делать на сотый день, а что на сто двадцатый. Эти насмешки быют совершенно мимо цели, потому что главной задачей было в максимально возможной степени снять неопределенность как фактор, мешающий эффективному действию рыночного механизма. Всякий, кто знаком с теорией рациональных ожиданий, понимает, какое большое значение в момент кардинального поворота в политике имеет четкое заявление правительства о своих намерениях и программе, о твердой решимости проводить ее в жизнь по заранее определенной схеме.

Если правительству поверят, то экономические агенты подстроят свои ожидания под правительственную программу, и тогда она точно будет реализована. Если же, как это получилось на практике в 1992.году, правительство начинает поворот без такой программы, дескать, давайте начнем, а там видно будет, оно тем самым принимает стихийную и неэффективную из-за крайней неопределенности схему рынка и вынуждено плыть по воле волн.

Вернемся к соотношению рынка и плана. Помимо устранения неопределенности, вмешательство планового начала может решить и много других проблем. В отношении проблемы монополии это очевидно. Во всех западных учебниках экономики написано, что там, где существенную роль играют монополистические производители, допускать полной свободы рыночной стихии нельзя. Пусть «восьмидесятники» найдут хоть одну область, в которой у нас монополистический фактор не играет существенной роли. Для решения проблемы «внешних эффектов» и общественных товаров необходима система налогообложения и субсидий — механизм, немыслимый без государственного вмешательства. Решение проблемы оппортунизма, несовершенства контрактов и морального риска требуют концентрации собственности, то есть, планового начала не в масштабах всего общества, но в масштабах крупной компании и т.д

Так что же остается на долю рынка? Очень многое. Для того, чтобы понять что, рассмотрим теперь факторы неэффективности планового способа ведения хозяйства.

Первый такой фактор — продолжение его достоинства. Да, план устраняет, должен устранять, во всяком случае неопределенность. Но мы видели уже, что в значительной мере неопределенность есть следствие нашей с вами «ограниченной рациональности». Ну, не знаем мы с вами какого цвета туфли захочет завтра быстро подрастающая дочь. Если бы у нас было общество роботов, действующих по заранее заданной программе на годы вперед, то

плановое хозяйство могло бы быть гораздо более эффективным. Но и этого недостаточно, ведь есть еще капризы природы, У вас программа на десять лет вперед, но разразилась засуха и вы не получили столько пшеницы, сколько планировали. И вот весь ваш идеальный план пошел насмарку.

В плановой экономике нет механизма приспособления к меняющимся вкусам, потребностям, техническим возможностям, объективным условиям. В рыночной экономике роль этого механизма выполняют ценовые сигналы рынок — это самокорректирующийся механизм. В плановой экономике коррекцию должны выполнять плановые органы, но в развитой и диверсифицированной экономике объем их работы и информации, которую они должны иметь, является совершенно невероятным. Поэтому плановая экономика работает относительно лучше в своей начальной стадии экстенсивного хозяйства и чем дальше, тем меньше соответствует потребностям общества. Устранение неопределенности путем введения планового хозяйства чем дальше, тем больше оказывается иллюзорным: плановые органы не справляются с объемом работы, планы не стыкуются друг с другом, возникает специфический, знакомый всем хозяйственникам «развитого социализма» плановый хаос.

Экономика не реагирует на сигналы спроса (не имеет механизма непосредственной передачи производителю таких сигналов), поэтому по мере ее развития нарастают явления дефицита и затоваривания, растет неудовлетворенность потребителей. Экономика, что ещё более важно, не имеет непосредственно действующего механизма внедрения новых технологий, так как не ориентирована на прибыль. Всем памятен разрыв между уровнем фундаментальных разработок и прикладной технологии, который сложился в нашем народном хозяйстве, когда великолепные конструкторы и умельцы десятилетиями не могли найти никого, кто заинтересовался бы внедрением их изобретений.

Наконец, еще одной проблемой плановой экономики является проблема экономических стимулов. Как отмечает видный американский экономист О.Уильямсон, переход к централизованному управлению не упраздняет вообще наличия сделок между людьми, он лишь меняет характер таких сделок. В частности, «сильные» (high-powered) рыночные стимулы замещаются «слабыми» (ow-powered) внутриорганизационными стимулами. Особенно в динамике развития плановой экономики — это все больше разбалтывает и ослабляет дисциплину в ней. Периодические кампании закрутки гаек дают все меньший эффект, а введение «экономических стимулов», как мы видели, разъедает ржавчиной всю систему в целом и приводит в конечном счете ее к гибели.

Каков же вывод? Он состоит в следующем?

И плановое хозяйство и рынок неэффективны в силу разных причин и в разной степени, но в принципе одинаково не могут обеспечить оптимального использования ресурсов. Это, однако, повод для отчаяния только для большевиков и необольшевиков с обеих сторон. Для нормальных здравомыслящих людей это лишь означает, что каждое общество должно искать оптимальное сочетание того и другого, уметь нащупать ту границу либерализации (или, наоборот, централизации) хозяйственной жизни, за которой дальнейшее продвижение в ту же сторону (либерализации или, наоборот, централизации) приводит к тому, что отрицательный эффект перевешивает положительный. Собственно, в этом нет ничего особенного — это просто еще одна задача на максимизацию с ограничивающими условиями.

Наше плановое хозяйство, давно и бесповоротно перейдя эту границу, развалилось под собственной тяжестью, оставив нам губительное наследство. Все его элементы — сильнейшая неопределенность, крайне ограниченная рациональность участников игры, всепроникающий монополизм, отсутствие понятия контракта, белые пятна типа АО МММ вместо целого ряда рынков

(труда, земли, ценных бумаг и т.п.) и прочее и прочее просто вопиют о необходимости скоординированного правового и экономического регулирования. Но правительства, способного на это, сейчас в стране нет. В результате мы получаем не рынок, а постплановую экономику.

Как же нам подойти к организации цивилизованного российского рынка? Я хочу сразу оговориться, что не собираюсь придумывать ничего сверхъестественного. Прошло безвозвратно то время, когда одним волевым актом центра можно было попытаться осуществить одномоментный рывок. Мы все это чувствуем. Люди, столь внимательно читавшие и спорившие по поводу программы «500 дней», зачастую не утруждают себя даже перелистыванием какой-нибудь очередной комплексной программы перехода к рынку, коим несть числа. По моему ощущению, инфляция программ может по темпам поспорить с инфляцией рубля. Произошла такая инфляция оттого, что в России на самом деле нет правительства, способного проводить в жизнь абстрактно-рациональную программу перехода к рынку, и в обозримом будущем, видимо, не будет.

Вместо такого рода дискредитировавшего себя подхода я хочу предложить ряд мер, которые основаны на приведенном в предыдущих разделах осмыслении происходящих в экономике процессов и ставят своей задачей подтолкнуть их в нужном направлении. В отношении всех предложенных мер можно назвать реальные социально-экономические силы, заинтересованные в их реализации.

Первое решение, которое приходит в голову каждому, кто сталкивается с уродствами постплановой экономики, — попытаться вновь обеспечить серьезное руководство экономикой со стороны государства на переходный период. Такой подход в наших условиях в принципе неправилен. Есть большие сомнения в возможности его практической реализации, связанные в первую очередь со слишком широко распространившейся коррупцией государственного аппарата и его крайней неэффективностью во всем, что не

связано с удовлетворением личных интересов. Иначе говоря, руководящая роль государства в экономическом развитии, помимо органического понимания и искренней приверженности идеям свободной экономики, предполагает наличие мощной прослойки не коррумпированного и готового служить Отечеству чиновничества, наличие определенного общественного доверия к этому чиновничеству и устойчивого механизма реализации принятых решений. Всего этого сегодня нет, а значит, и механизм перехода к рынку должен быть иным.

Роль правительства в обозримом будущем должна будет ограничиваться кризисным контролем (предотвращение чрезвычайных ситуаций), что само по себе является в наших условиях сложной задачей. Кроме-того следующие направления деятельности правительства могли бы направить уже возникающие стихийно в экономике процессы в конструктивное русло и ограничить их разрушительное побочное действие.

Во-первых, не мешать уже возникшей в экономике тенденции к созданию интегрированных групп предприятий и их цепочек. При этом нужно создавать такие условия, при которых формирование таких групп протекало на возможно более конкурентной основе.

В настоящее время нельзя признать актуальным аргумент, что, учитывая технологический характер монополий в России, создание финансово-промышленных групп усилит монополистические тенденции в экономике. В то же время, положительный эффект от создания таких групп будет ощущаться хотя бы в том, что несколько наладятся отношения поставок, сбыта и платежей. Ситуация, при которой каждое отдельное предприятие само ищет поставщиков и рынок сбыта, решает проблемы платежей и получения банковского кредита, существует только в абстрактных построениях учебников начального курса.

Современные смешанные экономики постоянно совершенствуют сочетание свободной конкуренции, необходимой для быстрого реагирования на меняющиеся внешние условия, и организации, направленной на интеграцию хозяйственной информации и снижение потерь от неопределенности. Для каждой развитой экономики в каждый период ее существования это сочетание свое и его нарушение в ту или в другую сторону ведет к кризису и экономической стагнации. Создание финансово-промышленных групп, тенденция к которому наметилась в российской экономике, означает, что начался стихийный поиск российским бизнесом оптимального уровня организации хозяйственной деятельности в нынешних условиях России.

Этот процесс может помочь преодолению взаимного паразитирования постгосударственного и частного секторов друг на друге, о котором мы говорили выше. Задача государства состоит в том, чтобы, не вмешиваясь непосредственно, корректировать этот процесс, не допускать супермонополизации и паразитирования на криминальных связях.

Во-вторых, как вытекает из нашего анализа постпланового государства и рынка в части второй, необходимо избавиться пока хотя бы от высокой инфляции. Здесь две задачи: а) ликвидировать зависимость государственного бюджета от инфляционного налога и б) повернуть вспять те средства, которые из-за инфляции уходят из производственной и официальной экономики в спекулятивную и теневую.

Чтобы избавиться от инфляционного налога, государству нужно преодолеть свои «постплановую» инертность и безразличие и научиться собирать налоги цивилизованно. Долгосрочная задача здесь — ввести цивилизованную систему налогообложения прибыли, личных доходов, имущества и т.д. Но будем реалистами. В наших условиях все попытки укрепить фискальную службу ведут только к ещё большему росту налогового бремени постгосударственных предприятий, следовательно, к еще большему оттоку средств на черный рынок, к сужению налоговой базы, к дальнейшему витку

ужесточения фискальных мер и т.д. Относительно того, как избирательно, мягко говоря, действует налоговая инспекция в отношении частного сектора и физических лиц, тоже говорить не приходится — у всех в памяти кадры захвата в лучших традициях американских боевиков особо опасных подозреваемых С. Мавроди и Л.Вайнберга.

Предложения, которые позволили бы даже при нынешнем качестве государственной налоговой инспекции избавиться от необходимости взимания инфляционного налога, известны. Речь, в частности, о концепции, предусматривающей перенос тяжести налогообложения с доходов, получаемых от трудовой, инновационной и инвестиционной деятельности, на дифференцированное налогообложение имущества, включая природные богатства, и видов деятельности, связанных с негативными экологическими и социальными последствиями, и расходов на потребление.

Не вызывает сомнений болезненность этой меры, но от нее в отличие от других болезненных и бессмысленных мер можно ждать экономической отдачи. Переход к налогообложению имущества, недвижимости, запасов при снижении налогообложения потоков доходов позволит хотя бы частично устранить несправедливость в налогообложении, когда частный бизнес практически уходит от налогов, а предприятия с нормальными бухгалтериями стонут от непомерного бремени. Расчеты, например, исследователей ЦЭМИ РАН, показывают, что налоговое бремя можно будет перераспределить весьма радикально. При этом можно продумать систему защиты от налогов объектов социальной инфраструктуры и имущества, накапливаемого для инвестиций.

Далее, налогообложение не на стадии получения дохода, а на стадии приобретения или пользования имуществом снизит возможности легальной утечки капитала с помощью занижения бартерных цен при внешнеторговых операциях.

И еще, одна из главных причин неэффективности нашей экономики — отсутствие рынка имущества, а одна из причин отсутствия такого рынка — отсутствие налогообложения владельцев имущества. Если имущество станет облагаться чувствительным налогом, неэффективным владельцам придется его продавать. Это, конечно, вызовет их недовольство, но, с другой стороны, очень мощный социальный слой, скопивший большие деньги, будет это приветствовать. Нам нужно резко повысить оборачиваемость не денег (она и так непомерно велика), а реального капитала, это приведет к оживлению всей экономики. Налог на имущество — мощное средство повышения такой оборачиваемости.

Не надо строить иллюзий. Подобного рода подход вызовет бешеное сопротивление, вплоть до попыток физического террора, со стороны тех, кто зарабатывает миллиарды, не платя сегодня ни копейки налогов. Но и в обществе, и в российском бизнесе уже есть здоровые силы, которые понимают, что так дальше продолжаться не может.

Не надо устраивать охоты на ведьм. Передел собственности недопустим. Да, жалко пропавших народных денег неприятно смотреть на сытость, источник которой — разграбление страны. Однако на переделе мы потеряем больше, чем приобретем. Зато необходимо дать понять, что время грабить вышло, И, дав понять это, сделать так чтобы это поняли те, кого оно касается: у грабителей не должно остаться иллюзий.

Для того, чтобы решить вторую часть задачи — вернуть средства из теневой экономики в производственную сферу, нужно создать в стране благоприятный инвестиционный климат. Вот что можно было бы сделать в первую очередь:

- устранить с помощью индексации оборотных средств и оценки основного капитала ситуацию, при которой, по существу, налогом обкладывается не только прибыль, но и амортизационные отчисления и

оборотные средства. Разумеется, это приведет к серьезному недобору налогов, но иначе вообще нельзя говорить о преодолении спада и возобновлении инвестиционного процесса—изменения системы налогообложения, описанные выше, помогут не допустить слишком большого дефицита госбюджетах;

- переориентировать государственные расходы с дотирования текущих операций на инвестиции. Но есть серьезные сомнения в том, что государство должно финансировать инвестиции в оборудование по проектам, отобранным, допустим, Минэкономики. Инвестиции в промышленность должны идти главным образом частные, а государство должно их поощрять (некоторые меры для этого названы выше, снижение инфляции и процентных ставок будет очень этому способствовать, наконец неплоха идея государственных гарантий для консорциума частных инвесторов, которую, кажется, поддерживает правительство);
- наращивать смешанные (государственные и частные) инвестиции в инфраструктуру, ставя перед собою две цели: предоставление работы безработным и создание общественного капитала (дома, дороги, коммуникации и т.д.). Это тоже будет способствовать оживлению нормальной хозяйственной деятельности, снижать для предприятий издержки по переключению с черного на официальный рынок налаживать систему долгосрочного кредитования. Об этом я подробно писал в «Уроках экономической реформы» и не буду повторяться. Подчеркну только, что эта система сможет работать по назначению тоже только тогда, когда будут преодолены инфляция и высокие процентные ставки;
- стимулировать сбережения населения, подумав хотя бы о какой-то форме частичной компенсации тем, кто потерял все на гиперинфляции и, эффективно защитив от инфляции средства в Сбербанке при одновременном принятии юридических норма ограничивающих

возникновение мошеннических пирамид и посулы экономически не обоснованных высоких процентов.

ПРОГРАММА ПРИВАТИЗАЦИЙ

Как мы показали в предыдущих главах, ключевым вопросом трансформации плановой и затем постплановой экономики является вопрос о собственности.

Правительство в своем докладе от 1 июля 1994 года («Об итогах первого этапа приватизации...») заявляет об успехах чековой приватизации, главным результатом которой стало, по его словам, «создание в России широкого слоя частных собственников», к которому абзацем далее причислено «более 40 млн. россиян», ставших «акционерами акционерных обществ или чековых инвестиционных фондов». Из 30 664 предприятий, включенных в общий Реестр предприятий, подлежащих акционированию, 71% уже зарегистрированы как акционерные общества.

Подобного рода оптимистическая оценка, прямо скажем, разделяется сегодня совсем немногим числом специалистов политиков. Действительно, «более 40 млн. россиян» не стали частными собственниками только от того, что получили по одной-другой акции какого-то АО или фонда. Для 95% из них это примерно то же самое, что найти на улице 30 тысяч рублей и положить их в Сбербанк с таким же отсутствием надежды, что через год это будет хоть чуть-чуть больше, чем сегодня.

Из акционированных предприятий, как отмечает все тот же правительственный доклад, 75% (что уже составляет заметно больше половины всех предприятий, включенных в общий Реестр) выбрали вариант с выкупом 51% акций трудовым коллективом. Это дало основание говорить что результатом ваучерной приватизации стала не приватизация, а коллективизация бывшей государственной собственности. Но при этом следует учесть, что большая часть акций трудового коллектива находится в доверительном управлении руководства предприятия и рядовые работники в

управлении никак не участвуют. Если учесть, что главные прибыльные сделки очень часто проходят через черную кассу, то рядовые работники по сути дела не участвуют и в прибылях (если только потихоньку не приворовывают на своем «приватном» предприятии сами).

Я бы хотел здесь выдвинуть тезис, который кому-то на первый взгляд покажется парадоксальным, но который прямо вытекает из проделанного анализа.

Приватизации в России (оставляя в стороне малую приватизацию, о которой особый разговор) еще не было вообще. Вместо нее был завершен определенный этап трансформации номенклатурной собственности. По мере ослабления планового режима Политбюро, как мы уже писали, теряло свой контроль единого собственника по всей стране и эти функции, де-факто, присваивали местные представители партийного и государственного аппарата, директора и их окружение, дельцы черного рынка. После окончательного краха коммунистической системы этот процесс дошел до своего логического завершения.

Фактическая собственность на основные средства производства (право контроля и распоряжения) сегодня как и в недавнем прошлом, поделена между директорами и их окружением местными властями и «коммерческими структурами», зачастую наполовину состоящими из вчерашних партийно-комсомольских деятелей и представителей черного рынка. Не изменилось ничего, кроме того, что потерявшее собственность Политбюро (а заодно и все государство, которое оно представляло), было открыто упразднено. Рядовые работники, как и прежде не воспринимают предприятие как свое и несут с него все, что могут, не исключая работу налево на рабочих местах. Даже те ограничения, которые накладывались на теневую деятельность (в виде применения суровых партийных наказаний к нарушающим правила игры), тоже иногда сохраняются. В экстремальных случаях коллектив работников-акционеров — как на Первом Московском часовом заводе — или

местные власти — как на ГАЗе — вмешиваются и отстраняют либо призывают к порядку директоров.

Но если приватизации еще действительно не было, то возникает вопрос, когда же она состоится и как будет выглядеть. Здесь как и выше, я хотел бы выделить две основных линии. Первая — это естественное развитие событий. Нам надо вначале понять его логику. После этого во вторую очередь нам надо посмотреть, как можно действовать в соответствии с этой логикой, направляя ее в нужном направлении. Мы увидим тогда одновременно, к чему приведет пассивное следование за событиями или действия им наперекор.

К сожалению, в отличие от предыдущих вопросов, где речь шла о повышении эффективности рыночного механизма, в принципе выгодного всем, здесь речь идет о закреплении прав собственности, при которой дать кому-то автоматически означает отнять у кого-то. Поэтому и естественный ход событий в вопросе приватизации при нынешних исходных условиях, когда значительная часть собственности уже находится под фактическим контролем упомянутых выше номенклатурных групп, не дает повода для большого оптимизма.

Во-первых, при сохранении нынешних тенденций нам, по-видимому, надолго придется забыть не то что о социальной приемлемости в распределении собственности, не только, соответственно, о стартовых условиях в рыночной экономике, но и об элементарном правопорядке и безопасности на улицах. Не закрепленный никакой юридической процедурой и зачастую криминальный характер распоряжения большинством объектов уже приводит и будет в дальнейшем приводить ко все более жестоким разборкам. Такая тенденция грозит установлением мафиозно-террористического режима, где у каждой территории будет свой хозяин держащий в страхе и повиновении всех — с периодическими вспышками насильственного передела.

В условиях подобного рода «конкуренции» хозяева-преступники будут все более вытеснять тех, кто пытается хоть как-то действовать в рамках если не закона, то хотя бы общечеловеческой морали, будет происходить все более тесное сращивание легального и полулегального бизнеса с госаппаратом на местах и, что в перспективе самое страшное, произойди их тесное объединение с производителями и торговцами наркотиков, оружием, с зарубежной мафией, государство, точнее, кремлевские власти которые уже не будут представлять никакого государства в этом случае, в этом сценарии будет все более вырождаться в одну большую мафию, которая будет разбойничать и грабить наравне с остальными.

Перспектива осуществления этого сценария даже на десять процентов в стране, которая «нашпигована» ядерным, химическим и биологическим оружием, не говоря уже об атомных электростанциях, магистральных трубопроводах и т.д., способна вызвать весьма неприятные ассоциации. Между тем, на наших глазах реализуются практически все его элементы. Сегодня вопрос лишь в пропорциях, которые не достигли пока критической массы. То, что этот рубеж в принципе может быть перейден, показывают примеры таких стран, как Колумбия, Камбоджа, Афганистан, некоторые из республик бывшего Советского Союза.

Я хочу здесь еще раз обратиться к здравому смыслу и воображению тех, кто озабочен опасностью «возврата к прошлому», упуская из виду гораздо более реальную и потому серьезную опасность. Хуже всего для общества состояние, когда нет общественного контроля за властью, пусть она трижды назовет себя демократической. Но все мы хорошо знаем, что натворила власть, оставшаяся без общественного контроля 75 лет тому назад. Сегодня, оказавшись в аналогичной ситуации, эта власть, возможно, сама того не желая, завершит наш переход к сценарию, описанному выше.

Самый действенный механизм общественного контроля — периодическая сменяемость власти через свободные выборы. Если вы сегодня хотите

временно отменить действие этого механизма из опасений, что народ неправильно выберет, знайте, — тем самым вы подписываете приговор попытке прийти к цивилизованному обществу, а возможно, и вообще России. Фронтальную атаку со стороны фашистов, коммунистов, национал-патриотов и прочих Россия, я убежден, выдержит. Но одобряя откат от законной процедуры сменяемости власти, вы совершенно точно столкнете общество в пропасть криминально-мафиозного управления и сами окажетесь в числе его жертв. Об этом говорит опыт нашей собственной истории. Об этом говорят все те сегодняшние тенденции, которые мы видим.

Однако хватит сценариев из фильмов ужасов. Привлекая внимание к этой опасности, я хочу в то же время сказать, что не верю в то, что это может Произойти в России сегодня. Россия — не Колумбия и не Камбоджа. Россия — это даже не Германия 1933 года. И сейчас у нас есть все возможности обойти те рифы, на которые несет наш корабль. Об этом — чуть ниже.

Вторая тенденция, которая вызвана сегодняшним порядком номенклатурно-мафиозного распределения бывшей государственной собственности, — это падение экономической эффективности. Я писал уже об этом выше. Говоря коротко, речь идет о том, что временщики, захватывающие контроль, не заботятся о долгосрочных интересах экономики, а раздробление собственности без учета технологических и прочих взаимосвязей ведет к прогрессирующему параличу производства. Номенклатурно-мафиозная приватизация не создает эффективного собственника. По существу дела (опять-таки за исключением малой приватизации и то лишь там, где её объекты не полностью включены в криминально-корпоративную сеть) ничего не меняется по сравнению с последним периодом разложения плановой экономики все те же неэффективные хозяева, только воруют более нагло и открыто. Отсутствие приватизации означает и отсутствие механизма сменяемости хозяйственных руководителей в зависимости от результатов их

хозяйствования, отсутствие стимулов к настоящей реорганизации производства и повышению конкурентоспособности.

Но в этой второй тенденции заложены и те объективные силы, которые могут помочь нам, при правильном их использовании и направлении, перейти к подлинной приватизации, совершить-таки и в этой области прорыв к настоящему рыночному хозяйству.

Каков здесь мог бы быть порядок конструктивных действий разумного правительства, ориентированного на настоящие реформы и на возрождение России? Вот мой сценарий. Возможны и другие, я опять-таки лишь призываю к диалогу.

Самое главное. Из двух приоритетов политики приватизации — социальной справедливости²⁴ и повышения эффективности — сегодня необходимо, по моему твердому убеждению, выбрать второй. Я понимаю, что с этим трудно сразу согласиться (и мне самому тоже). Но давайте подумаем, что мы получим, если сначала займемся первым. Это будет означать настоящий насильственный передел собственности, и его можно будет осуществить только путем кровавого террора. Одно дело, когда мы (как, в частности, предполагается в наших предложениях по-изменению системы налогообложения в предыдущей главе мягко и постепенно попросим неэффективную часть нынешних хозяйчиков отойти, не трогая того, что они уже имеют и еще успеют получить. И совсем другое дело, если мы завтра принимаем декрет о национализации и начинаем заново все делить. Это — путь к гражданской войне, и я боюсь, что итогом нового передела в конечном

²⁴ С моей точки зрения, вообще всерьез говорить о социальной справедливости по существу бессмысленно, а политически весьма опасно. Едва ли не все самые большие кровопролития в истории происходили именно под такими лозунгами при попытке их осуществления на практике, Христиане знают, что справедливость ожидается лишь после Второго Пришествия Христа, когда наступит тысячелетнее Царство Божие на Земле. Попытки установить до этого Справедливость — это богоборчество, а кто борется с Богом тот помогает ... Вот откуда и кровь, и беда
Другое дело социальная приемлемость, означающая такое положение, с которым подавляющая часть граждан, а потому и общество в целом, готовы смириться или согласиться при данных исторических условиях на какой-то период времени

счете тоже окажется тот же сценарий из фильма ужасов, к которому мы придем, если не будем делать вообще ничего.

В отличие от такого, насильственного и потому тупикового пути, путь ориентации на эффективного собственника реален и возможен. Более того, когда мы достаточно продвинемся вперед по этому пути, мы сможем по-новому выйти и серьезно решить вопрос о социальной приемлемости. По-новому потому, что не с помощью очередного трюка (использование ваучеров или чего-либо подобного), но с помощью сбора налогов и их направления на помощь тем, кто остался без собственности. серьезно потому, что всегда проще и безболезненнее решать проблему дележа пирога, когда он растет в размерах, чем когда он тает.

Давайте попробуем разобраться в том, что мы можем поделить сегодня. С землей — разговор особый и наш вариант решения этой проблемы уже был. Ресурсы — эта тоже особый разговор, их надо делить с помощью налоговой системы, предложенной во второй главе. Остаются постгосударственные, формально акционированные или неакционированные предприятия, включая сельскохозяйственные. Но всем уже сегодня ясно, что без эффективного собственника они обречены на умирание. Ни в чем так ярко не проявляется опасность для будущего России положения с собственностью, как в умирании ее производственного потенциала. Делить тут уже почти нечего, а скоро будет и совсем нечего, нужно думать о том, как восстановить это или создать заново.

Представления о том, что у нас еще много всего, что можно поделить, опираются на очевидное всем богатстве «новых русских». Но его источники — вне промышленности. Они, как мы уже отмечали, в том, что доходы от торговли ресурсами на мировом рынке перестали идти на военные нужды и попали в частные руки. Они — в дешевой рабочей силе, они, наконец, в том ценном, что было на предприятиях, но, по большей части, уже вынесено с них.

Богатство все более сосредоточивается в теневой части постплановой экономики, а затевать дележ здесь — это значит идти на конфискационный террор и опять-таки гражданскую войну. Это не наш путь. Нам невозможно и не нужно делить богатство «новых русских». Нам надо сделать так, чтобы оно заработало на все общество. Предпринимательство — органически присущее людям свойство, но деятельность предпринимателей может быть полезной для общества, а может и не быть. Это зависит от того какие правила, какое русло для предпринимателей установило государство. Так что если вам не нравятся наши предприниматели, то это не их проблема — это проблема правительства, установившего такие условия их деятельности.

В отличие от простого дележа мы сможем здесь найти общественные силы, на которые можно опереться. Большинство постплановых предприятий остро нуждается в деньгах, Ваучерная «приватизация» превратила их в акционерные общества, но ни копейки денег за выпуск акций им не принесла. Переход к денежному этапу приватизации, намеченный в правительственной программе, объективно обусловлен потребностью производственной сферы в денежных средствах.

Крупные инвесторы (частные лица, чековые и прочие фонды) путем скупки уже выпущенных акций, а еще более путем приобретения новых выпусков акций будут помогать обретению предприятиями эффективных собственников. Оставим в стороне вопрос, откуда взялись эти деньги. Как правило, они взялись не очень честным путем. Среди частных инвесторов и фирм много таких под прикрытием которых действуют сами же директора

составившие свои состояния на черной кассе. Все это так. Но если директор, накопивший в черной кассе большие средства, хочет их вложить в свое предприятие, значит, он может стать эффективным собственником так отдайте ему это предприятие, и пусть его хоть и не слишком честные деньги работают. Нынешнее состояние хуже всего. Еще раз — нам не нужно сегодня разбираться с каждым инвестором, откуда он взял свои деньги. Нам надо,

чтобы он не прятал их в западном банке, а пустил, и уже сегодня, в дело — в дело воссоздания российской индустрии и рынка.

Что же касается социальной приемлемости, то, повысив эффективность и не потеряв демократического механизма сменяемости власти, мы решим эту проблему без крови и так, как она должна решаться и как ее в конце концов решили все, кто прошел путь к эффективному рынку раньше нас. Мы решим эту проблему даже намного быстрее и, может быть, лучше других, так как идея социальной справедливости всегда находит отклик в сердцах людей. До сих пор ее эксплуатировали в своих целях политические демагоги и шаманы, в результате мы не получили социальной справедливости и далеко ушли от эффективности. Давайте зайдем теперь с другого конца — с эффективности и политической демократии, это и будет наконец, наш, российский, путь к тому обществу, о котором веками только мечталось.

Финансово-промышленные группы, о которых уже говорилось, — тоже один из путей к появлению у нас эффективного собственника. Концентрация раздробленной до невозможности постгосударственной собственности до экономически рациональной степени²⁵ отсечет от пирога плеяду мелких паразитов. Это ведь именно они, а не настоящие российские бизнесмены так раздражают всех нас своим наглым, вызывающим поведением, это в их руках сегодня оседает и транжируется большая часть чистого продукта общества. Государство в его нынешнем состоянии в России не сможет само навести порядок во всем обществе. Нужно дать возможность сделать это крупному, серьезному бизнесу, который намерен работать в нашей с вами стране всерьез и долго. Он сам призовет государство на помощь там, где будет нужно.

Что при этом будет делать государство? Еще очень многое останется на его долю. Государство должно будет следить за тем, действительно ли

²⁵ Это абсолютно не касается мелкого и среднего бизнеса, экономически оправданного и действительно нуждающегося в настоящей помощи и защите. Эта сфера нам чрезвычайно нужна.

эффективный собственник появляется на покупаемых крупными инвесторами предприятиях. Например, многие предприятия могут быть куплены только ради их имущества и недвижимости. Этому не нужно препятствовать. Но государство должно обставить покупку таких предприятий условием, что новое использование имущества и недвижимости не должно привести к массовой безработице или к потере экономикой какого-то необходимого продукта.

Есть предприятия, которые не купит вообще никто и никогда. Как правило, они концентрируются в определенных районах, которые можно назвать «зонами экономического бедствия». Для таких районов нужно специальное законодательство и процедура утверждения Думой по представлению правительства с тем, чтобы практика предоставления льгот и прочих мер по спасению утопающих стала действительно адресной, с четко сформулированными критериями и требованиями, с понятной всем процедурой оформления. Перечень таких зон должен быть строго ограничен и определяться, в первую очередь, исходя из общественной опасности кризисного развития в них (производство или хранение ядерного оружия и компонентов к нему, прочих видов оружия массового уничтожения, опасность крупных экологических катастроф и т.д.). В этом случае можно будет внятно объяснить адреса помощи.

Далее. Чтобы стимулировать конкурентный отбор эффективных собственников, государство должно незамедлительно и не формально ввести в действие механизм реализации залогового права. В России сегодня ни один закон не исполняется, если за ним нет экономического интереса. Но за залоговым правом есть интерес банковского и прочего крупного капитала, который, ссужая деньги предприятиям-банкротам и получая затем прав собственности на все их имущество, может быстро и без проблем овладеть ими. Государство должно следить за тем, чтобы это не привело к

социальному взрыву и чтобы использование такого права не приводило к утечке капитала.

Возможность получения банковского кредита под залог имущества, недвижимости и т.д. позволит также проверить истинную цену сегодняшних заявлений многих руководителей промышленных предприятий и колхозов о том, что, будь у них деньги, они заработали бы по-настоящему эффективно. Действительно, в условиях гиперинфляции и положения, когда под залог банки принимают только валютные счета, запасы сырья и прочие высоколиквидные активы, трудно разобраться, кто из руководителей реально мог бы наладить производство по-новому и эффективно, а кто просто, как говорится, тянет резину. Введение настоящего залогового права даст возможность желающим попробовать — не получится банк назначит нового управляющего.

Для многих предприятий, попавших в руки неэффективных собственников, которые не интересуют банки и финансово-промышленные группы и в то же время не могут быть отнесены к категории терпящих бедствие потребуется переделка под правительственным руководством. В первую очередь для этого нужно предусмотреть соответствующие механизмы в бюджетах — федеральном и обязательно в местных, нужны расходы, и немалые, для реформирования предприятий, для поддержки приоритетных и социально значимых отраслей. Эти расходы не должны производиться в качестве раздачи субсидий и льготных кредитов, но путем приобретения правительством или специально уполномоченными на то банками контрольного пакета акций и прямого участия в управлении такими предприятиями.

Такая своеобразная **санация** предприятий, для которых окажется невозможно в нынешних условиях подыскать эффективного собственника рыночным путем и которые не будут подлежать спасению в рамках «зон экономического бедствия», а перечень этих зон, как мы уже отмечали, будет

очень ограничен, будет не самоцелью, но ограниченной по срокам мерой, направленной на реконструкцию, а в крайних случаях ликвидацию предприятия и создание вместо него принципиально нового. На федеральном уровне должны быть разработаны общие принципы санации и обеспечена финансовая поддержка через институты долгосрочного кредитования. Основной центр тяжести в практической работе должен быть перенесен в регионы. Поскольку, как нам представляется, таких предприятий окажется очень много, мы остановимся на этом подробнее²⁶.

Первым шагом должно стать заключение долгосрочного (три—пять лет) контракта с управляющими государственных предприятий и среднесрочного (один год) с управляющими акционерных обществ — с контрольным пакетом государства. В соответствии с этими контрактами все права собственника передаются управляющему в доверительное управление (траст) с выплатой танъем (процента от прибыли) Главными содержательными задачами местных органов управления государственным имуществом и отраслевых департаментов должны стать подготовка, утверждение и контроль выполнения бизнес-планов предприятий, содержащих меры, направленные на создание рыночной мотивации.

Бизнес-план должен включать в себя следующие требования:

1. Существенные изменения в основных каналах снабжения и сбыта.

Кроме прямых связей и бартера (преобладающие сегодня формы хозяйственных связей) во многих случаях должны быть использованы возможности товарных бирж (рост доли продукции, реализуемой таким образом), а также добровольных объединений (ассоциаций, концернов), услугами которых при снабжении и сбыте пользуются многие предприятия — обычно используя личные связи руководителей этих объединений.

²⁶ В этой части использованы материалы доклада ЭПИЦЕНТРА (Центра Экономических политических исследований) правительству Москвы подготовленного под руководством С.В.Иваненко (Июль-август 1994г.)

2. Пересмотр мотивации предприятий в области ценообразования.

Принципы ценообразования должны быть едиными как для новых, так и для традиционных поставщиков и потребителей — розничные цены с учетом оптовых, транспортных и т.п. скидок. Кроме того, нужна конвергенция и в способах оплаты. Нельзя, даже для традиционных потребителей, поставлять продукцию вне зависимости от их текущей платежеспособности, так как это консервирует систему хозяйственных связей поддерживает высокий уровень платежного кризиса в экономике. С другой стороны, надо постепенно отказываться от стопроцентной предоплаты в отношениях с новыми поставщиками и потребителями и внедрять коммерческий кредит (векселя, в том числе и под частичную государственную гарантию)

3. Сохранение численности занятых и рациональная политика оплаты труда.

Недопущение массовой безработицы должно остаться одной из главных задач. Надо отдавать отчет в том, что в течение довольно длительного времени будет сохраняться скрытая безработица — низкая зарплата, которая не полностью индексируется предприятием по мере инфляции (постепенное, хотя и медленное сокращение реальной зарплат). Это объясняется тем, что работники предприятия готовы мириться с низкими доходами, так как ориентированы на сохранение любой ценой своих рабочих мест. Политика сокращения численности занятых должна проводиться очень осторожно и ее необходимо «растягивать» на как можно более длительный срок.

4. Постепенное изменение отношений собственности.

В перспективе структура собственности предприятия должна существенно измениться. Главное направление приватизации предприятий (как прошедших ваучерную приватизацию, так и всех прочих) — постепенное перераспределение акций (долей), которое должно идти в направлении от трудовых коллективов и государства — к так называемым

институциональным инвесторам (банкам, инвестиционным фондам, страховым и пенсионным компаниям, крупным торговым фирмам). Надо вместе с тем учитывать, что мотивы поведения этих инвесторов — получение дохода не в виде дивиденда, а нестандартными для инвестора способами например, поставками сырья по низким ценам, выдачей надежных кредитов с высоким процентом и т.п. Формируемая структура собственности в экономике будет, на наш взгляд, гораздо ближе к японской (с ее стремлением к контролю), чем к американской (с ее стремлением к дивиденду).

В техническом аспекте наиболее целесообразным способом такого перераспределения собственности является изменение величины уставного капитала: с одной стороны, его увеличение на сумму реальных инвестиций в предприятие; с другой — проведение реальной оценки стоимости активов (желательно независимой консалтинговой фирмой).

5. Изменение внутренней структуры предприятия.

Во многих случаях необходимо уменьшить размер предприятия (численность занятых, основной капитал). Наиболее целесообразный способ — создание филиалов с правами самостоятельного юридического лица при сохранении жесткого финансового контроля за их деятельностью. Особенно эффективно это для некоторых вспомогательных служб (производство инструментов, автомобильный транспорт, упаковка и др.), которые имеют возможности заключать договоры с заказчиками со стороны.

6. Повышение управляемости.

Должностной статус руководителя предприятия и степень его экономической свободы должны быть существенно повышены. С одной стороны, необходимо оговорить четкие условия его отстранения от должности при угрозе банкротства или невыполнения бизнес-плана вне зависимости от давления различных групп: администрации, представителей государственных

органов и простых работников предприятия, С другой — для недопущения постепенной декапитализации предприятия надо как можно более детально регламентировать способы реализации личного интереса руководителя: высокая зарплата и регулярные премии, представительские расходы и т.д.

7. Изменение источников финансирования.

Надо постепенно изменять источники финансирования предприятия — переходить от финансирования практически полностью за счет собственных средств (в основном прибыли и амортизационных отчислений) к банковским кредитам по рыночной ставке и средствам от реализации ценных бумаг.

Наиболее целесообразным способом привлечения средств для инвестиционных проектов представляется выпуск не акций, а облигаций предприятий. Дело в том, что расходы по выплате дивидендов на уже выпущенные акции крайне незначительны. Из-за большого количества «случайных» акционеров невозможно обеспечить высокий уровень дивиденда хотя бы на уровне рыночной ставки процента по депозитам.

8. Улучшение структуры расходов.

По каждому из основных направлений распределения финансовых ресурсов — зарплата, производство, социальная сфера — должна быть подготовлена программа повышения эффективности соответствующих затрат

Во-первых, надо ориентироваться на стабилизацию в реальном исчислении фонда заработной платы при одновременном осуществлении более глубокой дифференциации в оплате. Это необходимо для недопущения «ухода» с предприятия квалифицированных и активных работников, а также падения производственной дисциплины.

Во-вторых, расходы на производство надо переориентировать в целях изменения структуры выпуска и повышения доли новых видов продукции. Администрация должна поддерживать и развивать научно-технические

разработки непосредственно на предприятии — главным образом для внедрения новых видов продукции. Финансирование начатых несколько лет назад инвестиционных проектов, необходимых для простого поддержания объемов производства «поддерживающие инвестиции») должно быть постепенно прекращено.

В-третьих безусловно необходимо снять с предприятий огромный социальный балласт — финансирование жилых домов, школ, поликлиник, детских садов. Однако передача убыточной социальной инфраструктуры на баланс муниципалитетов должна проводиться постепенно и только на основе комплексных мероприятий по конверсии социальной инфраструктуры.

9. Переоформление задолженности в ценные бумаги.

Необходимо переоформить просроченную кредиторскую задолженность предприятий по поставкам топлива и электроэнергии путем выпуска целевых товарных векселей. В этом случае переоформлению подлежит только задолженность предприятиям топливно-энергетического комплекса (которые имеют наибольшую дебиторскую задолженность).

Кредитор (или покупатель этих ценных бумаг), который располагает 30% и более просроченных платежных обязательств, должен получить право потребовать обращения долга в имущество соответствующего предприятия.

Важнейшей целью является стимулирование реальной приватизации, которая проходит через конверсию долговых обязательств предприятий в их акции и их перераспределение.

В ходе проведения политики санации надо быть готовым к запуску процедуры банкротства несостоятельных предприятий. Пускать это дело на самотек экономике, где больше половины предприятий потенциальные банкроты — это либо лицемерие, прикрывающее сохранение статус-кво (ни одного сколько-нибудь значительного банкротства у нас за три года реформы так и не было), либо если это вздумают действительно применять на

практике) — дикий авантюризм, который опрокинет не только нынешнее правительство, но и вообще может опрокинуть все общественное равновесие в России.

Государство должно не прятать голову в песок, четко и внятно по изложенной здесь процедуре взять на себя ответственность за механизм и процедуру банкротства.

Основную работу по банкротствам целесообразно на первых порах сосредоточить в Комитете по имуществу, который надо наделить дополнительными функциями: принятие решения об обязательной приватизации предприятия-банкрота, а также решения добровольной ликвидации банкрота (при согласовании, конечно, с остальными собственниками). По мере развития процесса можно будет рассмотреть вопрос о необходимости сосредоточения всей работы в специальном департаменте.

Прежде всего, необходимо составить перечень предприятий, которые наиболее «близки» к формальным признакам банкротства: превышением обязательств должника над стоимостью его имущества и неудовлетворительной структурой баланса предприятия. Эти предприятия (пакеты акций) необходимо санировать в первую очередь.

Дифференциация предприятий по степени «актуальности» их санации должна осуществляться на основе единых критериев. На первых порах надо использовать три основных показателя (предусмотренных в действующем законодательстве): текущая ликвидность, обеспеченность собственными средствами, платежеспособность.

Коэффициент текущей ликвидности рассчитывается как отношение фактической стоимости находящихся в наличии у предприятия оборотных средств в виде производственных запасов, готовой продукции, денежных средств, дебиторских задолженностей и прочих оборотных активов к

наиболее срочным обязательствам предприятия в виде краткосрочных кредитов банков, краткосрочных займов и различных кредиторских задолженностей. Этот коэффициент не может быть менее двух;

Коэффициент обеспеченности собственными средствами равен отношению разности между объемами источников собственных средств и фактической стоимостью основных средств и прочих внеоборотных активов к фактической стоимости находящихся в наличии у предприятия оборотных средств в виде производственных запасов, незавершенного производства, готовой продукции, денежных средств, дебиторских задолженностей и прочих оборотных активов. Этот коэффициент должен превышать 0,1.

Однако платежеспособность предприятия надо определять не только по этим формальным критериям, так как при отсутствии реальной оценки стоимости имущества критерии неплатежеспособности применяются к балансовой стоимости различных видов активов и сопоставляются с балансовой оценкой пассивов. Необходимо делать поправки на реальную рыночную цену соответствующих активов.

Для кандидата в банкроты необходимо выбрать одну из четырех процедур: реорганизация, санация, ликвидация предприятия-банкрота или его преобразование в казенное предприятие. В основном, надо стремиться к внесудебному решению (мировому соглашению), при котором фактически осуществляется добровольное банкротство предприятия с согласия его руководства и трудового коллектива. Однако надо быть готовым и к проведению банкротств через арбитражный суд, так как, если хотя бы один кредитор возражает против внесудебного решения, то должно быть возбуждено дело о банкротстве. При этом необходимым условием является наличие подготовленных специалистов в аппарате правительства наряду с использованием компетентных посредников (юридических фирм специализирующихся на данной работе).

При проведении или подготовке банкротств предпочтение следует отдавать реорганизации или санации предприятия. В случае реорганизации происходит назначение так называемого «внешнего» управления предприятием, т.е. автоматическое отстранение от должности прежнего руководителя и назначение на его место арбитражного управляющего. Он должен быть способен восстановить платежеспособность предприятия-должника путем реализации части его имущества и осуществления ряда жестких экономических и организационных мероприятий. Самый ложный вопрос здесь — поиск кандидатуры на эту должность.

В дополнение к реорганизации (предполагающей замену директора), либо вместо нее, возможно применение процедуры санации. Ее отличительный признак необходимость оказания прямой финансовой помощи предприятию. Главное внимание в этом случае должно быть сосредоточено на поиске участников санации, организации конкурса на участие в санации, установление условий обмена финансовой помощи на права собственности и т.д.

Самая большая проблема при санации — источники финансирования. В законодательстве предусмотрено одно, но впрочем весьма существенное ограничение: по истечении одного года с начала санации должно быть удовлетворено не менее 40% общей суммы требований кредиторов. Целесообразно, чтобы государственные органы в ряде случаев участвовали в финансировании санации средствами бюджета или внебюджетных фондов, хотя бы в течение первого года. Это нужно для того, чтобы несколько снизить объем обязательного финансирования для внешних инвесторов.

Третий путь — создание на базе ограниченного круга государственных предприятий нового типа предприятий — казенных заводов, казенных фабрик и казенных хозяйств с закреплением за ними на праве оперативного управления всего имущества ликвидируемых государственных предприятий.

В случае преобразования государственных предприятий в казенные всю финансовую ответственность за результаты хозяйственной деятельности казенных предприятий принимает на себя государство. Поэтому перечень таких предприятий, которые действительно требуют прямого государственного контроля, не должен быть большим.

Только в том случае, если невозможна реорганизация, санация предприятия-банкрота или его преобразование в казенное предприятие, должно приниматься решение о его ликвидации и назначаться так называемый конкурсный управляющий. Так же, как и в случае с реорганизацией, ключевой вопрос здесь — кадровый; очень важно найти компетентного и ответственного управляющего, который получает право не только распоряжения имуществом предприятия-должника, но и управления им.

В рамках процедуры банкротства собственники (трудовые коллективы) неплатежеспособных предприятий должны получить право добровольно обращаться за помощью реорганизации и санации предприятий к государственным органам. В этом случае должен прилагаться максимум усилий по недопущению остановки предприятий вплоть до использования льготных кредитов, субсидий и средств специальных фондов поддержки предпринимательства.

С другой стороны, безоговорочному закрытию в судебном порядке должны подлежать предприятия, отказывающиеся от процедуры банкротства. Имущество этих предприятий необходимо реализовывать на аукционах для удовлетворения претензий кредиторов.

Механизм санации с последующей реорганизацией предприятия и выводом его на орбиту рыночного хозяйства, помимо перечисленного, включает в себя и целый ряд других мер, таких как приватизация жилого фонда и жилищно-коммунального хозяйства и т.п. Эти меры изложены нами в публикациях ЭПИЦЕНТРА и опробованы на практике в Нижнем Новгороде.

Иных вариантов действительного разумного движения вперед по пути реформы нам пока продемонстрировано не было,

Таким образом, как мы видим, при разумном выборе стратегии в отношении постгосударственной собственности на долю правительства все равно придется много работы: выработка законодательных и контрольных механизмов, гарантирующих, что смена собственника не приведет к еще большему доению предприятия с его последующим сбросом; процедура утверждения районов экономического бедствия; преодоление сопротивления налогообложения имущества со стороны разных контор, паразитирующих на субаренде; введение в действие на практике залогового права; реализация механизма санации подлежащих реорганизации предприятий и т.д. Это не проще, а сложнее, чем затеять очередной передел собственности. Но только приведенные выше и другие аналогичные меры позволят нам действительно двинуться вперед.

Уверен, что жизнь, объективный ход событий и все большая степень осознания его со стороны самых разных общественных и политических сил рано или поздно приведут Россию к этому естественному для нее пути построения нашего рыночного хозяйства.

УРОКИ БОРЬБЫ С ИНФЛЯЦИЕЙ

Вряд ли кто-либо станет оспаривать мысль о том, что все последние годы российских реформ ключевой задачей реформаторов была и остается борьба с инфляцией, а в качестве важнейшего (если не единственного) инструмента этой борьбы выступает денежная политика. В таком случае, попробуем взглянуть на ход реформ 1992-1994гг. через призму проводимой денежной политики и на основе этого сформулировать некоторые выводы.

Анализ денежной политики в 1992-1995 гг. позволяет говорить о трех предпринятых «атаках» на инфляцию, две из которых уже провалились, а провал третьей, по моему убеждению, не за горами — осенью этого года. Для

того, чтобы аргументировать эту точку зрения, проведем сначала анализ более чем трехлетнего опыта борьбы с инфляцией в России.

1. Немного истории

Первая «атака» на инфляцию была предпринята в I полугодии 1992 года — «по горячим следам» январской либерализации цен, — когда достаточно последовательно проводилась жесткая денежная политика, направленная на снижение темпов инфляции. В этот период был обеспечен рост номинального курса рубля. Темпы роста денежной массы удерживались в пределах 9-14% в месяц — то есть на достаточно низком уровне (если принять во внимание, что реальная денежная масса на фоне резкого скачка цен сократилась в пять раз и подошла к отметке в 20% от уровня декабря 1991 года). Как следствие, месячные темпы инфляции сократились с 38.3% в феврале до 11,9% в мае. Однако, подчеркнем — темпы инфляции сократились, но не стали близкими к «нулевым». В то же время, «оборотной стороной» снижения темпов инфляции явился глубокий сезонный спад промышленного производства и колоссальный кризис неплатежей. Именно эти обстоятельства (а не популизм или политическая слабость Правительства) и обусловили начавшееся летом того же года «отступление»: продолжать упорствовать в проведении жесткой денежной политики в условиях гигантских взаимных неплатежей предприятий (а также задолженности по зарплате) и глубочайшего для мирного времени промышленного спада (18% по итогам 1992 года) Правительство не решилось.

Новый руководитель Банка России Виктор Геращенко провел взаимозачет долгов предприятий, в 2-3 раза увеличил темпы роста денежной массы и сократил валютные интервенции на внутреннем валютном рынке, «позволив» курсу рубля падать. В результате этих мероприятий реальная денежная масса удвоилась; масштабы кризиса неплатежей существенно сократились; рубль «упал» за второе полугодие 1992 г. в 4 раза;

коммерческие банки накопили огромные и мало использовавшиеся денежные ресурсы. Темпы инфляции удвоились (26.1% в ноябре), однако с другой стороны, осенний подъем промышленного производства оказался достаточно энергичным, что смягчило последствия глубокого весеннего спада.

Вторая попытка справиться с инфляцией началась на рубеже 1992-1993гг. От предыдущей она отличалась только тактикой: если в первой половине 1992 года российское правительство пыталось победить инфляцию посредством «шоковой» (т.е., очень жесткой) денежной политики, то теперь курс был взят на постепенный, последовательный «зажим» денежной массы и, соответственно, плавное снижение темпов инфляции.

В течение почти всего I полугодия 1993 года, действительно, удалось обеспечить стабильное (приблизительно на 1% пункт ежемесячно) снижение темпов инфляции, составивших в мае 18.5%. В целом, это не сопровождалось ни ухудшением промышленной динамики, ни ситуации с неплатежами. Однако, дальнейшее ужесточение кредитно-денежной политики активизировало целый ряд негативных процессов, находившихся до того в относительно стабильном состоянии.

Уповав на использование исключительно монетарных антиинфляционных инструментов, российское Правительство питало надежду на то, что достижение запланированных показателей инфляции (7% в декабре 1994 г.) «перевернет» экономическую конъюнктуру само по себе: немедленно начнется «бум» частных инвестиций, хлынет иностранный капитал, предоставит кредиты МВФ и т.п. Действуя в этом русле, Правительство упрямо продолжало «зажимать» денежную массу, снизив ее в течение последних месяцев 1993 года до рекордно низкой отметки в 14% к декабрю 1991 года (в реальном исчислении).

Радикальные реформаторы настойчиво стремились доказать возможность сокращения инфляции, используя для этого исключительно монетарные

методы. И, на первый взгляд, события развивались в желаемом направлении: в течение IV квартала 1993 года темпы инфляции заметно — почти вдвое — сократились. Но при этом вновь стали проявляться последствия «переужесточения» денежной политики. Первым и немедленным таким следствием явилось быстрое нарастание взаимных неплатежей между предприятиями. Отношение просроченной задолженности поставщикам к денежным средствам предприятий, сократившееся к середине 1993 года до 83%, затем стало резко расти — до 133% на 1 октября и 190% на 1 января 1994 года.

Если в начале 1992 года главной реакцией на жесткую денежную политику было нарастание неплатежей, то в конце 1993 года предприятия, наряду с увеличением взаимной задолженности, активно сокращают объемы производства. Как следствие, сезонное осеннее оживление производства в 1993 году было самым вялым (в то время как весной имело место сокращение темпов сезонного спада по сравнению с 1992 годом). Результат — сохранение масштабов промышленного спада по итогам 1993 года практически на уровне предыдущего года.

С наступлением 1994 года рестрикционный характер денежной политики Правительства не изменился. Было обеспечено дальнейшее снижение среднемесячных темпов роста денежной массы М2 — до 8.6% в I квартале 1994 года (по сравнению с 12.3% в IV квартале и 17% в III квартале 1993 года). И вновь было достигнуто существенное снижение темпов инфляции — с 17.9% в январе до 7.4% в марте. Практически параллельное сокращение темпов роста денежной массы М2 и темпов инфляции позволило все это время удерживать величину реальной денежной массы на чрезвычайно низком уровне — 14% к декабрю 1991 года.

Ужесточение денежной политики, значительная задолженность со стороны государства по закупленной, но не оплаченной в 1994 году продукции, способствовали дальнейшему ухудшению финансового положения

предприятий. Как следствие, просроченная задолженность поставщикам к концу I квартала уже в 3 раза превосходила денежные средства предприятий. И экономика не выдержала столь жестких финансовых ограничений и ответила колоссальным — почти на четверть — сокращением физических объемов промышленного производства в I квартале 1994 года. В марте его объемы опустились до уровня прогнозной (исходя из тенденций 1993 года) кривой промышленной динамики, построенной для 1995 года. Дефляционный «шок» первых трех месяцев 1994 года явился по сути, закономерным следствием правительственных попыток сбить темпы инфляции «любой ценой». После этого в денежной политике вновь наступил период «смягчения».

Последнее утверждение может показаться несправедливым: ведь темпы инфляции и после окончания I квартала продолжали последовательно снижаться — до рекордной отметки в 4.6% в августе. И, тем не менее, это так среднемесячные темпы роста денежной массы M2, составившие в I квартале 8.6%, выросли почти до 14% во II квартале: в августе темп роста денежной массы M2 составил 12%

Этот парадокс объясняется не только (и даже не столько) временным лагом между ростом денежной массы и ускорением инфляции, но и еще одним, достаточно очевидным, обстоятельством: на весну-лето 1994 года пришелся «пик» строительства финансовых «пирамид» в российской экономике, периода своего рода «bubble economy». Деньги населения, предназначенные для потребительского рынка, оказались в значительной степени оттянуты на рынок спекулятивных финансовых операций. Об этом, в частности, свидетельствует более чем двукратный скачок доли сбережений в доходах населения весной-летом 1994 года. Олицетворением этого периода явилась печально известная «МММ». Масштабы деятельности последней испугали даже Правительство: именно после жестких обличительных выступлений со стороны правительства (и в частности, премьер-министра В.Черномырдина

началась паника акционеров «МММ», которая привела к фактическому приостановлению деятельности компании. Дальнейшее развитие событий проходило по известному «принципу домино», и «мыльный пузырь» («bubble есопоту») вскоре лопнул, в определенной степени спровоцировав известные октябрьские события на валютной бирже.

Пикантность этой истории придает тот факт, что, несмотря на заявления и даже некоторые практические шаги правительства по пресечению деятельности «МММ» и их последователей, именно финансовые спекулянты внесли весомый вклад в борьбу правительства с инфляцией.

Поскольку сокращение темпов инфляции на этом этапе было достигнуто не за счет ужесточения денежной политики, реальная денежная масса в апреле-августе росла и к концу этого периода достигла отметки в 20% к уровню декабря 1991 года.

Рост реальной денежной массы немедленно отразился на динамике неплатежей и промышленного производства. Начиная с апреля, несколько замедлился рост относительного (в сравнении с собственными денежными средствами предприятий) размера просроченной задолженности поставщикам; была -сломлена тенденция ускорения спада промышленного производства, а затем, с августа, даже началось движение «вверх». Таким образом, «откат» в денежной политике вызвал адекватную тенденцию в промышленной динамике.

Наконец, с окончанием периода «bubble есопоту», корреляция между динамикой денежной массы M_2 и темпами инфляции вновь восстановилась, и инфляция в IV квартале 1994 года подскочила до 15-16% в месяц. Накопленный период «bubble есопоту» потенциал инфляции начал разряжаться, и его не смогло сдержать ужесточение денежной политики в конце 1994 года: хотя среднемесячные темпы роста номинальной денежной массы M_2 в IV квартале 1994 года сократились до 6-7%, инфляция

продолжала усиливаться и в январе 1995 года достигла своего «пика», составив 18%.

С этой «стартовой позиции» для российской экономики начался 1995 год, и начался он очередным и, судя по предварительным данным, очень резким, ужесточением денежной политики. Правительство начало новую — третью — «атаку» на инфляцию. Каковы ее особенности? Прежде всего, Правительство отказалось от использования кредитов Банка России для покрытия дефицита федерального бюджета — из-за очевидных инфляционных последствий такой политики. Вместо этого, было решено полностью перейти на неинфляционный механизм финансирования бюджетного дефицита — путем заимствования свободных денежных ресурсов на финансовом рынке посредством размещения государственных ценных бумаг. Во-вторых, Банк России фактически прекратил предоставление централизованных кредитов коммерческим банкам. В-третьих, несмотря на практически 100% поступление доходов, были резко (почти на 20% по результатам четырех месяцев) сокращены расходы бюджета. В-четвертых, посредством ряда жестких административных мер и массированных валютных интервенций, Банк России не только стабилизировал ситуацию на валютной бирже, но и спровоцировал с конца апреля достаточно продолжительную но, безусловно, временную) тенденцию к укреплению курса рубля — что также имело вполне определенный антиинфляционный эффект. Все это позволило «сбить» темпы инфляции с 18% в январе до уровня в 7-9% в апреле-июне. В этой «точке» мы находимся сегодня.

2. Некоторые итоги

Итак, в течение трех лет, прошедших с момента либерализации цен в январе 1992 года, российское Правительство предприняло две попытки справиться с инфляцией: в I полугодии 1992 года и в 1993 — I квартале 1994 года. Первая из них связана с именем Е.Гайдара вторая Б.Федорова. Обе попытки

основывались на тезисе том, что инфляция в России представляет собой исключительно денежный феномен. Соответственно, главным (если не единственным) инструментом в борьбе с инфляцией явилось ограничение роста денежной массы — посредством проведения рестриктивной кредитно-денежной политики.

Сегодня представляется уже достаточно очевидным факт провала двух первых попыток — динамика инфляции с января 1992 года говорит сама за себя. Однако при этом существует вопрос; ответ на который имеет принципиальное значение не только с точки зрения истории реформ в России, но и с позиции ближайших перспектив российской экономики. Он заключается в следующем: существует ли в нашей экономике определенный предел ужесточения денежной политики, за которым её негативные побочные последствия начинают превосходить дефляционный эффект? Ответ на этот вопрос позволяет судить о правомерности использования российским Правительством почти исключительно монетарных методов борьбы с инфляцией.

Представляется, что даже такой беглый взгляд на историю борьбы с инфляцией в экономике России позволяет сформулировать некоторые важные выводы для макроэкономической политики.

1. В ходе пред принимавшихся с 1992 года «атак» на инфляцию выявился эмпирический предел ужесточения кредитно-денежной политики. Очень важно при этом, что такой предел наступает при темпах инфляции отличных от нуля — анализ показывает, что таким «предельно низким» является рост цен на уровне около 8-9% в месяц. Это говорит о том, что некоторый, вполне определенный уровень инфляции является для экономики России «заданным» ее институциональной и промышленной структурой. Назовем этот «предельный» уровень «СТРУКТУРНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМ ФОНОМ ИНФЛЯЦИИ» (далее для краткости «ФОНОВЫЙ» УРОВЕНЬ ИНФЛЯЦИИ). Попутно отметим, что, строго говоря, даже приближение

месячных темпов инфляции к отметке 8-9% достигается уже за счет достаточно специфических мер — таких как откладывание выплат по внешнему долгу; увеличение внутреннего долга затягивание с повышением минимальной зарплаты и пенсии: значительное недофинансирование науки и образования (т.е., будущего научно-технического потенциала), а также инфраструктурных отраслей. Исходя из этого, уровень инфляции в 8-9% в месяц при определении «фонового» может даже рассматриваться как заниженный — то есть, предельно жесткий.

2. С точки зрения жесткости кредитно-денежной политики, таким рубежом — как показали исследования, проведенные в ЭПИцентре, — сегодня является 13-15% величина реальной денежной массы М2 (к декабрю 1991 года). В течение этих трех лет борьбы с инфляцией эта «граница жесткости» монетарной политики постепенно снижалась — с 20% в начале 1992 года до 13-15% в начале 1995. Однако, это объясняется, главным образом, сокращением за это время объема производимого ВВП, а также увеличением долларизации внутреннего, в основном, неофициального товарооборота. Это очевидно говорит о незначительности фундаментальных институциональных реформ в экономике России. В среднесрочной перспективе мы можем рассматривать данный параметр в качестве одного из управляющих для корректировки текущих параметров антиинфляционной политики.

3. При темпах инфляции выше «фонового» уровня и реальной денежной массе, превышающей 13-15% отметку, рестрикционная антиинфляционная политика эффективна: она действительно позволяет снижать темпы инфляции без обвального ухудшения показателей промышленной динамики и общеэкономической конъюнктуры.

4. Со снижением месячных темпов инфляции и величины реальной денежной массы ниже указанных границ дальнейшее ужесточение денежных ограничений становится все более нецелесообразным: эффективность монетарных мер резко снижается; одновременно, существенно возрастают их

негативные побочные последствия. Мы называем это ЭФФЕКТОМ «ПЕРЕУЖЕСТОЧЕНИЯ» кредитно-денежной политики. Помимо высокой цены, которую приходится платить за каждый процент дополнительного снижения инфляции посредством «переужесточения» кредитно-денежной политики, само это снижение во многом является фантомом: инфляция приобретает черты подавленной: недостаток денег в экономике компенсируется частично увеличением неплатежей, частично — усилением спада. Пружина инфляции сжимается и неминуемо разжимается вновь — как только обострение проблемы спада и неплатежей в очередной раз вынудит ослабить жесткость монетарной политики.

5. Свои усилия Правительство должно сосредоточить не на стремлении сократить темпы инфляции посредством «переужесточения» кредитно-денежной политики, а на снижении самого предела «жесткости» — то есть, «фонового» уровня инфляции, который инициируется причинами немонетарного характера. Для этого необходима программа среднесрочной (3-5 лет) экономической политики, направленной на формирование основных институциональных предпосылок финансовой стабилизации и экономического роста. Такая программа должна включать следующие, во многом связанные друг с другом направления:

- комплекс мер микроэкономической политики включая законодательные меры (регулирование цен в отраслях с наличием естественной монополии, стимулирование конкуренции в секторе услуг промышленности, регулирование олигопольных рынков, потребительская политика);
- комплекс мер, направленных на институциональные преобразования в экономике (формирование института эффективных собственников, развитие фондового рынка и института банков развития рынков недвижимости, земли, труда);

- системные изменения в инвестиционном, фискальном, природопользовательском законодательстве (принятие и разработка следующих важных законодательных актов: «О ценных бумагах», «Об изменениях и дополнениях к закону «Об иностранных инвестициях», «О концессионных и иных договорах, заключаемых с инвесторами», изменения и дополнения к «Основам законодательства о налоговой системе в Российской Федерации», «Налоговый кодекс», изменения и дополнения к закону «О таможенном тарифе», к «Таможенному Кодексу», «О соглашениях о разделе продукции», изменения и дополнения к закону «О недрах», закон «О нефти и газе», закон «О континентальном шельфе»);
- стимулирование экспортоориентированных секторов экономики и осторожная протекционистская политика (через стимулирование экспорта и, в частности, кредитную политику банков развития, отстаивание Россией позиции открытия внешних рынков для своих конкурентоспособных товаров на переговорах о вхождении в ГАТТ, ратификация договора к Европейской Энергетической Хартии, внешняя политика, направленная на расширение рынка сбыта вооружений);
- обслуживающая указанные мероприятия монетарная и бюджетная политика и политика валютного курса (эта политика должны пройти между Сциллой удержания инфляции не выше «естественного уровня» и Харибдой стимулирования совокупного спроса в условиях институционально и структурно перестраивающейся экономики).

При этом стоит обратить внимание на конечную цель – рост в валовом продукте России доли обрабатывающей промышленности, высокотехнологичных отраслей и, в этой связи, завоевание рынков сбыта. Стратегически эта задача должна решаться на протяжении нескольких

десятков лет, а средства на ее решение должны перераспределяться из сырьевых секторов экономики.

6. Необходимость стратегического поворота от монетарной антиинфляционной к структурно-институциональной политике может быть подкреплена еще одним аргументом — причем, как это ни парадоксально, вполне совместимым с позицией наших основных оппонентов основывающихся на доминанте финансовой стабилизации. Дело в том, что попытки справиться с инфляцией путем рестрикционной денежной политики для экономики не проходят бесследно. Каждая такая попытка отбрасывает экономику назад — на еще более низкий уровень про мышленного производства и более низкий уровень благо состояния общества. Экономика России обескровлена трехлетней непрерывной борьбой с инфляцией; ДАЖЕ ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ БЕСПЕРСПЕКТИВНЫХ С НАШЕЙ ГОЧКИ ЗРЕНИЯ ПОПЫТОК «ЗАДАВИТЬ» ИНФЛЯЦИЮ ЛИШЬ МОНЕТАРНЫМИ ИНСТРУМЕНТАМИ ЕЙ ЖИЗНЕННО НЕОБХОДИМО ПЕРЕДОХНУТЬ И НАБРАТЬСЯ СИЛ.

3. Ближайшие перспективы

В завершении рискну дать мой прогноз относительно результатов борьбы с инфляцией в 1995 году.

Учитывая опыт предыдущих лет, можно ожидать очередного «отката» в конце лета — начале осени. Основными проинфляционными факторами выступают:

- сезонное увеличение расходов бюджета, которому добавится необходимость финансирования «отложенных» расходов (плата за недофинансирование расходов в I полугодии 1995 года);
- увеличение во II квартале темпов роста денежной массы (приблизительно, до среднемесячного уровня 1994 г.), что явилось

следствием значительных рублевых интервенций Банка России на валютном рынке;

- реальная угроза повторения прошлогоднего черного вторника» (не говоря уже об абсолютно неизбежном этапе ускоренного падения курса рубля)--поскольку абсолютно неадекватная ситуации тенденция укрепления курса рубля (уже превратившаяся в сознательную игру крупных банков «на повышение») обязательно сменится обратной тенденцией — с очевидными инфляционными последствиями.

Как следствие, темпы инфляции вновь станут двузначными — полагаю, в пределах 10-15% к концу года. Ситуация (в части инфляции) опять вернется практически на исходные рубежи.

В результате описанных выше событий несколько смягчится проблема неплатежей; ослабление денежной политики должно оказать и благотворное влияние на промышленное производство. Последнее особенно важно поскольку сегодня на промышленную динамику все большее негативное влияние оказывает уже не только степень жесткости денежной политики, но и угрожающе разрастающийся рынок государственных ценных бумаг, «оттягивающий» на себя все больше денег с финансового рынка потенциально являющихся важным инвестиционным ресурсом (в определенной степени, с этим может быть связан глубокий — почти на четверть к соответствующему периоду прошлого года — инвестиционный спад в I квартале 1995 года). Правительство и Банк России недооценивают также последствия своей антиинфляционной валютной политики: только за II квартал, в результате спровоцированного Банком России роста курса рубля реальный курс доллара на внутрироссийском рынке снизился на 26% — на столько же сократилась и — ценовая конкурентоспособность российских товаров (включая экспорт). Установление «коридора» допустимого изменения валютного курса в III квартале в пределах 4.300-4.900 руб./доллар можно приветствовать как шаг в сторону обеспечения хоть какой-то

предсказуемости поведения основных макроэкономических показателей; однако, выполнение этой целевой установки будет означать дальнейшее снижение реального курса доллара (а значит, и конкурентоспособности отечественных товаров)— по нашим оценкам, еще на 5-10% пунктов. При таких целевых установках валютная политика очень скоро превратится в ключевой и, к тому же, очень мощный фактор дальнейшего сокращения промышленного производства. Действие указанных двух факторов, на наш взгляд, приведет к тому, что во II полугодии 1995 года — несмотря даже на прогнозируемый «откат» в политике финансовой стабилизации! — показатели промышленной динамики будут хуже, чем в I полугодии.

Конечно, тут можно ошибиться в сроках; конкретные шаги нашего Правительства также очень часто являются малопредсказуемыми; однако уверен, что сама траектория движения совпадет с этим прогнозом. Пока Правительство будет исходить из ложных посылок, оно будет обречено постоянно метаться между инфляцией и промышленным спадом, смягчая одну проблему за счет обострения другой

30 июня 1995 года

В РАСКОЛЕ ДЕМОКРАТОВ ТРАГЕЛИИ НЕТ

Недавно в мой адрес и в адрес движения «Яблоко» были высказаны серьезные упреки. Нас обвиняют в расколе демократических сил и даже в предательстве демократии, идеалы которой мы якобы приносим в жертву личным амбициям. По поводу «амбиций» скажу лишь, что будь этот упрек справедлив, я делал бы не то, что делаю, а то, что советуют мне некоторые критики. Мне предлагают возглавить единый список демократов на парламентских выборах — о чем еще мог бы мечтать политик, ставящий свое честолюбие превыше всего? Но я отказываюсь от этого, ибо это не соответствует моему представлению об интересах демократического движения в России. О них-то и пойдет речь.

Истоки кризиса

Демократическое движение в период между созданием Межрегиональной депутатской группы (1989 г.) и роспуском Съезда народных депутатов СССР (1991 г.), было относительно единым, представляло собой влиятельную политическую силу. Однако, после распада СССР и до сегодняшнего дня демдвижение переживает серьезный кризис: оно раздроблено и маловлиятельно. Некоторые аналитики Объясняют это субъективными качествами лидеров демдвижения: амбициями, некомпетентностью, политической инфантильностью. Это не лишено оснований, но явно недостаточно для понимания основных причин кризиса.

Демдвижение возшло на стихийном антикоммунизме, на неприятии того режима, который построила КПСС в нашей стране. Но не антикоммунизм определил демократический характер движения, а то, что оно было поддержано большинством граждан. Демократия — это ведь и есть такая политика, которая опирается на большинство, учитывая интересы меньшинства. (Политика, которая опирается на мнение большинства, но не учитывает позиции меньшинства, — это не либеральная демократия. А курс, основанный только на интересах меньшинства, — вообще не демократия.)

Кризис нашего демократического движения именно тогда и начался, когда им была сделана ставка на меньшинство. После прихода к власти демократов в конце 1991 года, начался этап «радикальной экономической реформы». Как по субъективным (тип реформы и способ ее осуществления), так и по объективным (особенности советской экономики) причинам, реформа почти сразу повернулась лицом к меньшинству, позже названного «деловой элитой», которому реформа стала приносить дивиденды. Большинство же граждан так и осталось отстраненным от собственности и ресурсов.

Надо, конечно, отличать реформу от вынужденных действий. Освобождение цен, проводимое Егором Гайдаром было во многом предопределено и

запрограммировано еще в 1990-1991 гг. Проявив незаурядную решительность, Гайдар на первых порах действительно выводил Россию из экономической комы — он взял на себя значительную часть «грязной экономической работы». Как и любой другой в его ситуации, он, естественно, утратил популярность, но стал при этом исторической фигурой сложнейшего периода развития России.

Жаль, не были услышаны наши предложения о том, что не нужно крушить экономические связи с бывшими республиками СССР; что цены надо отпускать хотя и быстро но поэтапно, а не в один день; что начинать этот процесс нужно не с замыкающих отраслей, а-с сырьевых; что устранять инфляционный навес следует с помощью абсолютно ясной денежной приватизации, не связываясь с ваучерами, и т.д. Суть моей критики была не в преуменьшении заслуг Гайдара, а в утверждении того очевидного факта, что его реформа не должна была ограничиваться лишь первыми шагами. Ограничившись ими, она неизбежно начала превращаться в реформу для меньшинства.

После мая 1992 года реформы в целом резко затормозились. Но сказать об этом гражданам страны никто из реформаторов не осмелился. Люди, напрягая все силы терпеливо переносили трудности, полагая, что делают это ради реформ. Но реформы все больше сворачивались начиналась их широкомасштабная имитация. К сожалению, сам Гайдар, публично признал это лишь в 1994 году.

Итак, экономическая реформа и интересы большинства граждан разошлись. Ощущение этого толкало «демократическое» руководство ко лжи и жестокости. А это привело к тому, что люди, ранее во всем поддерживавшие демократов, глубоко разочаровались. Им стало казаться, что утверждение демократических ценностей в сегодняшней России невозможно. Это и есть фундаментальная причина кризиса демократического движения.

Кризис стал причиной распада. Начались расколы столкновения и даже скандалы. Сначала рядом с «Демократической Россией» возник значительно более узкий «Выбор России», Затем произошло размежевание таких видных деятелей демократической ориентации как Гайдар, Бурбулис, Шохин, Пономарев, Борис Федоров, Элле Памфилова. Появилась третья группировка — «Демократический выбор России», События в Чечне еще больше углубили кризис — от демократов отошли Андрей Козырев и Олег Бойко. Резко обострились противоречия во фракции, из которой ушло немало людей даже из числа прошедших по спискам. (Скандал с Владимиром Бауэром — просто за гранью приличий.) И, наконец, Анатолий Чубайс приостанавливает свое членство в «Демвыборе России», чтобы ни у кого не возникло сомнений в его лояльности Виктору Черномырдину.

Эти размежевания и расколы происходили, как правило, все же внутри целого — в стенах общего «демократического дома». Его обитателей объединяла поддержка реформ для меньшинства: об альтернативе речь не шла. **В такой ситуации принципиальное размежевание демократов по отношению к проводимому руководством страны политическому курсу — единственно возможный способ сохранения в России демократической перспективы.**

Две демократии

К сожалению, демократическая альтернатива правительственному курсу в 1992-1993-годах была достаточно слабой в силу нашего мышления. традиций, особенностей и сложности экономической трансформации. Поэтому защиту интересов большинства (на словах!) стали брать на себя те силы, для которых демократические ценности чужды по самой их природе.

Все сострадание к боли и тяжести переживания реформ демократы отдали на откуп своим политическим оппонентам. Ельцин и Гайдар в глазах людей

стали неудачливыми «шоковыми терапевтами», а Руцкой, Жириновский и Зюганов представились «реаниматорами» и утешителями обнищавших.

В той ситуации критика правительственного курса со стороны демократических сил была необходима. Необходима была и альтернатива, позволяющая демократии вернуться к своей фундаментальной ценности — к интересам большинства. В октябре 1993 года переход «ЯБЛОКА» в демократическую оппозицию был продиктован не желанием усугубить кризис демократического движения, а, наоборот, необходимостью выйти из этого кризиса, порожденного ошибочным отождествлением демократии с политикой президента Ельцина и экономического курса Гайдара. Однако создание демократической оппозиции невозможно без пересмотра некоторых основ мировоззрения демократов ельцинского призыва.

До самого последнего времени звание «демократа» было своеобразной монополией тех, кто выступал за последовательную концентрацию власти в руках Бориса Ельцина и поддерживал финансовую стабилизацию в духе ортодоксального монетаризма. Если же ты критикуешь Бориса Николаевича и кроме борьбы с дефицитом государственного бюджета видишь в экономике и другие задачи, то ты уже не демократ, и хорошо еще, если тебя при этом не называют коммуно-фашистом. Таким образом, социальная и политическая база демократий была искусственно сужена. Обществу навязывалась весьма примитивная дилемма: либо реформы Гайдара, либо реставрация коммунизма. Эта искусно пропагандируемая простота подталкивала общество к выбору между двумя крайностями. И большинство, недовольное реформами, отшатнулось от демократов и повернулось к тем, кто развенчивал их за антинародность, то есть к коммунистам и националистам. Приостановить движение общества в эту сторону можно было, только убедив людей в том, что демократические реформы бывают разные. И что **альтернативой проводимому курсу может быть не только возврат в прошлое, но и иной вариант продвижения в будущее, иные реформы.**

Именно отсутствие такой альтернативы приводит к парадоксу, неоднократно отмеченному социологами: в российском обществе сторонников демократии намного больше, чем желающих голосовать за демократов на предстоящих выборах. Вот в чем суть проблемы, которая может быть решена только утверждением демократической альтернативы политике Ельцина и реформам Гайдара-Черномырдина.

Способность политических сил внутри себя выдвигать альтернативные варианты развития — признак устойчивости этих сил, а вовсе не слабость. Это убедительно доказали противники демократов: после разгрома в октябре 1993 года национал-патриотическая оппозиция уже в декабре сумела вновь получить места в российском парламенте, но — через другие политические партии национал-патриотического и коммунистического толка. Именно альтернативность сегодня обеспечивает левым достаточно широкие возможности для привлечения на свою сторону различных слоев населения.

А у демократов все наоборот. Нас убеждают в том, что ряды демократов должны быть едиными как монолит. А если и есть какие-нибудь разногласия, то они ни в коем случае не должны оформляться организационно в виде различных партий, фракций или предвыборных блоков. Сложилась парадоксальная ситуация. Коммунисты и близкие к ним группировки, (вопреки учению Ленина), успешно практикуют политический плюрализм, а демократы, всегда провозглашавшие этот плюрализм стали вдруг самыми горячими приверженцами резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии».

Обеспечение альтернативности — это не только тактическая, но и стратегическая задача российской демократии. Как и в биологическом мире, в политике, интересы диктуют любому виду разделение на подвиды, популяции, семейства и тому подобное и вовлечение их во внутривидовую конкуренцию. Плюрализм в демократическом движении — не трагедия, но единственно верное направление, которое дает российской демократии перспективы дальнейшего роста.

Что произошло бы, если бы на выборах 93-го года демократы выступили одним монолитным блоком? Несомненно, за этот блок проголосовало бы меньше людей, чем за «Выбор России», ПРЕС И «ЯБЛОКО» в сумме. И это было бы справедливым наказанием за отступление от принципиальных позиций. Но если даже голосов было бы столько же, то нынешнее падение популярности «Выбора России», все его расколы и склоки были бы характерны не для одной обособленной части демократов, как это имеет место теперь, а для всего демократического лагеря. Это привело бы к катастрофическому падению доверия к демократическим силам в целом. Финал еще большая и необратимая дискредитация в глазах большинства самих понятий о демократии и реформах.

«ВЕЙМАРСКАЯ» СИТУАЦИЯ

Пытаясь убедить избирателей в необходимости объединения всех демократических сил под общей крышей наши оппоненты придумали еще один, внешне безукоризненный аргумент. Они говорят об угрозе фашизма, противостоять которому может только единый демократический блок, и проводят параллели с Веймарской республикой, с событиями в Германии конца 20-х — начала 30-х годов.

Аналогия с Веймарской республикой действительно показательна, но совсем в другом смысле. Да, слабая тогда демократия в Германии годов чем-то напоминает нашу неустойчивую ситуацию (хотя аналогия эта достаточно условна ибо наша власть, в отличие от властей Веймарской республики, сама тяготеет к авторитаризму и неправовым действиям). Да, веймарская демократия рухнула и уступила место гитлеровскому режиму. Но это произошло вовсе не потому, что немецкие демократы с кем-то не смогли объединиться. **Они не смогли выработать демократическую альтернативу социально-экономическому курсу тех демократов, которые находились тогда у власти.** Этот курс и привел к отходу от демократии значительной части немецкого общества: с одной стороны, — к

коммунистам, ориентировавшимся на сталинский СССР, а с другой, — к национал-социалистам. Третьего не было дано. И если уж искать продуктивные исторические аналогии, то полезнее обратиться к опыту не Германии, а Америки 30-х годов, где Рузвельту удалось предложить «новый курс» в экономике и вывести страну из кризиса, удержав завоевания демократии.

Идея «единого фронта» против «темных СИЛ» вызывает и другие сомнения. События 1991 и 1993 годов доказали, что страна не хочет реставрации тоталитаризма. Коммунисты, аграрии и жириновцы вместе взятые не собрали на минувших выборах и четверти голосов от списочного состава избирателей.

Большинство людей не поддерживает КОММУНИСТОВ и фашистов, а главное не верит в их подход к власти поэтому не пойдет оно и за теми, кто призывает объединиться против «красно-коричневых». Это вовсе не означает, что с ними не надо вести политическую и идеологическую борьбу. Тут между демократами разногласий нет. Но объединить избирателей на этой основе невозможно. Дело том, что размежевание обществе произошло вовсе не по линии «фашизм или свобода», у большинства граждан тревогу вызывает не гипотетический «коммуно-фашизм», а реальные задержки зарплаты, низкий жизненный уровень, неуверенность в завтрашнем дне, преступность и коррупция, война в Чечне. Но вместо того, чтобы решать эти проблемы, нам предлагают бороться с врагами. Нас уговаривают «искать кошельки не там где потеряли, а там, где светло».

Еще один аргумент в пользу объединения демократов Черномырдин и его «блок начальников». Действительно, нынешняя власть использует методы, характерные для недемократических режимов. Она проявляет готовность к трансформации в агрессивный режим. Вот и говорят, давайте объединимся против используемых властью плохих методов, а все хорошее, что она

делает, будем поддерживать. Иначе говоря, реформа хорошая, а война в Чечне — плохая.

Увы, война в Чечне — это не отклонение и не аномалия, а следствие проводимого политического и экономического курса. Поэтому мы и выступаем против этого курса в целом, а не только против отдельных его проявлений. Мы принципиально находимся в оппозиции к власти, так как считаем, что она ведет недемократическую политику. Наши же оппоненты утверждают, что власть едва ли не во всем, кроме Чечни, проводит правильную политику. Они называют создаваемый в стране капитализм «чиновничьим и отвратительным», заявляя, что он им не нравится и в то же время всемерно поддерживают экономический курс правительства и такую концепцию бюджета, которые и ведут к утверждению этого капитализма. Как же можно построить с ними жизнеспособную коалицию? Нам не нравится то же, что и вам, но для объединения этого недостаточно. Консолидация возможна только на основе сходного понимания причин недемократической политики не протеста против ее следствий.

Война в Чечне была в некотором смысле запрограммирована той самой Конституцией, которую самозабвенно и безотчетно поддерживали в 1993 году проправительственные демократы. Нельзя создать объединение против тоталитаризма, уходя от вопроса о содержании того курса который и несет в себе эту угрозу. Сам по себе нынешний режим фашистским скорее всего не станет, но дорогу открыть в этом направлении сможет, как открыли ее в свое время власти Веймарской республики. И мы не видим другого способа противостоять этой угрозе, кроме демократической альтернативы экономическому и политическому курсу властей.

НАША АЛЬТЕРНАТИВА

«Яблоко» выходило на политическую арену, когда самую главную опасность для демократов представлял их весьма непривлекательный имидж некой

безответственной силы, готовой ради какой-то малопонятной макроэкономической цели низвести до крайней нищеты пенсионеров, изматывать людей задержкой зарплаты поставить российскую экономику в зависимость от абстрактных принципов, придуманных для совершенно других стран и условий. Мы же стараемся показать, что идеи демократии не являются сектантским достоянием одного политического течения и одного из множества направлений экономической мысли.

Мы стараемся доказать российскому обществу, что существующему режиму власти есть демократическая альтернатива, Выборы 1993 года подтвердили, что на нее в обществе есть запрос, но удовлетворить его сколь-нибудь полно демократы оказались не в состоянии. Однако, те выборы вселили и надежду, что (при наличии альтернативы) демократия в России не потерпит крах вместе с очередными провалами в экономической реформе, а поражение, Ельцина на следующих президентских выборах не станет кончиной всего демократического движения.

Мы считаем себя демократами. Наша цель — создание эффективной рыночной экономики и утверждение демократических ценностей, предполагающих соблюдение прав человека и законности. Никакие изменения этих исходных позиций для нас немыслимы. Но мы не верим, что нынешний режим способен осуществить эти цели. Этот режим постоянно нарушает законы, не развивает демократические институты, не создает основ конкурентной экономики. Власть возвращается к типичной для нашей страны форме правления — к монопольной олигархии и срастается с криминальным миром. Она дискредитирует идеи демократии и рыночной экономики в России и создает питательную среду для фашистов и ортодоксальных коммунистов. Поэтому мы — демократическая оппозиция власти. По отношению же к жириновцам, национал-патриотам и ортодоксальным коммунистам мы — непримиримая оппозиция.

Нас упрекают в том, что мы заняли позицию безответственного и отстраненного критицизма. Это неправда. Мы постоянно предлагали альтернативы и дополнения по ключевым вопросам экономической политики. После программ «500 дней» и «Согласие на шанс» мы разработали Договор об экономическом Союзе с бывшими союзными республиками и все соглашения к нему, предложили детальный план региональных реформ. «Нижегородский пролог», альтернативную концепцию бюджета на 1994 и 1995 годы, программу послеваучерной приватизации крупной промышленности, трехлетний план борьбы с инфляцией.

Успехом мы считаем и региональный займ, разработанный и реализованный нами совместно с Борисом Немцовым еще в 1992 году. Он позволил жителям Нижегородской области не только защититься от высокой инфляции, но и, что особенно важно, поверить в местную администрацию. Удалось до предела упростить регистрацию частных предприятий. Удалось создать систему адресной помощи пенсионерам и наименее обеспеченным. Огромная работа была проделана в Нижнем по земельной реформе; изменению налоговой системы, поиску эффективных решений для оборонных предприятий. Мы на практике стремились увязать реформы с интересами большинства. Если хотя бы в половине российских регионов сделали то, что сделал Немцов — обстановка в стране была бы принципиально иной. На выборах в местные органы власти в Нижнем Новгороде не прошел ни один жириновец, ни один коммунист — разве это не свидетельство нашей правоты?

Наконец, сейчас возникло новое обстоятельство — правительство Черномырдина объявило себя правящей партией. Из хозяйственного придатка президентской структуры оно перевело себя в ранг политической организации, претендующей на всю полноту ответственности за происходящее в стране. Поэтому и вопрос о голосовании недоверия Правительству перестал быть декоративным, как это было осенью, а

превратился в самостоятельную политическую проблему. И хотя влияние правительства на внутреннюю и внешнюю политику страны по-прежнему ограничено и зависит от Президента, оппонировать в новых условиях необходимо не только Президенту, но и Правительству

Мы считаем, что со стороны демократических сил отношения с нынешней властью могут быть построены только на жесткой критике грубейших политических и экономических провалов действующего режима. Мы считаем, что демократы не должны создавать ему комфортные политические условия. Это ведет лишь к тому, что Ельцин и Черномырдин дрейфуют в сторону номенклатуры, националистов и коммунистов, полагая что демократы (особенно перед лицом угрозы коммунистической или националистической диктатуры) и так никуда не денутся.

Коалиция

Судьба политических и экономических реформ остается нашим главным ориентиром при разработке коалиционной политики на предстоящих парламентских и президентских выборах.

Всем очевидна тесная взаимосвязь между парламентскими и президентскими выборами. Это два этапа единого процесса, но между ними есть существенные различия. И мы собираемся на президентских и парламентских выборах придерживаться различных стратегий, в том числе и в коалиционной политике, Парламент существует, чтобы отражать позиции различных групп общества. Общество должно увидеть себя в этом зеркале, чтобы максимально осознанно сделать решающий выбор в июне 1996 года. Важно осознать различие не только между демократами и недемократами, также не должны остаться неясными и расхождения между теми, кто считает себя реформаторами.

Какой смысл в объединении на парламентских выборах крупных политических движений — таких, как «Выбор России» и «Яблоко»? У этих

политических сил есть множество расхождений — в первую очередь по экономической политике. Как могут входить в единый парламентский блок партии, одна из которых поддерживает политику правительства, голосует и за бюджет и за доверие блоку Черномырдина, а другая находится в оппозиции, голосует против бюджета и выражает Правительству недоверие. Зачем же вводить избирателей в заблуждение?

Кстати, последние всероссийские и региональные опросы общественного мнения показывают отрицательное отношение к идее такого объединения.

Еще один веский аргумент против объединения крупных политических организаций: в парламент должны прийти работоспособные команды. А хорошую команду нельзя собрать путем механического склеивания разных фракций в один общий список. Никакие абстрактные соображения не заменят длительного опыта совместной работы и того уникального психологического климата, без которого не мыслимо внутреннее единство фракции. Не учитывать этого — значит идти на создание нежизнеспособного гибрида, который развалится в первые же дни работы парламента.

Сказанное относится к политическим партиям рассчитывающим на парламентских выборах преодолеть пяти процентный барьер. Но в выборах будет участвовать множество не так давно созданных маленьких партий и движений, для которых перейти пятипроцентный порог в одиночку будет практически очень сложно. Коалиция с ними необходима, голоса их избирателей не должны быть потеряны.

Еще раз хочу подчеркнуть, выборы в Госдуму ставят перед избирателями вопрос о типе и способах проведения экономических реформ. На президентских же выборах страна будет решать более принципиальный вопрос: типе политического режима в России, о том, в каком направлении он будет развиваться.

Президентские выборы нельзя выиграть в одиночку. Цель кандидата на президентских выборах принципиально иная, чем у партий на парламентских выборах. Его задача в том, чтобы консолидировать вокруг себя самые широкие слои населения. Поэтому на президентских выборах важно выдвигать на первый план не те положения которые разъединяют различные политические силы, а прежде всего те, которые их объединяют. В преддверии президентских выборов речь пойдет не только об объединении демократов, но и о создании широкой коалиции антиавторитарных сил.

Заявляя о своем участии в президентских выборах мы готовы к самому широкому взаимодействию с теми политическими партиями и движениями, которые отдадут предпочтение демократической форме правления и выступают за соблюдение основных прав человека. С теми кто за свободную, частную, конкурентную рыночную экономику. С теми, кто сознает опасность авторитарной власти заложенной конституции. С теми, за конституционную реформу, направленную на установление демократического баланса властей путем сокращения властных полномочий президента и укрепления законодательной власти, возвращения ей контрольных функций. С теми, кто стоит на позиции четкого разграничения полномочий законодательной, исполнительной и судебной властей. С теми, наконец, кто находится в оппозиции к нынешнему Президенту, Правительству и созданной ими партии власти. Как бы ни называла себя политическая группировка, доказавшая свою приверженность данному кругу идей, это не может рассматриваться как препятствие ее участия в коалиции на президентских выборах.

На этих выборах партия власти столкнется с различными силами и если за оставшееся время демократы не прекратят метаться, стараясь быть одновременно «отцами российской демократии» и «особами приближенными императору», не выработают свою альтернативу, если не сумеют убедить самые широкие слои избирателей в том, что именно эта

альтернатива в наибольшей степени соответствует интересам большинства, то они не только не сумеют стать ядром широкой коалиции на президентских выборах, но и надолго будут отодвинуты на задворки большой политики.

30 июня 1995 года

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аукуционек С.П. Теория перехода к рынку, Москва, 1993г.

Брагинский С.В., Певзнер Я.А., Политическая экономия: дискуссионные вопросы, пути обновления. Москва «Мысль», 1991г

Об итогах первого этапа приватизации в Российской Федерации и основных направлениях приватизации государственных и муниципальных предприятий после 1 июля 1994г

Основные направления политики приватизации (с 1 июля 1994г.). Предложения правительству. Москвы. Центр экономических и политических исследований ЭПИцентр), Москва, июль 1994г.

Экономическая политика в России. Центр экономических и политических исследований (ЭПИцентр), 13 (сентябрь 1993г.), 14-15 (ноябрь 1993г.), 17 (январь 1994г.), 18 (март 1994г.), 20 (март 1994г.), 21-22 (июль 1994г.)

Явлинский Г.А. Уроки экономической реформы. Москва, 1993г.